

Я украл твои

СЛОВА,

ты украла мое
сердце

Эшли Джейд

18+

LAV. Романтика

Эшли Джейд

Слова

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Джейд Э.

Слова / Э. Джейд — «Издательство АСТ», 2022 — (LAV.
Романтика)

ISBN 978-5-17-153623-7

Он был талантливым плохим парнем, которого все хотели. Я была жалкой заучкой, которую все ненавидели. Он был солнцем, притягивающим нас, а я черной дырой, только занимающей пространство. Ему суждено было стать звездой. Мне же суждено было остаться ничтожеством. Пока он не заставил меня поверить, что я особенная. А потом он меня уничтожил. Я и не предполагала, что когда-нибудь снова увижу Феникса Уокера после того, как он разбил мне сердце, но у судьбы свои планы. Один музыкальный тур. Восемь недель. Сорок концертов. И бесчисленное количество возможностей заставить Феникса заплатить за содеянное. Мир считал его богом... Но я знала правду.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-153623-7

© Джейд Э., 2022

© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Пролог	6
Глава 1	8
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	41
Глава 8	46
Глава 9	52
Глава 10	56
Глава 11	59
Глава 12	62
Глава 13	65
Глава 14	69
Глава 15	82
Глава 16	96
Глава 17	99
Глава 18	101
Глава 19	104
Глава 20	106
Глава 21	113
Конец ознакомительного фрагмента.	116

Эшли Джейд Слова

*У каждого святого есть прошлое,
а у каждого грешника – будущее.*
Оскар Уайльд

Ashley Jade
THE WORDS

Печатается с разрешения автора и SBR Media, LLC.
The moral rights of the author have been asserted

© 2022 by Ashley Jade
© Борискина В., перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Пролог

Четыре года назад...

Феникс

– Иди сюда, мелкий говнюк.

Мелким говнюком я перестал быть еще в седьмом классе. Не то чтобы отец об этом знал. Отмахнувшись от него, я спускаюсь на пять ступеней в маленький узкий коридор, ведущий в мою спальню.

Я поворачиваю ручку двери, когда мне в спину прилетает стеклянная бутылка.

Она пуста. Всегда, черт возьми, пуста.

Потому что Вэнс Уокер ни за что бы не потратил понапрасну ни капли спиртного.

Красная пелена затуманивает мое зрение, я оборачиваюсь и хватаю его за грязную рубашку.

– Ты пьян.

– А ты бесполезен. – Отец замахивается кулаком, но его координация нарушена, поэтому он промахивается и отступает. – Выродок.

Гребаная ирония.

– Все потому, что это ты меня породил.

В сознании всплывают воспоминания о том времени, когда моя жизнь не напоминала крушение поезда. До алкоголя и наркотиков. До этого поганого трейлера в этом дерьмовом городе. До предательства. До насилия.

До того, как она покинула нас.

Я должен ненавидеть ее за это... но не могу.

Она увидела возможность обрести свободу – шанс на жизнь, где сломанные ребра, разбитые носы и синяки не входили в повседневную программу, – и воспользовалась ею.

Даже если это требовало оставить ее семилетнего сына на произвол судьбы.

Я смотрю в мутные, остекленевшие голубые глаза отца – глаза, которые я унаследовал от него, – и задаюсь вопросом, как он позволил себе докатиться до такого.

Когда-то мой отец был легендой. Или, по крайней мере, находился в шаге от того, чтобы стать одной из них.

Люди называли его следующим Джими Хендриком¹. Черт, некоторые даже утверждали, что отец его превосходит.

У Вэнса Уокера была великолепная жена, искренне любившая его, и сын, видевший в отце героя.

Когда-то у него было все.

А потом он все потерял.

Я отказываюсь совершать ту же ошибку.

¹ Джими Хендрикс (1942–1970) – американский композитор, музыкант, поэт, певец, гениальный гитарный виртуоз, за короткую жизнь завоевавший титул «короля гитары».

Глава 1

Леннон

Я доедаю вторую тарелку хлопьев «Капитан Кранч», когда на кухню входит отец, похлопывая себя по карманам.

– Ты не видела мои ключи?

Я указываю на кухонный островок, где они лежат на самом видном месте.

– Там.

– Ах. – Подойдя к мраморной стойке, он хватается их. – Спасибо, Мартышка.

Предполагается, что человек с его талантом мог бы придумать более подходящее прозвище для дочери, но, увы, ко мне привязалось это.

По словам отца, будучи младенцем, я напоминала обезьянку – большие уши и все такое.

У меня мгновенно сжимается сердце, и я откладываю ложку.

К сожалению, для него это единственное счастливое воспоминание, связанное с моим рождением, учитывая, что моя мама – его родственная душа – умерла спустя несколько минут.

– А не знаешь, где мой...

– Там, – говорю я ему, указывая на блокнот, который отец положил на стойку рядом с холодильником.

На его лице заметно облегчение.

– Спасибо. У меня сегодня встреча с Black Lung.

Его слова привлекают мое внимание.

– Black Lung? – Я подавляю рвущийся из горла смешок, поскольку отец определенно не подходит на роль фаната этой группы. – Разве ты немного... Ну, ты понимаешь.

Он поправляет сползающие на нос очки в толстой оправе.

– Немного что?

Я не Вилли Вонка², поэтому стараюсь не приукрашивать.

– Тебе скоро пятьдесят, папа.

По растерянному выражению его лица становится очевидно, что он ничего не понял.

– И что?

² Вилли Вонка – герой сказочной повести Роальда Даля «Чарли и шоколадная фабрика», а также экранизаций «Вилли Вонка и шоколадная фабрика» и «Чарли и шоколадная фабрика».

– Ты когда-нибудь ходил на концерт Black Lung? Большинство их фанатов моего возраста.

Хотя я не знаю почему, ведь в их творчестве нет ничего выдающегося. Даже если моему отцу удастся сотворить волшебство и написать для них несколько хитовых песен, это не решит их главных проблем.

Отсутствие гармонии в группе.

И отсутствие у вокалиста... ну, в общем, всего.

Отец пожимает плечами, не выражая ни капли беспокойства.

– На меня вышел их менеджер. А не наоборот.

Неудивительно. Несмотря на возраст, отец до сих пор остается величайшим автором песен со времен своего личного любимца Джона Леннона. В честь кого – сюрприз – он меня и назвал.

– К тому же, – продолжает папа, расстегивая воротник. – Я все еще хипповый.

У меня так и вертится на языке, что только старики используют такие термины, как «хипповый», но с него достаточно оскорблений для одного дня.

– Срази их наповал, пап.

Он подмигивает.

– Если я это сделаю, они не выпишут мне чек. – Отец переводит взгляд на часы над моей головой. – Блин.

Я опаздываю, Мартышка. Пора бежать. – Наклонившись, он целует меня в щеку. – Хорошего дня в школе.

Я сдерживаю стон, поскольку хорошо провести время в школе Хиллкреста для меня не представляется возможным. С того момента, как я переступила ее порог, это место стало моей личной преисподней.

– Постарайся не участвовать в слэме³. Ты же не хочешь сломать бедро.

– Очень смешно. – Он подходит к входной двери, но останавливается, прежде чем открыть ее. – Черт. Куда я дел ключи?

Я поднимаю ложку.

– Они в кармане.

* * *

Подходя к переполненному студентами кирпичному зданию, я одергиваю низ блузки. Жаль, что не купила на размер больше, тогда бы она так не задиралась. Бог свидетель, меньше всего кому-то хочется видеть мой выпирающий живот. Вдохнув, я пытаюсь втянуть его, но это бесполезно. Я могу вдыхать, пока мои легкие не взорвутся, но живот все равно будет нависать над поясом моих джинсов восемнадцатого размера⁴.

Я оглядываю парковку, рассматривая каждую симпатичную девушку с подтянутым, плоским животом, и мою грудь переполняет зависть.

Население небольшого городка Хиллкрест составляет всего четыре тысячи и один человек, но, должно быть, есть что-то в местной воде, потому как почти все жители милovidные.

Это касалось и моей мамы.

Судя по фотографиям и словам отца, она была великолепной, высокой, стройной и обладала ангельским голосом. Однако я ничего от нее не унаследовала. Ну, не считая моей любви к пению в душе, когда отца нет дома.

³ С л эм – действие публики на музыкальных концертах, при котором зрители специально толкаются, сталкиваются друг с другом и прыгают у сцены, таким образом бурно выражая восторг..

⁴ 18-й размер в США – это примерно 52-54-й размер в России.

Нет, я вылитая копия папы. Невысокая брюнетка с карими глазами и к тому же с плохим зрением – этакая заурядная внешность. И я застряла где-то между определениями «пухляя» и «толстая».

– Сфотографируй, толстозадая. Так точно запомнится.

Сабрина Симмонс. Заклятый враг, отравляющий мое существование. Эта девушка такая стерва, что по сравнению с ней Реджина Джордж⁵ выглядит как Мэри Поппинс. Красивая, популярная, капитан танцевальной команды – все в Хиллкресте буквально одержимы Сабриной.

Однако меня она ненавидит.

Что, конечно же, заставляет всех остальных следовать ее примеру.

Я быстро прикидываю, что есть два варианта. Первый – могу игнорировать ее, но это только ухудшит ситуацию. Или второй – я могла бы отплатить ей той же монетой... что также усугубит мое положение.

По сути, варианта с благополучным исходом не существует, поэтому я выбираю тот, из-за которого не опоздаю на урок. Я прохожу мимо.

– Либо твоя одежда села, либо ты растолстела, – кричит она мне вслед.

– Да ладно, все мы знаем, что второе, – добавляет Дрейвен Тернер, капитан футбольной команды и временами бойфренд Сабрины. – Эта сучка такая толстая, что когда встает на весы, на них высвечивается: «Продолжение следует».

Их небольшое сборище разражается смехом, и мне хочется, чтобы земля разверзлась и поглотила меня целиком.

Тот, кто сказал, что игнорирование задиры – лучшая стратегия действий, был либо чертовым идиотом, либо тем, кто никогда не подвергался настоящим пыткам.

Тот факт, что за месяц до выпускного они все еще насмеются надо мной, просто абсурден.

Абсурден и страшен. Раньше я убеждала себя, что все эти придирки к лишнему весу закончатся после окончания школы, но теперь начинаю думать, что дети-придурки вырастают, чтобы стать еще большими придурками во взрослой жизни, и наше общество обречено.

Одно можно сказать наверняка. Мне надоело быть их грушей для битья.

Я оборачиваюсь. Дрейвен обнимает стройные плечи Сабрины, давая понять, что они снова вместе.

Возможно, я не могу раскритиковать их внешность, но все еще в состоянии ударить по больным местам.

– Вау. – Моя улыбка так же фальшива, как и волосы Сабрины, когда вспоминаю последнюю разыгравшуюся в Хиллкресте драму. – Я думала, что после того, как ты застал Сабрину с Фениксом на стоянке во время вечера танцев, ты покончил с ней навсегда. – Я закидываю сумку на плечо. – Но посмотрите на этих двоих... Снова вместе. Кажется, настоящая любовь действительно существует.

Толпа замолкает, но по гневу, озаряющему лицо Дрейвена, и взглядам, которые Сабрина бросает в меня, подобно кинжалам, становится ясно, что моя работа здесь закончена.

Едва я отворачиваюсь, как счастливая парочка начинает орать друг на друга.

По правде говоря, не могу винить Сабрину за то, что она связалась с Фениксом Уокером.

Он столь же великолепен, сколь и загадочен.

Он не зависает с популярными ребятами, но и в Стране Неудачников его точно нет. Феникс мало разговаривает, но, когда это случается, невозможно его не слушать, поскольку есть в его глубоком, хриплом голосе – в нем самом – нечто завораживающее.

⁵ Персонаж фильма «Дрянные девчонки».

Стоит ему войти в комнату, и он высасывает из нее весь кислород, требуя вашего внимания. Бог, должно быть, тот еще шутник, подслушивающий мои мысли, потому что по моей коже пробегают мурашки, и я чувствую жар.

Не смотри.

Но я ничего не могу с собой поделать. Я мазохистка.

Во рту у меня пересыхает, земля уходит из-под ног, когда я поворачиваюсь и попадаю в плен пронзительных голубых глаз.

Держу пари, даже в темноте он бы видел меня насквозь.

Облаченный в черное с головы до ног, Феникс стоит, прислонившись к своей побитой «Тойоте Камри», с таким видом, будто ему ни до чего нет дела. Его темно-русые волосы достаточно длинные и при движении падают на глаза, что придает еще больше загадочности. Сигарета зажата меж полных губ... подтверждая, что ему наплевать на школьные правила и возможность угодить в неприятности.

Мы никогда не разговаривали, но я наблюдала за ним на протяжении многих лет.

Я знаю, что он живет в трейлерном парке Бэйвью Эстейтс.

Знаю, что в школе есть только один человек, кого он считает своим другом, – Риз Сторм.

Я видела, как Феникс оценивает приближающихся людей... Безмолвно определяя, стоят ли они его времени.

Бессердечная маска, которую он надевает на публике.

Страдание во взгляде, когда никто не смотрит.

Мы никогда не говорили друг другу ни слова...

Но иногда мне кажется, что никто не знает его лучше меня.

Глава 2

Леннон

– Леннон, мне нужно поговорить с тобой после занятий.

Двадцать пар любопытных глаз обращаются в мою сторону. У меня сводит живот, потому что это совсем не те слова, которые хочется слышать от учителя. Особенно за месяц до выпускного.

Я лихорадочно соображаю, пока миссис Герман возвращается к доске и продолжает занятие, сравнивая литературу эпохи Возрождения и Средневековья. Я отличница с первого класса. Черт, я бы стала лучшей выпускницей, не набери Дэвид Пол сотню на последнем тесте по математике, опередив меня на два балла. Подонок.

Не знаю, что именно происходит, но меня это напрягает. Настолько, что мне едва удастся удерживать концентрацию до конца урока.

Дождавшись, пока все покинут комнату, я подхожу к столу учителя.

– Все в порядке?

Она поджимает губы, внимательно изучая меня, прежде чем улыбнуться.

– Просто хотела лично сказать, как горжусь тем, что тебя приняли в Дартмут. Ты всегда была трудолюбивой, и я так рада, что ты вылезаеть из своей скорлупы и открываешь миру.

Я никогда не умела принимать комплименты, и сейчас не исключение.

– Ох... Эм-м, спасибо.

Честно говоря, несмотря на то, что я подала документы в несколько колледжей Лиги плюща, учиться я планировала в местном.

Меня не устраивает, что отец останется дома один, в то время как я буду находиться в нескольких часах езды от него. Однако он заверяет меня, что все будет хорошо, и, как бы он ни скучал, его больше огорчит, если я упущу возможность всей жизни лишь потому, что боюсь вылететь из гнезда.

Отец настаивал, что пришло время расправить крылья и ни о чем не волноваться, ведь при необходимости он всегда будет рядом.

Как бы ни тревожила меня мысль об отъезде, в глубине души я знаю, что он прав. За пределами Хиллкреста целый мир, и мне не терпится приступить к его исследованию.

Я чувствую себя обязанной что-нибудь ответить, прежде чем упорхнуть прочь, поэтому произношу:

– Вы прекрасный учитель.

В ответ она хмурится.

– Я уже не так в этом уверена.

Что ж, неловко вышло.

Выстраивая ручки на столе в прямую линию, она вздыхает.

– Есть один ученик, доставляющий мне большие трудности. Верю, что он замотивирован на учебу, но, сколько бы раз ни пыталась оказать ему дополнительную помощь, у меня не получается до него достучаться. Я предложила ему нанять репетитора перед предстоящими выпускными экзаменами, но он не может себе этого позволить. – Она вновь хмурится. – На данный момент крайне маловероятно, что он окончит школу.

Не знаю, зачем она говорит это мне, но я сочувствую этому ученику, кто бы им ни оказался.

Если только это не Дрейвен. Этот придурок может идти куда подальше.

– Перспектива так себе...

– Я видела, как ты помогаешь другим ученикам, Леннон. Ты терпеливая и добрая... даже когда они того не заслуживают, и ты способна сделать так, чтобы у них в голове что-то щелкнуло. Я знаю, что не имею права просить тебя взяться за нечто подобное – особенно бесплатно, – но мне действительно жаль этого ребенка. Его жизнь дома... – Словно почувствовав, что сказала слишком много, она зажимает рот. – То, что он не окончит школу, принесет ему гораздо больше вреда, чем пользы. Однако, чтобы избежать этого, ему необходимо сдать выпускной экзамен, а также выполнить внеклассный проект, дабы повысить оценку по английскому языку.

Ну и ну. Нужно все обдумать. Я не против помочь, но звучит напряжно. Не говоря уже о... потере времени.

Не то чтобы я вела активную общественную жизнь или что-то в этом духе.

– Ему необходимо сдать только английский, или есть еще проблемные предметы?

– Я поговорила с другими учителями, и, хотя его оценки оставляют желать лучшего, он сможет набрать минимальные баллы. Похоже, английский – его самый слабый предмет.

Учитывая, что английский дается мне лучшего всего, кажется, я могу принести пользу.

Внутренний голос подсказывает мне отказаться и не вмешиваться, но я знаю, что буду мучиться угрызениями совести, если хотя бы не попытаюсь помочь.

– У меня есть немного времени после школы и в выходные. – Я забираю книги со стола. – Не могу обещать, что занятия со мной помогут ему сдать экзамен, но хочу попробовать.

Миссис Герман оживает.

– Замечательно! Большое спасибо, Леннон. – Она оглядывает пустой класс. – Сегодня после уроков состоится учительское собрание, но я могу оставить класс незапертым, чтобы вы познакомились и составили расписание.

– Звучит неплохо. Спасибо. – Я направляюсь к двери, когда до меня доходит, что я даже не знаю, кого именно буду учить. – Кто этот ученик?

Она поднимает взгляд от стопки бумаг на столе.

– Не уверена, что ты его знаешь, поскольку вы учитесь в разных классах, но это Феникс Уокер.

Такое чувство, будто кто-то выбил землю у меня из-под ног.

– Ох.

Она удивленно моргает.

– Это проблема?

Нет, если только она не считает проблемой мой выпирающий живот, внезапно вспотевшие ладони или неспособность набрать воздуха в легкие.

– Нет. Все хорошо.

Просто отлично.

* * *

Может, мне стоит сказать миссис Герман, что я слегла с мононуклеозом?

Или малярией.

Я могла бы сослаться на чрезвычайную ситуацию дома.

Или заявить, что у меня умерла золотая рыбка.

Я дергаю низ блузки, пока иду по пустому коридору, беззвучно проклиная себя за то, что вообще согласилась на это.

Глупая, глупая, глупая.

Я надеялась, что в течение дня нервы немного успокоятся, но стало только хуже.

И вот я здесь... Готова танцевать танго в логове льва.

Но Феникс, конечно, не лев.

Он, скорее, похож на волка-одиночку.

Особенно с этими ледяными голубыми глазами и его манерой поведения «не шути со мной, иначе вырву тебе глотку зубами».

С облегчением обнаруживаю, что класс пуст. То, что я пришла первой, дает мне преимущество... и дополнительное время, чтобы остыть.

Поставив сумку с книгами на длинный стол в задней части класса, я плюхаюсь на стул.

Вскоре пять минут ожидания превращаются в десять, а Феникса все еще нет.

С облегчением я собираю вещи и напеваю одну из своих любимых песен: Cryin' группы Aerosmith.

Музыка всегда была моей первой любовью. Всякий раз, когда я испытываю стресс, грущу или нервничаю... она принимает меня с распростертыми объятиями. Укутывает, точно теплое одеяло в холодный день.

Вскоре мое напевание оборачивается полноценным пением. Я пою строчку о том, что любовь – это сладкое страдание, когда боковым зрением замечаю, как в класс входит высокая фигура.

О боже.

Язамираю. Единственный звук, который сейчас слышу, – стук пульса в ушах.

Не смотри.

Хотя я вроде как должна, учитывая, что Феникс здесь ради встречи со мной.

Когда я, наконец, набираюсь смелости повернуть голову, то обнаруживаю, что он с лукавой ухмылкой прислонился к дверному проему, засунув руки в карманы джинсов.

Потрясающий.

– Не останавливайся из-за меня.

Его голос – смятый бархат, окутанный шелком и гравием.

К счастью, звучу я гораздо увереннее, чем себя чувствую.

– Ты опоздал.

Феникс шагает внутрь, будто это место принадлежит ему.

– Пришлось кое о чем позаботиться.

Мне приходится сдерживать себя, дабы не спросить, о чем именно, поскольку это меня не касается.

Он нависает надо мной, точно грозовая туча, пока я достаю из сумки несколько книг и папок.

– Миссис Герман сказала, что у тебя какие-то проблемы с английским.

Чувствую себя идиоткой, ведь именно поэтому он здесь, но я понятия не имею, как сдвинуть дело с мертвой точки, потому как его едва ли можно назвать мистером Болтуном.

Спустя, казалось бы, вечность он присоединяется ко мне за столом, но по-прежнему молчит.

Я решаю попробовать иную тактику.

– В какие дни и в какое время ты свободен? Я обычно могу после школы и по выходным. Я даю себе мысленную пощечину, поскольку только что выставила себя неудачницей.

Феникс откидывается на стуле, расставив ноги, и на его великолепном лице читается раздражение. Будто это моя вина, что он здесь.

Открыв папку, я достаю эссе, которое нам нужно прочитать и проанализировать, и список вопросов по нему.

– Ладно. Составим расписание позже. – Ядвигаю лист по столу. – Я дам тебе несколько минут, чтобы прочитать это, а потом мы можем...

Не сделать ничего... потому что он покидает класс.

Несколько мгновений я сижу не двигаясь, ошеломленная его наглостью. Я здесь пытаюсь помочь ему, дабы он сумел выпуститься, а он просто встал и ушел, не сказав даже «спасибо» или «да пошла ты».

Внутри закипает раздражение, и я бросаюсь вслед за ним.

Мне надоело, что люди принимают мою доброту за слабость. Устала от придурков, считающих, что они могут просто воспользоваться мной, поскольку я не выгляжу как модель из социальных сетей и не ношу второй размер.

Устала мириться с дерьмовым отношением, которого не заслуживаю.

Когда я достигаю конца пустого коридора, Феникса уже нигде нет. Я подумываю о том, чтобы выбежать на парковку, но зачем? Если ему не нужна моя помощь – а он ясно дал понять, что не нужна, – я не собираюсь тратить свое время.

Стиснув зубы, я возвращаюсь в класс, чтобы собрать вещи и пойти домой. И уже подхожу к двери, когда моих ушей достигает мелодичный звук пианино. Ноты знакомые, но мне все равно требуется секунда, чтобы понять: это урезанная версия песни, которую я пела ранее.

А потом я слышу это.

Мое сердце замирает, прежде чем проснуться от сильного толчка, от которого переворачивается все нутро.

Есть хорошие голоса.

А есть голоса уникальные.

Гипнотизирующий вид, удерживающий в заложниках и требующий каждую каплю твоего внимания... Каждую частичку твоей души.

Голос, заставляющий следовать за звуком, сродни тому, как мотылек летит на пламя.

Страстное желание, которое невозможно игнорировать.

Моя кожа покрывается мурашками, когда я вхожу в музыкальный класс, где Феникс сидит за пианино с закрытыми глазами, откинув голову во время пения.

Хотя пение кажется неправильным определением происходящего.

Он словно впитывает каждую ноту в свою кровь, чтобы потом с помощью голосовых связок превратить ее в нечто еще более прекрасное.

Мне кажется, что я наблюдаю какое-то душевное потрясение... настоящее перерождение.

Его низкий, хриплый голос окутывает меня будто густым туманом. Я не смогла бы отвести от Феникса взгляда, даже если бы захотела. Он завораживает.

Словно был рожден для этого.

Песня заканчивается, и я не уверена, что Феникс вообще знает о моем присутствии.

Пока он сердито не произносит:

– Я не хочу твоей помощи.

Его отказ и резкий тон должны бы меня оскорбить. Но вместо этого я выпаливаю:

– Когда поёшь, ты оживаешь.

Ответа не следует, хотя это не имеет значения. Я делаю шаг в его сторону.

– Твой голос... Наблюдая за тем, как ты это делаешь... – Подойдя ближе, я глубоко вздыхаю. – У тебя дар, Феникс.

Я даже не осознаю, что нахожусь рядом с ним, пока не слышу, как ножки скамейки скребют по деревянному полу, и вот Феникс уже возвышается надо мной.

Он подобен солнцу. Излучаемая им энергия притягивает, и невозможно не приблизиться к нему. Желая ощутить жар на своей коже. Соприкоснуться с чем-то настолько могущественным. Настолько прекрасным.

Даже если обожжешься.

– Я не хочу твоей помощи, – снова говорит он.

Его низкий, хриплый голос – бурный поток воды, утягивающий меня в пучину. Однако погубил меня его западающий в душу, отчаянный взгляд.

– Но она мне нужна.

Глава 3

Феникс

Скажи мне кто-нибудь, что Леннон Майкл станет ключом к моей свободе, я бы попросил его поделиться дурью, которую он курит. Несмотря на то, что последние четыре года мы посещали одну школу, я ни разу не разговаривал с этой девчонкой. Черт, не думаю, что с ней вообще хоть кто-то общается.

Все они заняты только обсуждением ее внешности.

Я не слепой, Леннон отнюдь не худышка. Следовательно, ее внешний вид не вызывает никакого интереса или внимания со стороны парней. Чего нельзя сказать о цыпочках школы. Они слетаются, словно мухи к дерьму. Особенно Сабрина.

Эта девушка практически сделала своей жизненной миссией издеваться над Леннон.

Вероятно, из зависти.

Хотя внешне Сабрина невероятно привлекательна, внутри она чертовски слаба. До боли очевидно, что она отчаянно нуждается во всеобщем одобрении.

Однако Леннон не такая. Хотя она без колебаний помогает другим – даже мне, ведь она предложила помочь с репетиторством, – ее нельзя причислить к слабым игрокам.

Никогда не видел, чтобы она пролила хоть одну слезинку из-за оскорблений Сабрины или кого-либо еще. Леннон воспринимает все спокойно, будто ей искренне наплевать на то, что они думают.

Уже одно это привлекает.

Как и ее голос.

Хотя он и не идеален, но хриплый, страстный тон медленно напрягает мой член. Есть в его голосе крошечные трещинки, позволяющие думать, что он вот-вот сорвется и с минуты на минуту Леннон сиганет с долбаной скалы... Но этого никогда не происходит.

Ее голос такой же стойкий, как и она сама.

Я мог бы слушать ее пение весь гребанный день.

Но не сегодня. Мне нужно добраться до дома Сторма, дабы мы смогли порепетировать.

Наша группа состоит из нас двоих. Я – вокалист, умеющий играть на клавишных. А Сторм – барабанщик с такими навыками, благодаря которым он звучит как дитя любви Джона Бонэма⁶, Нила Пирта⁷ и Томми Ли⁸.

Последний присутствует в списке потому, что у Сторма уникальный стиль, присущий только ему. Кажется, будто каждый раз, нанося удар по этим штукам, он изгоняет своих демонов.

Все это вместе делает его не только моим напарником по группе, но и лучшим другом.

Всякий раз, когда я закрываю глаза и пою... все плохое просто отходит на второй план.

Растворяясь в музыке, я перестаю быть Фениксом Уокером. Глупым мальчишкой из трейлерного парка, из которого ежедневно выбивал дерьмо пьяный отец и которого бросила мать.

Я Феникс Уокер.

Парень, который будет управлять сценой, красть каждую частичку вашего внимания и заставлять падать на колени, чтобы вы могли отсосать мой гребаный член, пока я пою.

У нас со Стормом есть план. Как только окончим школу, мы отправимся в Лос-Анджелес в надежде, что нас заметят. Если там не получится, попробуем в Нью-Йорке.

Несмотря на дерьмовые оценки, я не полный тупица. И прекрасно знаю, что большинство начинающих музыкантов терпят неудачу, так и не добившись успеха. И хотя мы со Стормом готовы питаться ramenом и делить кров с тараканами в течение следующих пяти лет, нам все же нужен какой-то доход на это время.

А значит, мне необходимо найти работу, пока я гонюсь за своей мечтой. Однако ни один потенциальный работодатель не жалуется тех, кто бросил школу, поэтому, чтобы получить более-менее приличную работу, мне нужен диплом.

Именно по этой причине я оказался в неприятном положении, где мне понадобилась помощь Леннон Майкл.

Я должен убраться подальше из этого города – подальше от отца, – прежде чем закончу так же, как он.

Молодость дается один раз, так что либо сейчас, либо, черт возьми, никогда.

Знаю, что ни за что не прощу себе, если хотя бы не попробую. Даже если я потерплю неудачу, это лучше, чем вообще не пытаться.

– Я готова тебе помочь, – говорит Леннон, вырывая меня из мыслей. – Давай вернемся в класс и начнем.

Я бы предпочел забить гвозди в мошонку.

– Не могу. – Я достаю из кармана ключи от машины. – У меня планы.

Уже собираюсь пройти мимо Леннон, но она делает шаг вперед и кладет ладонь мне на грудь.

Ее рот открыт, будто она в равной степени оскорблена и потрясена моим намерением уйти.

– Ты серьезно? На случай, если ты меня не слышал, я предлагаю помочь с репетиторством, чтобы ты мог закончить школу. У нас не так много времени. Чем быстрее начнем, тем лучше.

Мне прекрасно известно, что время на исходе. Однако музыка превыше всего.

И так будет всегда.

Я смотрю на ладонь Леннон, которая все еще лежит на моей груди.

– Двигайся.

Покраснев, она убирает ее и отступает на несколько шагов.

⁶ Джон Бонэм – британский барабанщик-виртуоз, участник группы Led Zeppelin.

⁷ Нил Пирт – канадский музыкант, наиболее известен как барабанщик и автор текстов группы Rush.

⁸ Томми Ли – барабанщик американской рок-группы Motley Crue.

– Если не собираешься относиться к этому серьезно, я уйду.

Боже. Пусть эта девчонка оторвет мне яйца.

– Я свободен завтра после девяти. Заеду за тобой.

В ответ она приподнимает бровь.

– Заедешь? Что? Как...

– На машине, – вставляю я. – Если только не хочешь прогуляться на другой конец города. – Я опускаю взгляд, медленно и угрожающе осматривая ее тело с головы до ног. – В темноте... В одиночестве.

Готов поспорить на левое яйцо, что маленькая мисс Невинность никогда не переходила дорогу и не играла с большими злыми волками.

Она слишком занята роскошной жизнью на прекрасной стороне Хиллкреста в еще более прекрасном доме.

– Ну, нет, но...

– Так и думал. – Проталкиваясь мимо, я задеваю ее плечом. – До завтра.

– Ты даже не знаешь, где я живу, – кричит она мне вслед.

Тут она ошибается. Я точно знаю, где она живет.

В огромном доме на вершине холма на Болдуин-авеню. Леннон не единственный человек, кто на протяжении многих лет наблюдает за тем, с кем никогда не обмолвился и словом.

Только в отличие от ее мотивов мои – сугубо деловые.

Ее отец – Дон Майкл. Тот, кто написал пару хитов для множества великих музыкантов.

И хотя я слишком горд, чтобы просить его замолвить словечко благодаря своим связям, у меня имеются намерения нанять этого человека, как только я добьюсь успеха.

Но для этого мне нужно окончить школу.

И найти способ воспользоваться помощью Леннон, не раскрывая один из моих самых главных секретов.

– Где ты, черт возьми, был? – брзжит Сторм, когда я въезжаю к нему в гараж.

С тех пор, как его бросили родители, он живет с бабушкой в крошечном домике недалеко от трейлерного парка.

К счастью, в крохотном жилище имеется гараж приличных размеров. Тот, который его бабуля разрешила нам переоборудовать под место для репетиций.

Знаете, что еще лучше? Ей наплевать на весь шум, который мы производим.

Она почти полностью потеряла слух, поэтому просто вытаскивает слуховые аппараты, когда мы отрываемся.

Я это ценю, как и футо⁹, на котором Сторм позволяет мне спать, когда ситуация дома становится невыносимой.

Я молча подхожу к микрофонной стойке.

Но Сторм не сдаётся.

– Твою ж мать. Сколько раз, черт возьми, я должен повторять, чтобы ты перестал трахать сучек перед репетицией?

Бесчисленное количество. Однако сегодня я опоздал по иной причине.

Сабрина отсосала мне еще до встречи с Леннон.

Я поворачиваюсь к другу.

– Я задержался в школе... Встречался с новым репетитором.

Сторм удивленно вскидывает брови.

– Новый репетитор? Зачем?

Была не была.

⁹ Традиционная японская постельная принадлежность в виде толстого хлопчатобумажного матраса, расстилаемого на ночь для сна и убираемого утром в шкаф.

– Миссис Герман завалит меня, если не сделаю какую-нибудь внеклассную чушь и не сдам выпускной экзамен.

Пять. Четыре. Три. Два...

– Ты что, издеваешься?

Один.

Он бросает барабанные палочки на пол, словно ребенок во время истерики.

– Ты сказал мне, что разобрался с этим дерьмом.

Так и есть.

– Я сдам этот гребаный экзамен, приятель. Не волнуйся. – И тут я вспоминаю. – Могу я привести ее сюда завтра вечером после тренировки? Не смогу учиться с... Ну, ты знаешь.

Рядом с пьяным кретином-отцом.

Подняв палочки и положив их на барабан, Сторм кивает.

– Ага. – Он прищуривается. – Клянусь Богом, Феникс, лучше тебе держать свой член в стороне. – Затем достает сигарету из пачки и закуривает. – Мне плевать, насколько она горяча. Не трахай эту девчонку, пока не выпустишься.

– Это Леннон Майкл.

Все его опасения мгновенно исчезают, и он начинает смеяться.

– Тогда неважно.

В яблочко. Я бы ни за что не трахнул эту девицу.

Мало того, что она не в моем вкусе, теперь я уверен, что она будет той еще занозой в заднице.

Я поворачиваюсь обратно к микрофону.

– Погнали, придурок.

Глава 4

Леннон

Я паркую велосипед в гараже, когда кое-что слышу.

Мяу.

– У меня нет для тебя еды, Варезка.

Не то чтобы она в ней нуждалась. Кошка моей соседки довольно упитанная. Миссис Палма с мужем вдоволь ее кормят... вместе с остальными соседями, поскольку персидская кошка огибает весь квартал, очаровывая каждого встречного.

Не принимая отказа, она трясет лапкой в воздухе и мурлычет.

Я сдаюсь. Подойдя к пакету с кошачьим кормом, который припрятала специально для нее, я достаю пару кусочков и кладу их на пол. И как только Варезка их съедает, я подхватываю ее на руки.

– Теперь, когда ты получила то, зачем пришла, тебе пора домой.

Пока я направляюсь к дому миссис Палмы, Варезка мяукает, продолжая выпрашивать еду.

Я понимаю тебя, сестренка.

Музыка может быть моей первой любовью, но еда – мой лучший друг... Всегда рядом, чтобы успокоить меня.

Миссис Палма перестает возиться в саду, когда замечает меня... и свою кошку.

– Мне так жаль. – Выпрямляясь, она снимает перчатки и забирает Варезку. – Я посадила ее на другую диету, но она не очень-то этому рада и все время пытается сбежать.

Улыбаясь, я слегка чешу питомца по голове.

– Не нужно извиняться. Я люблю, когда Варезка заходит поздороваться.

Миссис Палма внимательно изучает меня, поджав губы.

– Кто этот мальчик?

Понятия не имею, откуда эта женщина знает подобные вещи, но, клянусь, она, должно быть, наполовину экстрасенс.

И с тех пор, как в одиннадцать лет я прибежала к ней в слезах, потому что у меня начались первые месячные, а я не представляла, что делать... она стала для меня кем-то вроде матери.

– Никто. – Я машу рукой. – Ничего такого. Ничего особенного.

Только это не так. Потому что Феникс Уокер заедет за мной завтра вечером.

Несмотря на то, что я ее не убила, миссис Палма отступает.

– Как скажешь. – Она почесывает Варезку за ушами. – Мне нужно пойти и приготовить ужин, но позже я вернусь, если захочешь поболтать на девчачьи темы.

Обычно я бы согласилась, но она просто собирается в миллионный раз сказать мне, что я красивая и что мой размер совершенно не важен.

Она заявит, что парни вроде Феникса Уокера просто сумасшедшие, если не хотят со мной встречаться.

Хотя я всегда ценю ее добрые слова... знаю, что это неправда. Такие парни, как Феникс, никогда не заинтересуются такими девушками, как я. Всего лишь правда жизни.

Я научилась с ней мириться.

Помахав соседке, я возвращаюсь домой. Отец до сих пор не приехал, так что я роюсь в шкафах и хватаю пакет чипсов и шоколадку. Задержавшись, чтобы взять газировку из холодильника, я направляюсь к себе в спальню.

Мои стены увешаны постерами любимых музыкальных групп, а также копиями обожаемых синглов, которые я держу в рамках.

Бросив на кровать пакет с чипсами, шоколад и газировку, я закрываю глаза...

Затем снимаю одежду.

Подойдя к большому зеркалу в полный рост в противоположном конце спальни, я осматриваю каждый дюйм своего тела.

«Сфотографируй, толстозадая. Так точно запомнится».

«Либо твоя одежда села, либо ты растолстела».

«Эта сучка такая толстая, что, когда встает на весы, на них высвечивается: “Продолжение следует”».

Сегодняшние оскорбления эхом отдаются в моей голове, заставляя взглянуть в лицо холодной и суровой правде.

А потом я достаю маркер.

* * *

– Куда ты собралась? – спрашивает отец, когда я прохожу мимо гостиной, направляясь к входной двери.

Сегодня в школе Феникс не сказал мне ни слова, но я предполагаю, что договоренность в силе, поскольку он не заявил обратного.

Я перевожу взгляд на настенные часы над папиной головой. Сейчас 20:58.

Значит, Феникс прибудет через две минуты.

Я так думаю.

Хотя понятия не имею, откуда ему известен мой домашний адрес.

– Я занимаюсь с другом.

«Друг» звучит намного лучше, чем «горячий парень из школы, которым я одержима».

Отец разворачивается, глядя на те же часы, что и я.

– Но уже девять. Школа закрыта на ночь.

– Технически сейчас еще восемь пятьдесят девять. И, насколько я знаю, в прошлом месяце мне исполнилось восемнадцать, – напоминаю я папе, к его великому огорчению.

– Насколько я знаю, ты все еще живешь под моей крышей, – парирует он.

Не желая проигрывать битву, я достаю козырь.

– То есть ты хочешь, чтобы я переехала, потому что...

– Нет, Леннон. Не говори ерунды. – Отец сдвигает очки на нос. – Во сколько ты будешь дома?

Понятия не имею.

– В два... – начинаю я, но он хмурится.

– Попробуй еще раз.

– Полвторого?

Еще один хмурый взгляд.

– Полночь, – говорит он. – Ни минутой позже.

Это так несправедливо.

– Папа, это всего лишь три часа.

Не представляю, сколько времени нам с Фениксом потребуется. К тому же я не хочу показаться неудачницей с комендантским часом.

В час ночи я, по крайней мере, могла бы притвориться уставшей, ведь завтра нам в школу.

– Ну же. Позволь мне задержаться до часу...

– Что тебе нужно сделать за четыре часа, что невозможно осилить за три? – Его лицо искажается ужасом. – Ты же не с мальчиком занимаешься, правда?

Он выплевывает слово «мальчик» так, словно учуял тухлятину.

– Э-э... – начинаю отвечать я, но меня прерывает чей-то гудок.

Отец практически вскакивает с дивана и подходит к окну. Он отдергивает занавеску, и действительно, «Тойота» Феникса припаркована в самом конце нашей подъездной дорожки.

К счастью, сейчас уже темно, и он слишком далеко, чтобы разглядеть лицо.

Не то чтобы это имело значение.

– Так сигналил только несносный панк-подросток. – Отец смотрит на меня. – Несносный панк-подросток мужского пола.

Боже правый.

– Это не так, – бормочу я, хотя мой мозг закипает. – Он... Феникс – гей.

Отец удивленно моргает.

– Ох.

Пользуясь моментом, я бегу к входной двери.

– Люблю тебя. Пока-пока. Увидимся в час.

– Полпервого, – кричит он, когда я закрываю за собой входную дверь. – И ни секундой позже.

Уф. Не так много, но, во всяком случае, лучше, чем у Золушки.

Не могу дождаться, когда перестану страшиться экзамена на вождение. Хотя я уверена, что новообретенная свобода только еще больше взбесит моего отца.

Открыв пассажирскую дверь машины Феникса, я запрыгиваю внутрь.

Мои уши заполняет песня Down with the Sickness группы Disturbed, и я не могу сдержать улыбки, безмолвно подпевая солисту.

Подростки моего возраста, как правило, слушают по радио новейший отстой в жанре поп-музыки или хип-хопа. Не рок или альтернативную рок-музыку... которая лично мне нравится больше всего.

Хотелось бы мне, чтобы появилась потрясающая рок-группа и спасла моих сверстников от всего того дерьма, которым они забивают свои уши.

Каждому предыдущему поколению посчастливилось застать даже больше одного подобного исполнителя.

Видит бог, пришло и наше время.

Тот факт, что Феникс знает, что такое хорошая музыка, придает ему еще больше неотразимости.

Я чувствую, как он изучает меня, выезжая с подъездной дорожки.

– Тебе нравится эта песня? – спрашивает он, или, по крайней мере, мне так кажется, потому что громкость включена на максимум.

– Обожаю рок, – перекрикиваю я музыку. – И Disturbed бесподобны. Хотя с технической точки зрения они ближе к звучанию хеви-метала.

Несмотря ни на что, они – вечная классика. Группа, которую обязаны знать все, кто претендует на звание истинного поклонника рок-музыки.

Я наблюдаю, как напрягаются запястья Феникса, когда он сжимает руль и выезжает из моего района, нарушая несколько правил дорожного движения.

Когда песня заканчивается, он нажимает кнопку паузы на стереосистеме.

– Во сколько у тебя комендантский час?

– С чего ты взял, что у меня он есть?

И откуда, черт возьми, он знает?

Феникс ухмыляется.

– Ты напоминаешь подобный тип.

Мне хочется спросить, что это значит, но тут он бросает мне свой телефон, который транслирует музыку на стереосистему.

– Давай, Группы¹⁰. Выбери что-нибудь хорошее.

Оскорбительное прозвище заставляет меня прищуриться.

– Да пошел ты. Я не группы.

Я поклонница. Чертовски большая разница.

Испытывая раздражение, я прокручиваю плейлист на его телефоне. У нас схожие вкусы. Он даже слушает некоторые малоизвестные группы, которые мне тоже нравятся. И за это получает еще одно очко в свою пользу.

Однако меня по-прежнему раздражает его замечание о группе, поэтому я выбираю песню, отражающую мой настрой.

И одариваю Феникса ухмылкой, когда из динамиков звучит I Hate Everything About You группы Three Days Grace. Его губы слегка подергиваются, а затем растягиваются в сексуальной улыбке, от которой у меня замирает сердце.

И я благодарна, что остаток поездки мы просто наслаждаемся музыкой.

* * *

Меня сбивает с толку, что мы останавливаемся перед небольшим домиком.

– Где мы?

Я подумала, что он отвезет меня к себе, чтобы мы могли позаниматься.

– Расслабься, – говорит он, вылезая из машины. – Это не притон.

Не знаю, как воспринимать его замечание. Феникс меня успокаивает... или высмеивает? Очень надеюсь, что не последнее, потому что я совсем не в том настроении.

Я вылезаю вслед за ним.

– Уж прости, что я хочу знать, куда парень, с которым я даже не разговаривала, ведет ме...

Я замолкаю, заметив, как он надвигается на меня... И медленно отступаю, пока не упрусь спиной в окно его машины.

– В чем дело? – Угрожающий блеск затемняет его глаза, когда он проводит взглядом по моему телу, заставляя чувствовать себя обнаженной и беззащитной. – Боишься, что я собираюсь овладеть тобой? Совершу все эти грязные вещички, о которых ты мечтаешь, когда ночью остаешься одна в постели и... ласкаешь себя?

Господи, как бы мне этого хотелось.

Он наклоняется ко мне, и его губы едва касаются моего уха, вызывая волну мурашек.

¹⁰ Группы – поклонница, сопровождающая своих кумиров во время турне.

– Или ты надеешься, что именно это и произойдет сегодня вечером?

У меня пересыхает во рту. Я пытаюсь подобрать слова, но ничего не выходит.

– Можешь сколько угодно изображать невинность, но я знаю, что тебе нравится преследовать меня, Группи. – Он отстраняется. – Но мне нужно, чтобы ты держала свою маленькую влюбленность под контролем, дабы я смог окончить школу. Думаешь, справишься с этим? Или мне попросить миссис Герман найти кого-нибудь другого?

Такое чувство, будто он только что вылил мне на голову целую ванну ледяной воды.

– Я не... – Я борюсь с нахлынувшей на меня волной смущения. – Знаешь что? Иди к черту. Я не напрашивалась тебя обучать. Так что мне не нужно тратить на это свое свободное время.

Я уже собираюсь уйти и открыть приложение Uber, чтобы добраться до дома, но его рука обхватывает мое запястье.

– Посмотри на меня, Леннон.

Командный тон в сочетании с прикосновением заставляет меня сдаться.

Стоит нашим взглядам встретиться, как Феникс произносит:

– Просто хочу убедиться, что каждый из нас знает положение другого, чтобы не усложнять ситуацию.

– Почему она должна усложняться?

Подобное возможно только в том случае, если Феникс ответит взаимностью на мою «маленькую влюбленность», как он ее называл. Но мы оба понимаем, что этого никогда не произойдет.

И я с этим смирилась.

Но по какой-то странной причине кажется, что Феникс этого не улавливает.

– Не усложнится. – Он переносит вес на одну ногу, и я вновь осознаю, насколько он высок. Чуть выше шести футов¹¹. – Во всяком случае, не с моей стороны.

– И не с моей тоже.

– Хорошо. – Он отпускает мое запястье. – Рад, что мы все прояснили.

Феникс жестом приглашает меня следовать за ним. Я предполагаю, что мы зайдем в дом, но он открывает дверь гаража.

Войдя, я замечаю микрофон со стойкой, синтезатор, усилитель и барабанную установку.

– У тебя есть группа?

Если нет, то ему определенно следует это исправить. Несмотря на то, что он засранец, у него божественный голос.

Феникс подходит к футону в противоположной стороне гаража.

– Ага. В ней только мы со Стормом, он занимает место барабанщика, но мы справляемся.

Кстати, это его дом.

Это... неожиданно.

– Ой. А ты уверен...

– Все в порядке. Он сказал, что мы можем позависать здесь.

Я мало что знаю о Сторме. Кроме того, что он выглядит довольно устрашающе и является другом Феникса... Но круто с его стороны предоставить нам свое место.

Еще круче, что они создали группу.

Я уже собираюсь предложить им провести прослушивание, чтобы найти гитариста, но тут Феникс садится на фетон.

– Давай покончим с этим дерьмом.

Открыв сумку, я достаю все то же вчерашнее эссе, чтобы он мог прочитать его и после ответить на список вопросов. Наша учительница английского языка отнюдь не бессердечная

¹¹ 6 футов – примерно 182,8 см.

стерва, которая стремится завалить его. Она просто хочет убедиться, что он способен выполнить необходимый минимум, дабы окончить школу.

Как только Феникс ответит на все вопросы из этого списка и еще одного по другому эссе, а также напишет собственное короткое сочинение – его внеклассный проект будет завершен. Тогда мы сможем сосредоточиться на подготовке к выпускному экзамену.

– Я дам тебе несколько минут, чтобы прочитать его.

Феникс выхватывает листы у меня из рук.

Он хмурится, и я наблюдаю за тем, как двигаются его губы во время чтения.

– Можешь перестать пялиться на меня? – огрызается он спустя минуту.

Боже.

Встав с дивана, я направляюсь к инструментам.

Они недорогие. На самом деле все выглядит так, словно раньше у них был другой владелец, – может быть, даже парочка, – но их поддерживают в хорошем состоянии.

Я настолько поглощена представлением того, каково было бы наблюдать за выступлением Феникса, что теряю счет времени, пока не перевожу взгляд на телефон. Уже почти половина одиннадцатого.

Я возвращаюсь к Уокеру.

– Прости. Кажется, я немного отключилась.

Он не поднимает взгляд.

– Мне нужно больше времени.

Хотя я восхищаюсь его желанием справиться самостоятельно, но я здесь для того, чтобы наставлять его и убедиться, что он на правильном пути.

– Все в порядке. Я оценю твои ответы и что-нибудь посоветую, если будет нужно. Таким образом, увижу, с чем ты испытываешь затруднения, и разработаю план действий, чтобы направить тебя в нужное русло.

Феникс сжимает челюсть.

– Я еще не дочитал эту чушь.

Не знаю, смеяться ли мне, потому что он меня дурачит... или беспокоиться, потому что он читает уже больше часа.

Это пятистраничное эссе. Не книга.

– Эм-м...

– Мне нужно больше времени, – процеживает Феникс сквозь зубы.

Подняв руки, я отступаю.

– Без проблем.

Я снова подхожу к инструментам, только теперь концентрирую внимание на том, как Феникс читает. Не сомневаюсь, что он сосредоточен: это видно по тому, как он хмурится, просматривая лист. Однако замечаю, что он так и не продвинулся дальше первой страницы.

Меня охватывает ужасное чувство, но я выбрасываю его из головы, поскольку это смешотворно.

Разумеется, Феникс умеет читать. Он же выпускник. Наверняка кто-нибудь бы уже заметил, будь он неграмотен.

И тем не менее... Он все еще просматривает ту же страницу. Выглядит так, будто он изо всех сил пытается понять, что там написано.

Я смотрю на телефон. Сейчас больше одиннадцати.

Когда я снова подхожу к Фениксу, в моем животе скручивается комок нервов.

Я бы ни за что на свете не стала смеяться над человеком с ограниченными возможностями. Однако мне нужно знать, с чем я имею дело, чтобы помочь.

Если я вообще могу помочь ему в данный момент.

Сев рядом с ним на диван, я осторожно касаюсь его колена.

– Феникс?

– Что? – В его глубоком голосе слышится враждебность.

Я удерживаю его взгляд.

– Хочу, чтобы ты понял. Я ни за что на свете не стану тебя осуждать. – Я вырываю эссе у него из рук. – Но ты читаешь уже очень долго.

Я жду, что он объяснится, но этого не происходит.

– Ладно. Давай перейдем к вопросам.

Взглянув на список, я зачитываю первый.

– Какими великими открытиями знаменит XVI век?

Это вопрос с несколькими вариантами ответов, поэтому он должен быть относительно легким. Однако Феникс ошибается. Он говорит мне, что ответ А, хотя на самом деле это В.

Сохраняя бесстрастное выражение лица, я задаю ему еще один вопрос, а затем еще один.

На каждый из них он отвечает неправильно.

– Феникс, – шепчу я, стараясь проявить как можно больше сочувствия. – Ты не ответил верно ни на один вопрос. Но это нормально...

Слова застревают у меня в горле, как только он выхватывает у меня эссе и разрывает его пополам.

– К черту. – Он поднимается на ноги. – Не нужно мне это дерьмо. Я найду себе другого репетитора.

Проблема не во мне. Проблема в нем.

Точнее, в его отказе признаться мне в том, что происходит.

– Если хочешь, можешь найти другого, но не думаю, что это поможет. Черт возьми, у меня даже не было возможности на самом деле научить тебя чему-то, потому что ты ничего не прочитал.

– Я читал, – бормочет он.

– Тогда какими великими открытиями знаменит XVI век?

Он не отвечает... потому что не может.

Подняв две половинки разорванного им листка, я кладу их рядом друг с другом.

– Ответ находится во втором предложении. Прочитай его мне.

Я вижу, как Феникс старается, и это разбивает мне сердце.

– Все в порядке, – уверяю его. – Я не собираюсь смеяться над тобой, обещаю. Просто хочу помочь.

Он отводит взгляд.

– Я не гребаный идиот.

– Знаю. – Я делаю вдох. – Идиот не смог бы так петь или играть на пианино. Идиот не может водить машину. У идиотов не такой хороший музыкальный вкус, как у тебя... Так что нет, ты не идиот. Но мне кажется, что у тебя трудности с чтением. Можешь попытаться объяснить, что происходит, дабы я могла лучше понять?

Феникс молчит так долго, и я боюсь, что зря трачу время... Но потом он наконец произносит:

– Слова... буквы. Они все смешиваются. Я не могу их разобрать.

На мгновение я задумываюсь.

– Имеешь в виду дислексию?

Он пожимает плечами.

– Понятия не имею, как это называется. Просто знаю, что так бывает.

Желая продолжить расследование, я зачитываю вслух первые два предложения и задаю ему тот же вопрос, что и раньше.

Феникс все понимает правильно.

Дабы убедиться, что это не случайность, я читаю все эссе. Затем озвучиваю ему соответствующие вопросы. Кроме парочки, он на все отвечает верно и дает достойные ответы на те, которые не подразумевают заготовленные варианты.

Очевидно, что он определенно разбирается в материале... Если только тот не представлен в письменном виде.

Какого черта никто этого раньше не заметил?

– Хорошо. Итак, я не могу официально диагностировать у тебя дислексию или что-то подобное, но я почти уверена, что у тебя именно она. – Я вздыхаю. – Не понимаю, как никто из твоих учителей не заметил.

Даже миссис Герман.

Он выглядит смущенным.

– Они и не могли.

– Почему?

Феникс проводит рукой по лицу.

– Потому что всякий раз, когда нам нужно читать книгу для урока, я обязательно беру аудиоверсию. Также у меня есть приложение, которое сканирует и зачитывает мне вслух. Сторм тоже читает мне всякую ерунду, когда я прошу.

Ладно, в этом есть смысл... и одновременно нет.

– Тесты не проводят в аудиоформате. Как ты их сдаешь?

– Большую часть времени не сдаю, поэтому и отстаю. Но время от времени... – Его кадык дергается. – Я справляюсь.

– Что ты имеешь в виду?

– Когда в тесте предлагают варианты ответов, я заглядываю в чей-нибудь бланк и копирую. – Он пожимает плечами. – В иных случаях нахожу девушку, которая уже сдавала тест, и прошу у нее ответы.

Я вопросительно приподнимаю бровь.

– И они так просто дают их тебе?

Мне хочется мысленно ударить себя, потому что, разумеется, так они и поступают.

Он же Феникс Уокер.

Он может просто существовать, и девушки будут выстраиваться в очередь, чтобы броситься к нему.

Включая меня.

У меня нет намерений потакать его жульничеству. Однако я хотела бы помочь ему сдать экзамен законно, чтобы он смог выпуститься.

Проблема в том, что я понятия не имею, как это сделать.

Феникс бросает взгляд на часы.

– Во сколько ты должна быть дома?

– В полпервого, а что?

– Сейчас двенадцать сорок.

– Черт.

Феникс достает ключи из кармана и открывает дверь гаража.

– Пошли. Я отвезу тебя домой.

Всю дорогу мы едем в полной тишине.

Только когда он подъезжает к моему дому и глушит двигатель, я произношу:

– Если я смогу найти способ помочь – по-настоящему помочь тебе, – ты позволишь мне это сделать?

Его взгляд скользит по каждому дюйму моего лица, словно я головоломка, которую он никак не может разгадать, а затем кивает.

– Забери меня завтра, – говорю я, вылезая из машины. – В это же время.

Войдя в дом, я обнаруживаю, что отец еще не спит. Без сомнения, ждет меня.

– Ты застряла в другой галактике, где нет понятия времени? Или часы на телефоне, который у тебя всегда под рукой, сломались? Я сказал двенадцать...

– Что ты знаешь о дислексии?

Как правило, я рассказываю отцу почти все, потому что обычно он дает лучшие советы. К сожалению, это не его область знаний, и он отвечает:

– Не очень много. Зачем тебе?

– Я почти уверена, что у парня, с которым я занимаюсь, она есть. И теперь понятия не имею, как ему помочь.

Но очень хочу.

Несколько мгновений отец обдумывает мои слова, прежде чем снова заговорить:

– Как бы тебе ни хотелось помочь ему, Мартышка, не уверен, что ты сможешь. С подобными трудностями в обучении должны справляться квалифицированные учителя. Не ты.

– Учителя позволили ему их одурачить.

Хотя я не могу их винить. Феникс прилагает все усилия, чтобы скрыть это.

Я следую за отцом на кухню, где он наливает нам по стакану молока и достает упаковку печенья.

– Насколько все плохо?

– Настолько, что он даже не смог прочесть первую страницу эссе. Говорит, что все слова смешались и он не может их разобрать.

Неудивительно, что Феникс выглядел так сосредоточенно. Должно быть, это настоящая пытка.

Поднеся печенье ко рту, мой папа съеживается.

– Звучит довольно плохо. Не думаю, что ты в силах ему помочь.

Но я отказываюсь в это верить.

– Дело в том, что... он правильно ответил на большинство вопросов, когда я зачитала ему эссе вслух. Феникс сказал, что у него есть приложение на телефоне, которое сканирует и зачитывает текст, чтобы он мог делать домашние задания. Он также находит аудиоверсии книг, которые нам задают читать для уроков. – Я макаю печенье в стакан с молоком. – Он замотивирован на учебу... – Как и отметила миссис Герман. – Просто его мозг отказывается ему в этом помогать.

Не по своей воле.

Отец жует еще одно печенье.

– Я все понимаю...

– Я не откажусь от него. – Чувствуя прилив сил, я выхожу из кухни. – Знаю, что могу чем-то помочь. – Должно быть хоть что-то.

Я останавливаюсь и смотрю на отца, прежде чем выйти.

– Извини, что опоздала.

Отец закрывает пакет печенья.

– Учитывая обстоятельства, я сделаю вид, что ничего не произошло.

Я закусываю уголок губ, размышляя над тем, как лучше это сказать.

– Мне восемнадцать, пап. Я собираюсь продолжать обучать Феникса по ночам. Тебе придется ослабить поводья.

– Почему репетиторство должно проходить так поздно? Неужели вы не можете встретиться в нормальное время?

Ночь тоже нормальное время. Просто мой отец – ископаемое.

Я лихорадочно пытаюсь придумать причину, которую он не только примет, но и будет уважать.

– Он работает после школы и освобождается только после девяти.

То есть отчасти это правда, поскольку Феникс играет в группе. Я предполагаю, что он много репетирует.

Несмотря на то, что отцу все еще не нравится такой расклад, он уступает.

– Ладно. Но не заходи в этот дом после часа ночи.

– После часа пятнадцати, – парирую я.

– Посмотрим, – отвечает он, что меня вполне устраивает.

– Люблю тебя, папа.

Взяв пакет молока, он ставит его в шкаф.

– Я тоже тебя люблю.

– Эм, пап?

– Да, Мартышка?

– Насколько я знаю, молоко следует хранить в холодильнике.

Смеясь, он открывает дверцу шкафа.

– Упс. Меня так отвлекли эти разговоры о комендантском часе, так что, наверное, я перепутал его с печеньем.

Я убегаю из кухни, пока он не передумал насчет времени.

Переодевшись в пижаму, я достаю ноутбук и сажусь на кровать. Затем провожу остаток ночи и раннее утро, изучая все, что только можно, о дислексии.

Глава 5

Леннон

Вчера Феникс нашел меня после школы и предупредил, что вечером не сможет уделить время учебе. Я собиралась упрекнуть его за попытку сбежать от проблем, но он заверил, что ему нужно позаботиться о чем-то важном.

А затем попросил мой номер.

Я не думала, что он им воспользуется, но сегодня вечером, примерно в восемь пятьдесят, мой мобильный завибрировал от входящего сообщения с неизвестного номера.

Неизвестный: Ты сегодня свободна, Группи?

Скрипя зубами от этого прозвища, я сохраняю его контакт.

Леннон: Все зависит от обстоятельств.

Феникс: Каких?

Леннон: Собираешься ли ты отнестись к этому серьезно и позволишь мне помочь?

Я наблюдаю за появляющимися и исчезающими точками, прежде чем приходит еще одно сообщение.

Феникс: Выгляни в окно своей спальни.

В замешательстве я отдергиваю занавеску и смотрю вниз.

Мне с трудом удается сдержать улыбку, когда вижу его машину, припаркованную под большим деревом немного дальше по улице.

Леннон: Знаешь, ты мог припарковаться на подъездной дорожке.

Феникс: Тащи сюда свою задницу.

Переодевшись в джинсы и футболку, я запикиваю в сумочку линейку, которую купила вчера специально для Феникса, и забираю папку с эссе и вопросами.

И также беру с собой ноутбук.

– Пока, – кричу я, проходя мимо отца в гостиной.

– Не позже часа, – отвечает он. – Люблю тебя.

Спустившись с крутого холма, где расположена наша подъездная дорожка, я встречаю Феникса возле его машины.

На этот раз динамики рвет Zombie группы The Cranberries.

– Отличная песня, – пытаюсь перекричать я, проскальзывая на пассажирское сиденье и пристегивая ремень безопасности.

Он одаривает меня своей знаменитой ухмылкой.

Я жду окончания песни, а после нажимаю на паузу.

– Ты мгновенно отвечал на мои сообщения. Как смог их так быстро прочитать?

На его руках от напряжения выступают вены, пока он мчится по дороге. Никогда раньше не думала, что это может быть настолько сексуально.

– Я использую функцию преобразования текста в речь, чтобы прослушивать сообщения. Очень помогает. – Его губы растягиваются в кривой улыбке. – Если только не переписываюсь со Стормом и он не устраивает истерический припадок, пока я нахожусь в общественном месте. Тогда я ловлю кучу косых взглядов.

Я смеюсь, пока мне не приходит в голову другая мысль.

В исследовании, которое я проводила, говорилось, что существуют разные типы дислексии, и не у всех есть проблемы с написанием слов. Мне интересно, присутствуют ли они в его случае.

– У тебя есть проблемы с написанием текста?

Феникс морщится.

– Это тоже не моя сильная сторона, поэтому я использую функцию преобразования речи в текст. А для заданий печатаю всякую хрень на ноутбуке, который подарила мне в прошлом году бабушка Сторма. Мне все еще тяжело, но это на порядок легче, чем писать от руки.

– Бабушка Сторма подарила тебе ноутбук? – спрашиваю я, обдумывая полученную информацию.

– Ага. – Он вздыхает. – Милейшая женщина с золотым сердцем. Я не хотел принимать его, поскольку знаю, что с деньгами у них туго и ей сложно себе это позволить, но она меня заставила. Сказала, что запрещает мне приходить на репетиции, пока я не приму ноутбук. Когда я снова запротестовал, она выставила меня за дверь метлой. И заперла ее. – Он усмехается. – В знак благодарности я до сих пор стригу ее газон каждое воскресенье.

Мое сердце оттаивает, потому что, кажется, в Фениксе все же есть что-то хорошее.

Хотя печально, что бабушка Сторма, похоже, единственный взрослый в его жизни, кто проявляет достаточно заботы, желая помочь ему. Интересно, что с его родителями.

Я чувствую, как он буравит меня задумчивым взглядом, прежде чем произнести:

– Еще вопросы, Группи?

Раз уж она сама спросил.

– Вообще-то, есть один. – Я поворачиваюсь, чтобы посмотреть на него. – Как ты узнал, где я живу?

Ведь я никогда ему не говорила.

Игнорируя мой вопрос, Феникс останавливается перед домом Сторма.

– Я не собирался динамить тебя вчера. У нас со Стормом состоялась встреча с менеджером «Вуду». После некоторых уговоров он позволил нам выступить через месяц. Они смогут выпустить нас на сцену только на три песни, но это уже кое-что.

Это все.

Когда я выхожу из машины, меня охватывает волнение.

– Обалдеть! Это же потрясающе.

Конечно, «Вуду» всего лишь бар с дырявыми стенами, но там часто выступают удивительные, но пока еще неизвестные артисты. Некоторые из них даже приобрели популярность после местных концертов.

Поскольку мне исполнилось восемнадцать лишь в прошлом месяце, я была в «Вуду» всего раз, но планирую вернуться туда в ближайшее время.

Искренняя улыбка на лице Феникса говорит о том, что он тоже взволнован предстоящим выступлением.

– Не возражаешь, если я приду? – спрашиваю я, когда он открывает дверь гаража.

С тех пор как он подметил, что я его преследую, в школе я стараюсь делать вид, что его не существует. Ненавижу, что он считает меня какой-то жалкой – ну, группы, – которая следит за каждым его шагом.

Хотя, наверное, доля правды в этом есть.

– Чем больше билетов мы продадим, тем лучше, так что да. Приходи, если хочешь.

Хотя в его голосе не чувствуется восторга по поводу моего присутствия, но и раздражения тоже незаметно.

Приму это за победу.

Феникс подходит к футону и садится.

– Давай покончим с этим.

Я присаживаюсь рядом с ним.

– Во-первых, нам нужно обсудить некоторые варианты.

Я действительно считаю, что Фениксу было бы полезно рассказать нашим учителям о его дислексии.

Он вопросительно приподнимает бровь.

– Какие?

– Вариант первый – поговорить с миссис Герман и рассказать ей правду. Она очень понимающая и хочет, чтобы ты добился успеха, поэтому я уверена, что она тебе поможет. – Я удерживаю его взгляд. – У тебя проблемы с обучением, Феникс. Это не твоя вина, и в этом нет ничего постыдного. Школа может поспособствовать. Конечно, это означает, что тебе придется остаться еще на год, но, если администрация будет в курсе, ты сможешь посещать специальные занятия и получить индивидуальную программу...

– Оставаться еще на год – ни хрена для меня не вариант, Леннон. – Его ноздри раздуваются от разочарования, но в тоне заметен намек на страх. – Мне нужно убраться отсюда как можно скорее.

Он говорит так, будто это вопрос жизни и смерти.

– Ладно. Тогда остается второй вариант.

– Какой?

– Мы прикладываем максимум усилий, чтобы ты сдал выпускной экзамен.

Феникс опускает голову.

– Я ценю это, но могу сдать экзамен самостоятельно...

– Флиртовать с девушкой, чтобы она дала тебе все ответы, – это не самостоятельная сдача экзамена. Это списывание. – Я тянусь к папке. – Как бы то ни было, я провела небольшое исследование. Навряд ли это волшебным образом излечит твою дислексию, но я подготовила то, что может немного облегчить ситуацию.

Он выглядит ошеломленным.

– Подготовила что-то для меня?

Вытащив из папки эссе, я достаю из сумочки линейку.

– Это линейка для чтения. – Я кладу ее поверх листов. – Ты сказал, что буквы смешиваются, что логично, поскольку при чтении дислексия может вызвать проблемы с визуальным восприятием. По сути, это цветная прозрачная линейка, выделяющая предложение, которое

ты хочешь прочитать. Надеюсь, что это поможет тебе лучше сосредоточиться на одном слове и одном предложении за раз.

Таким образом, они не будут так смешиваться.

– Но если нет, ничего страшного. Мы можем попробовать разные способы. Просто этот казался самым простым.

Не представляю, как понять выражение его лица.

– Ладно.

Не желая, чтобы Феникс чувствовал, будто я дышу ему в затылок, я слезаю с футона.

– Если понадобится, буду там.

Я подхожу к инструментам. Даже если они подержанные, они все равно стоят денег.

Как и машина и телефон Феникса.

Интересно, чем он зарабатывает?

Я оборачиваюсь и смотрю на него. Похоже, он все еще испытывает трудности, но не так сильно. Линейка уже достигла середины первой страницы. . . зайдя дальше, чем в прошлый раз.

Полчаса спустя он добрался до конца второй страницы.

– Не работает. Это занимает у меня так много времени, что, пока я пойму, о чем говорится в предложении, забываю все остальное.

Я знала, что линейка не сотворит чудес, но надеялась, что он сочтет ее полезной.

Печально то, что я знаю: подойди я и прочитай ему эссе вслух, он смог бы правильно ответить на большинство вопросов. Однако вижу, что Феникс расстроен, поэтому решаю сменить тактику.

– Отложи листы. – Я возвращаюсь к нему. – Давай немного сосредоточимся на чем-то другом.

Дотянувшись до ноутбука, я плюхаюсь рядом с Фениксом.

– Часть твоего внеклассного проекта – написание собственного эссе. Давай поработаем над этим.

Откинувшись на футон, он издает хриплый горловой звук.

– Кажется, я выдохся.

Я заметила. Возможно, стоит ненадолго сменить тему.

– Чем ты зарабатываешь?

– Это твой способ сказать, что хочешь оплату за услуги?

– Нет. Мне просто любопытно, как ты можешь позволить себе инструменты и прочее.

– Летом занимаюсь благоустройством участков. А иногда подрабатываю на стройке у отца.

Итак, отец в его жизни присутствует.

– Вы близки? – Я поворачиваюсь к Фениксу. – А твоя мама?

Заметно раздраженный прямотой моего вопроса, он бормочет:

– Давай вернемся к эссе.

Я включаю ноутбук и открываю новый текстовый документ.

– Тема звучит так: «Что движет духом человека». Думаю, будет проще, если ты начнешь говорить, а я – записывать.

Таким образом, Феникс может полностью сосредоточиться на том, что хочет сказать, не заботясь о том, как это напечатать.

Он медленно выдыхает.

– Не думаю, что могу ответить на этот вопрос, потому что у всех по-разному, – начинает он, пока мои пальцы стучат по клавишам. – Все зависит от интеллекта, эмоций, страхов, тех сложностей, через которые человек прошел. . . чего он действительно хочет и в чем нуждается. Я знаю только то, что движет мной. – Феникс зажмуривается. – Для меня. . . это музыка. Творчество.

Он сейчас так откровенен. Так искренен. Мне кажется, что я вижу его настоящего, скрывавшегося под маской.

Мне приходится напоминать себе, что нужно печатать, пока он продолжает:

– Когда я погружаюсь в музыку, остальное перестает иметь значение... Потому что вся скверна исчезает, и я будто становлюсь совершенно чистым холстом. Который превращает меня в то, что необходимо нотам, аккордам и текстам. Словно на меня накладывают заклинание, и я перестаю быть человеком. Более я не материя, занимающая пространство... Я чистойшей энергия. Сосуд для магии, которую даже не могу объяснить. Все, что я знаю, – эти искры волшебства... Лучшее чувство в мире. То, ради чего я живу и дышу. Вот что мною движет.

Открыв глаза, Феникс встречается со мной взглядом.

– Всякий раз, когда пою или играю, я становлюсь подлинной версией себя. И это единственное время, когда мне не хочется быть кем-то другим.

Мое сердце сжимается, когда я заканчиваю печатать его слова.

– Это... здорово.

Не думаю, что у миссис Герман возникнут проблемы с данной частью проекта.

Точно нет. Она захочет приблизиться к солнцу.

Сохранив документ, я отправляю его Фениксу по электронной почте, чтобы он мог сдать его. Часы в правом углу ноутбука показывают двенадцать пятнадцать. А это значит, что у нас еще есть время, прежде чем мне придется уезжать.

– Мой комендантский час теперь сдвинут до часу ночи. – Не желая показаться отчаявшейся, я быстро добавляю. – Но, если ты устал, можешь отвезти меня домой пораньше.

С безрадостным смехом он достает из кармана пачку сигарет и закуривает одну.

– Должно быть, здорово иметь родителей, которым не наплевать. – Прежде чем я успеваю спросить, что он имеет в виду, Феникс выпаливает: – Жить в этом прекрасном большом доме с достатком еды и всего остального, чего только, черт возьми, и пожелаешь.

Дым от зажженной сигареты, зажатой во рту, клубится в воздухе, а его верхняя губа кривится в презрении.

– Держу пари, родители всегда говорят, как гордятся своей милой, невинной маленькой девочкой.

Не знаю, откуда все это взялось, но его жестокие слова ощущаются как удар под дых.

– Родитель. В единственном числе. – Когда я встаю, на его лице появляется смущение. – И я понятия не имею, гордилась бы мама мной, потому что она умерла спустя несколько минут после моего рождения. – Я собираю свои вещи. – Она всегда была не более чем призраком, чья смерть разбила отцу сердце. – Недостающий кусочек, который я никогда не смогу вернуть. – Но, ради бога, продолжай рассказывать мне, насколько прекрасна моя жизнь.

– Леннон.

Не обращая на него внимания, я направляюсь к двери гаража.

Я знаю, что у Феникса нет прекрасного дома и его семья испытывает финансовые трудности, но это не дает ему права додумывать обо мне и моей жизни.

Особенно когда у него есть то, чего у меня никогда не будет.

То, за что я готова убить.

Я чувствую резкий рывок за запястье, а затем Феникс разворачивает меня к себе.

– Я повел себя как придурок. – Мое лицо обдает его рваным дыханием. – Прости, ладно?

Выражение его лица говорит об искренности.

Но сказанные им слова все еще причиняют боль.

– Все нормально. – Свободной рукой я достаю телефон из кармана. – Я вызову такси.

Вместо того чтобы отступить, Феникс усиливает хватку на моем запястье.

– Нет. Я могу подвезти тебя. – Он заметно сглатывает, и его голос становится тише... Будто все, что он собирается произнести дальше, причиняет ему физическую боль. – У меня тоже нет мамы.

Для меня это новость.

Опять же, оказалось, что... в конце концов, я совсем не знаю Феникса.

– Твоя мама тоже умерла?

– Хуже, – отвечает он. – Она ушла.

Боже. Это ужасно. Моя мама не оставляла меня намеренно... У нее никогда не было выбора. Должно быть, чертовски больно, когда родители бросают тебя по собственной воле.

– Сколько тебе было?

– Семь.

Переживать такое в любом возрасте ужасно... Но он был так юн, когда это случилось.

Мы оба молчим, кажется, целую вечность, прежде чем я нарушаю тишину.

– Мне жаль.

Феникс отпускает мою руку.

– Это не твоя вина. – Он роется в кармане в поисках ключей. – Я отвезу тебя домой.

Я не хочу этого, но что-то подсказывает мне, что ему нужно проветриться.

– Хорошо.

Как и в первую ночь, мы едем домой в полной тишине.

Глава 6

Феникс

– Да, вот так, – вопит Сабрина.

Обычно крики девчонок возбуждают, но, поскольку я трахаю ее в музыкальном классе, есть шанс, что нас могут услышать.

– Вот так, малыш. – Она пытается поцеловать меня, но я отворачиваюсь. Как и всегда. – Я скоро кончу, Феникс.

Мне плевать. Я просто хочу, чтобы она во время этого молчала.

Но все происходит с точностью до наоборот. Запрокинув голову, Сабрина продолжает выкрикивать мое имя, словно желает, чтобы все, кто может пройти мимо, знали, кто именно ее трахает.

Господи. Ее оргазм так же фальшив, как и она сама.

К счастью, он не имеет никакого отношения к моему собственному удовольствию. Вскоре после оргазма я отстраняюсь и стягиваю презерватив.

– Было так здорово, малыш, – мурлычет Сабрина, поправляя расшитую пайетками танцевальную форму. – Никто не трахает меня так, как ты.

Включая ее парня... Учтывая, что за его спиной она всегда гоняется за моим членом.

Но мне плевать. С этим дерьмом должен разбираться Дрейвен.

Я здесь только потому, что мне нравится засовывать член во что-то влажное и привлекательное. Хотя привлекательность уже начинает испаряться, поскольку Сабрина меня до смерти раздражает.

Мало того, что она пытается поцеловать меня во время действия... Она еще и стремится завести разговор после. К черту это дерьмо.

У нее есть парень, и это точно не я. Происходящее между нами не более чем сделка. Ей нравится, что ее имею я... А мне нравится трахаться.

Все проще простого.

Только это уже не так, потому что она пытается превратить нашу связь в нечто большее.

– Лилиан закатывает грандиозную вечеринку после выпускного, – говорит она, пока я поправляю джинсы. – Обещай, что придешь.

Я застегиваю ширинку.

– Нет.

К черту. Как только мне вручат диплом, я больше не намерен встречаться ни с одним из этих придурков. Кроме Сторма.

И, возможно, Леннон.

По какой-то долбаной причине эта девушка все сильнее проникает в мою жизнь.

Как грибок.

Тем не менее я не против того, чтобы время от времени поддерживать с ней связь после окончания учебы.

То есть если я ее окончу.

– Ну же, Феникс. – Сабрина проводит своими красными ноготками по моему торсу. – Все там будут. Даже эта толстуха Леннон.

Это... охренеть как странно.

Леннон всегда была изгоем, и, насколько я знаю, она никогда не ходила на вечеринки.

Черт, она даже на вечер танцев не приходила.

– Зачем пригласили Леннон?

Не думаю, что она пошла бы, не получи специального приглашения.

Закусив нижнюю губу, Сабрина смущенно улыбается.

– Узнаешь, если придешь.

Мне не нравится, как звучит ее ответ, но я не могу расспросить ее дальше, поскольку слышу приближающиеся шаги.

– Что ты здесь делаешь, толстозадая? – огрызается Сабрина прежде, чем я успеваю обернуться.

Когда я все же поворачиваю голову, мое нутро неожиданно сжимается.

Уроки закончились полчаса назад. Я полагал, что Леннон уже давно ушла.

Очевидно, я ошибался.

Она удивленно распахивает свои карие глаза, прежде чем заговорить. Вернее, попытаться.

– Я... Хм...

Не похоже на нее – путаться в своих словах... Какой бы подлой ни была Сабрина.

Заклятый враг Леннон пользуется случаем и приближается к ней, как чертов стервятник.

– В чем дело, толстуха? Язык проглотила? – Сабрина смеется. – Ах да, это же невозможно. Ведь твой рот всегда набит едой.

Господи. Какая же тварь.

Уверен, у Леннон есть зеркало, поэтому она прекрасно знает, что имеет лишний вес. Не понимаю одержимость Сабрины – или остальных учеников – постоянными нападками на нее по этому поводу.

Забавно, что похудение Леннон стало бы для Сабрины угрозой. Не только потому, что это лишило бы ее боеприпасов, но Леннон не уродлива.

Черт, при правильном освещении я бы даже назвал ее милой.

Настолько милой, что я не сомневаюсь, сбрось она несколько килограммов, Сабрина бы облажалась, потому что все парни стали бы бегать за Леннон.

Я пытаюсь немного разрядить атмосферу.

– Она помогает мне с учебой.

Сабрина направляет свое раздражение на меня.

– С учебой? Мы выпускаемся через две с половиной недели.

Шлейф напряжения скользит по моей шее. Я ни хрена ей не должен. И уж точно не обязан объяснять, почему кто-то мне помогает.

– Тебя это не касается.

Мой ответ заставляет ее захлопнуть рот. Фыркнув, Сабрина хватается за сумочку с пианино.

– Ну и ладно. – Послав мне воздушный поцелуй, она протискивается мимо Леннон, намеренно натываясь на нее. – Напиши мне позже.

Не собираюсь этого делать.

Леннон по-прежнему не смотрит мне в глаза.

Меня не должно это беспокоить... но беспокоит.

– Сабрина – сука.

Леннон вскидывает голову, в ее глазах вспыхивает гнев.

– Тогда почему ты ее трахаешь?

Я не обязан оправдываться перед ней, как и перед Сабриной.

Только в отличие от последней Леннон мне нужна.

Мой прогресс идет медленно, и большинство ночей я хочу разбить себе голову о стену и сдаться.

Но в осознании того, что мне, возможно, не придется обманом выбираться из ямы, в которую я сам себя загнал, есть нечто такое, что вселяет в меня чувство гордости.

Я хочу его заслужить.

Но дабы это произошло, мне нужно, чтобы мой репетитор находился рядом.

Поэтому я лгу.

– Я ее не трахал.

Взгляд Леннон опускается на пол, – ненадолго задерживаясь на использованном презервативе, который я в спешке уронил, – прежде чем вернуться к моему лицу.

Она больше не выглядит сердитой... Выражение ее лица – чистейшая боль.

А потом Леннон уходит.

Черт.

Я бегу за ней, длинными шагами стремительно сокращая дистанцию между нами.

– Не люблю, когда мне лгут, – огрызается она, когда я хватаю ее за руку.

– Я тоже.

Леннон поворачивается ко мне.

– Когда я тебе лгала?

– Когда заверяла, что сможешь держать свою маленькую влюбленность под контролем и не станешь ничего усложнять, – заметил я. – Ревность и обиду на то, что я трахнул другую девушку, вполне можно отнести к усложнениям.

К тому, что мне не нужно.

Леннон раскрывает рот.

– Ты просто невыносим, ты знаешь об этом?

Мне это уже говорили.

Я крепче сжимаю ее запястье, когда она снова пытается уйти. Чересчур сильно, поскольку Леннон вздрагивает.

– Ты делаешь мне больно.

Я тут же отпускаю.

– Скажи, что я не прав.

Но мы оба знаем, что это не так.

Она качает головой.

– Ладно. Ревность – нет. Обида – да. – Она смотрит на меня так, будто я всего лишь валяющийся на улице кусок мусора. – Лишь потому, что я оказалась настолько глупа, что подумала, будто мы можем стать друзьями.

– Мы друзья.

Может, не в привычном понимании. Но, черт побери, в последнее время я провожу с ней больше времени, чем со Стормом.

– Нет, мы не друзья. – Печаль искажает ее лицо. – Потому что друзья не трахаются с теми, кто издевается над их друзьями.

С этими прощальными словами она уходит.

И я позволяю ей...

Потому что она права.

Глава 7

Леннон

Я ворочаюсь в своей постели, когда слышу стук со стороны окна.
Сначала думаю, что это просто безумный бурундук, но затем стук повторяется.
Я смотрю на часы на прикроватной тумбочке. Сейчас чуть больше двух часов ночи.
Когда что-то стучит в мое окно в третий раз... я встаю с кровати, чтобы посмотреть.
И чуть не падаю, когда вижу Феникса, раскачивающегося, как обезьяна, на большом дубе
прямо напротив моей спальни... в то время как по нему хлещет дождь.
Я быстро открываю окно.
– Какого черта ты творишь?
– Ты не отвечала на мои сообщения.
Чертовски верно, не отвечала. Мне нечего сказать после того, как я застала его с Сабри-
ной.
Я слышала, что они занимались сексом на парковке после танцев... Но не думала, что
между ними до сих пор что-то есть.
Ходят слухи, что Феникс ни с кем не бывает дважды.
Очевидно, Сабрина исключение.
– Все потому, что я не хочу с тобой разговаривать.
Я собираюсь захлопнуть окно, но он хмыкает:
– Боже, Группы. У меня сильные руки, но не настолько, чтобы висеть здесь всю ночь.
Черт возьми, просто выслушай меня.
Я скрещиваю руки на груди.
– У тебя есть пять секунд.
– Ты была права. Мы друзья... – начинает он, но я его перебиваю.
– Нет, не друзья. Я не хочу дружить с кем-то, кто ежедневно находится глубоко внутри
нее.
Его губы изгибаются в ухмылке.
– Только посмотрите на ротик этой Маленькой мисс Невинность.
Я собираюсь закрыть окно во второй раз, но тут он говорит:
– Знаю, что ты злишься, но это несерьезно. Сабрина просто еще одна цыпочка, в которую
я засовываю свой...

– Мне не нужны подробности.

– Проклятье. – Мышцы его рук еще сильнее напрягаются, и он произносит. – Я пытаюсь сказать, что... Ты важнее. Я больше не буду ее трахать, хорошо?

Мне следует послать его подальше, но он висит на дереве возле моей спальни. Под дождем.

Все для того, чтобы попытаться наладить наши отношения.

– Обещаешь?

Не сводя с меня глаз, он кивает.

– Ага.

И потом Феникс падает.

К счастью, мокрая трава внизу смягчает удар.

На мой телефон приходит сообщение, как только он добирается до своей машины.

Феникс: У нас все в порядке?

Леннон: В порядке.

Феникс: Я заеду за тобой завтра вечером.

Я пытаюсь подавить прилив восторга, которым наполняют меня его слова, но безуспешно. Потому что Феникс не единственный, кто лгал раньше.

Я злилась...

Но еще и ревновала.

Хотя не имею на это права.

Потому что я не из тех девушек, кто может заполучить парня.

* * *

Финальный экзамен состоится за три дня до выпуска, а это значит, что у нас меньше двух недель на подготовку Феникса.

Он очень много работал, поэтому мне хочется внести в этот вечер немного веселья. Вот почему я попросила Сторма присоединиться к нашему занятию.

Несмотря на то что дислексия – главная проблема, с которой мы столкнулись, Феникс все равно должен знать весь материал, потому что в выпускном экзамене будет не только эссе. Поэтому я объявляю сегодняшний вечер вечером обучающих карточек.

Сторм берет карточку из стопки и зачитывает вслух:

– Какое слово в следующем предложении является наречием? События фильма в основном правдивы.

На несколько мгновений Феникс задумывается, затем отвечает:

– «В основном» – это наречие.

Несмотря на неуверенность, он прав.

– Ага, – подтверждает Сторм.

Феникс смотрит на меня с дерзкой ухмылкой.

– Убедись, что там будет пепперони, Группи.

Я пообещала, что, если к тому времени, когда мы достигнем половины, на большую часть вопросов он ответит правильно, я закажу пиццу.

Как по сигналу, бабушка Сторма открывает дверь, неся две большие пиццы и несколько одноразовых тарелок.

Мы втроем тут же бросаемся ей на помощь.

– Боже милостивый, успокойтесь. – Пролетая мимо нас, она подходит к футону и ставит коробки на один из ящичков, который мы использовали в качестве импровизированного стола. – Ведете себя так, будто я старая или еще что похуже.

Мы втроем обмениваемся взглядами, но благоразумно сохраняем молчание.

– Надеюсь, вы прихватили немного и для себя, – говорю я ей, когда она направляется к выходу.

Она машет рукой.

– Спасибо, дорогая, но от сыра меня пучит.

– Господи, бабуль, – бормочет Сторм себе под нос, а Феникс смеется.

На мгновение мне показалось, что она не услышала внука, потому что Феникс говорил, будто старушка плохо слышит, но, должно быть, ее аппараты включены на максимум, потому что она грозит ему пальцем.

– Ох, тише, Риз. Это естественная функция организма.

Хочу заметить, что женщина права.

– В любом случае, – продолжает она. – Я иду спать, но наслаждайтесь пищей и усердно готовьтесь к этому большому тесту. – Бабушка Сторма бросает взгляд в сторону Феникса. – Она мне нравится. Тебе лучше держать ее при себе, иначе я надеру твою прелестную маленькую задницу.

Сторм фыркает, а я стою в полной растерянности, потому что его бедная, милая бабушка, должно быть, глуха и слепа, если думает, что Феникс когда-нибудь мной увлечется.

– Мне нужно отлить, – объявляет Сторм вскоре после ее ухода.

Я чувствую, как Феникс смотрит на меня, вгрызаясь в пиццу.

– Как пицца оказалась здесь так быстро?

– Я заказала ее еще до того, как мы начали. – Перетасовав небольшую стопку карточек, с которыми он не справился, я добавляю их к тем, что у нас еще остались. – Знала, что ты сможешь.

Выражение его лица становится загадочным, а затем сменяется любопытством.

– Почему ты не ешь?

Потому что толстые девушки не едят в присутствии горячих парней, в которых они влюблены. Это своего рода неписаное правило.

Словно, если не привлекать внимания к моему роковому недостатку, Феникс каким-то образом о нем забудет.

Мои щеки горят от смущения, поэтому я смотрю куда угодно, только не на него.

– Я поужинала прямо перед тем, как ты за мной заехал.

Он открывает рот, чтобы сказать что-то еще, но, к счастью, возвращается Сторм.

Я снова перетасовываю стопку карточек.

– Ладно, вы двое ешьте, а вопросы на этот раз буду задавать я. – Затем я бросаю на них полный надежды взгляд. – Может, когда мы закончим, я смогу послушать, как вы играете?

Сторм отвечает с набитым ртом:

– Посмотрим. Тебе нравится рок-музыка?

Я уже собираюсь ответить, но Феникс меня опережает.

– Она ее чертовски любит. Леннон не просто знает текст каждой песни, которую я включаю в машине, ее музыкальный вкус почти так же хорош, как и мой. – Полные губы кривятся в ухмылке. – Вот почему я зову ее Группи.

Я показываю ему средний палец.

– Я не могу быть твоей группой, если ни разу не слышала, как ты играешь, не так ли?

Мне хочется ударить себя, когда я произношу эти слова, но уже слишком поздно. Они вырвались на свободу.

Его ухмылка становится шире.

– Полагаю, тогда нам придется это изменить?

У меня внутри все переворачивается, и я уверена, что заливаюсь краской.

Сторм хлопает в ладоши.

– Вот об этом я и говорю. Давайте покончим с этой ерундой, чтобы мы могли оторваться. – Он смотрит на Феникса. – Поддерживаю бабулю. Держи эту девчонку при себе.

* * *

Я теряю дар речи, слушая, как Феникс исполняет последний куплет песни Man in the Box группы Alice In Chains.

Он поет ее с такой дикой страстью, что у меня перехватывает дыхание.

Мне потребовалось всего несколько секунд, дабы понять, что он феноменальный певец и великолепный клавишник...

Еще меньше времени ушло на осознание того, что он при этом еще и невероятно хороший артист.

С того момента, как Феникс схватил микрофон и открыл рот, он буквально проник в мою грудь и завладел душой.

Он был прав: то, что с ним происходит, – чистейшая магия.

Только он – волшебник.

И однажды весь мир окажется под его чарами.

Я это чувствую.

Также стоит отдать должное Сторму, потому что он точно знает, как играть на барабанах. Несмотря на то что во время игры выглядит так, будто теряет рассудок, он не пропускает ни одного удара.

Я настолько очарована, что даже теряю счет времени. Пока Феникс не завершает песню и не бросает Сторму:

– Я должен отвезти ее домой.

Черт. Ненавижу комендантский час.

Я слезаю с футона.

– Ребята... Это было... – Я кладу ладонь на грудь в область сердца, пытаюсь подобрать правильные слова для того, что я только что испытала, но их не существует. – Безумие в самом лучшем смысле, и ничто из того, что я скажу, не сможет воздать ему должное.

Мне приходится сдерживать себя от порыва попросить автографы.

Сторм усмехается.

– Рад, что тебе понравилось. Мы дадим тебе концерт, когда захочешь.

– Ловлю тебя на слове, обязательно воспользуюсь предложением.

Он откладывает барабанные палочки.

– Я пойду внутрь. Спасибо за пиццу.

– Без проблем. И, быть может, в следующий раз вы, ребята, сыграете что-нибудь из своих песен.

Бог свидетель, они превзошли оригиналы, но каждая песня, которую они исполнили сегодня, была кавером¹².

Хотелось бы услышать что-нибудь оригинальное.

Феникс и Сторм обмениваются взглядами, прежде чем последний говорит:

– Мы бы с удовольствием... Но у нас их нет.

Феникс хватает его за шею.

– Пока что. Но мы работаем в этом направлении.

¹² Кавер – новое исполнение песни кем-то еще, кроме оригинального исполнителя.

Уверена, скоро они придумают что-нибудь потрясающее. А если нет... Может, я смогу попросить отца поработать с ними.

– Ну, в любом случае не могу дождаться, чтобы послушать их.

Перед нашим уходом Сторм и Феникс обмениваются короткими прощаниями.

– В «Вуду» вы всех поразите, – говорю я ему, садясь в машину.

– Надеюсь на это. – Он заводит двигатель. – Ходят слухи, будто в вечер нашего выступления в толпе будет руководитель звукозаписывающей компании.

О черт.

– Seriously?

Феникс кивает.

– Да. Но это всего лишь слухи, так что кто знает.

– Ну, если в этом есть хоть капля правды, не волнуйся. Они сойдут с ума, когда услышат тебя. Поверь.

На его правой щеке появляется ямочка.

– У тебя хорошо получается.

Я не уверена, что он имеет в виду.

– Что?

– Раздуть мое самомнение. – Выражение его лица становится серьезным. – Так сильно верить в меня.

– Как я могу в тебя не верить? – Мое сердце начинает колотиться сильнее. – В мире не существует никого похожего на Феникса Уокера. Ты особенный.

– Ты правда так думаешь, да?

Я улыбаюсь.

– Я это знаю.

И скоро весь мир тоже об этом узнает.

Глава 8

Леннон

Когда мы въезжаем в гараж, меня охватывает волна возбуждения. Подарок, который я заказала Фениксу пару дней назад, наконец-то прибыл, и мне не терпится его вручить.

Надеюсь, что он не только сработает, но и так поднимет Уокеру настроение, что он согласится с идеей, над которой я размышляла уже некоторое время.

– У меня для тебя кое-что есть, – объявляю ему я, когда мы садимся на диван.

Поскольку сегодня вечером мы будем работать над чтением отрывков и ответами на вопросы, для Феникса это прекрасная возможность опробовать подарок.

Его брови взлетают вверх.

– Опять?

– Ага. Только на этот раз я знаю, что оно сработает. – Я роюсь в сумочке в поисках ручки и достаю ее. – Это ручка для чтения. По сути, ты сканируешь строку текста, а она зачитывает ее тебе вслух. – Я открываю папку и достаю лист бумаги с одним из отрывков. – Вот. Попробуй.

Феникс изучает ручку.

– Выглядит дорого.

Так и есть. Но только потому, что я хотела купить ему действительно хороший экземпляр. И это стоило того, чтобы залезть в мои сбережения, отложенные на покупку машины, потому что я уверена: ручка изменит ситуацию.

Особенно если Феникс позволит мне поговорить с миссис Герман.

Покачивая головой, он откладывает подарок.

– Я ценю это, но не могу ее принять.

Он сошел с ума?

– Конечно, можешь. Я знаю, что линейка не сильно помогла, но ручка точно поможет. Я провела много исследований, и этот способ должен оказаться лучшим...

– Она слишком дорогая.

Я не понимаю, почему он продолжает фокусироваться на цене.

– И что? Мне не нужно, чтобы ты возвращал ее стоимость, я просто хочу, чтобы ты ею пользовался.

Феникс раздраженно вздыхает и встает.

– Я не благотворительный проект, Леннон.

Искренне не понимаю, почему он делает из мухи слона.

– Я никогда ничего подобного не говорила.

– Пицца – это одно. Шикарные подарки – другое.

Мне не удается сдержать смех, потому что это нелепо.

– Это просто чертова ручка, Феникс. Я бы не назвала ее шикарной.

Мой комментарий только больше его злит.

– Может, для тебя и нет, принцесса. Но не у всех есть богатый папочка, который готов выложить деньги по первой же прихоти.

Луч. Я очень далека от статуса принцессы.

И я не просила у отца ни копейки. Купила ручку на деньги, которые копила годами, работая няней и репетитором.

И хотя мой отец очень хорошо зарабатывает, а мне повезло, что я никогда ни в чем не нуждалась, вряд ли его можно назвать богачом.

Авторы песен не миллионеры, как думают люди. Даже после того, как они напишут настоящий хит.

– Мой отец за это не платил. – Слезы подступают к горлу, но я заставляю себя их проглотить. – Только я. – К моему абсолютному ужасу, мой голос срывается, а зрение расплывается. – Я просто хотела тебе помочь.

Униженная мыслью о том, что Феникс увидит мои слезы, я отворачиваюсь.

– Черт. – Я слышу его резкий выдох, а затем чувствую, как его пальцы скользят по моему плечу. – Прости.

Только... Ты и так много для меня делаешь. Гораздо больше, чем я заслуживаю.

Это неправда. В его мизинце больше чистого таланта, чем у большинства современных музыкантов вместе взятых.

Но даже если это не так, он все равно заслуживает моей дружбы и поддержки. Мне бы хотелось, чтобы Феникс знал, как сильно я в него верю.

– Однажды ты изменишь мир, Феникс. И когда это случится, я буду поддерживать тебя со стороны с самой большой и искренней улыбкой.

С первого взгляда я поняла, что он особенный. Как это поняли и остальные.

Пальцы, поглаживающие мое плечо, скользят вверх по шее. Я чувствую его прикосновения везде.

У него такой низкий хриплый голос, что я его почти не слышу.

– Леннон.

Я закрываю глаза, когда тепло разливается по телу, оседая между бедер. На кратчайшее мгновение я позволяю себе притвориться, что я не толстушка... а девушка, которая привлекает Феникса Уокера. Но его прикосновения исчезают слишком быстро, и я вновь сталкиваюсь с реальностью.

– Спасибо за ручку.

Облегченно выдохнув, я поворачиваюсь и сажусь обратно на диван.

– Не за что.

Он прикладывает ее к бумаге, слегка улыбаясь, когда та зачитывает предложение вслух.

– Довольно милая вещица. Жаль, что не смогу использовать ее на экзамене.

Что ж, надо рискнуть.

– Кстати, об этом. – Я заправляю прядь волос за ухо. – Я тут подумала...

– Интрига меня убивает, – шутит он по прошествии еще одной минуты.

– Я хочу рассказать миссис Герман правду.

– Нет. – Феникс мгновенно меня обрывает.

– Ну же, Феникс. – Он не в состоянии понять, чем это может помочь. – Я знаю, как только объясню суть твоего положения, она без проблем подстроится под ситуацию. И тогда ты сможешь сдать экзамен... самостоятельно.

– Мне не нужно, чтобы все знали, что я не умею читать, – твердит он.

– Я только спрошу, можешь ли ты сдать экзамен после занятий. Индивидуально. Никто не узнает.

– Не думаю, что это хорошая идея. – Тревога искажает его черты. – Что, если она откажет? Или еще хуже – что, если станет настаивать на том, чтобы оставить меня еще на год, дабы они могли засунуть меня в специальный класс. Я не могу так рисковать, Леннон. Мне нужно отсюда выбраться.

Знаю.

Я кладу руку поверх его.

– Ты мне доверяешь?

Феникс тяжело сглатывает, и кажется, будто проходит целая вечность, прежде чем он отвечает.

– Да.

– Хорошо. Потому что я о тебе позабочусь.

* * *

– Все в порядке, Леннон? – спрашивает миссис Герман, когда я задерживаюсь после уроков.

– Вообще-то, я надеялась, что у вас найдется свободная минутка.

Положив на место красный маркер, она улыбается:

– Для тебя даже несколько.

Я тоже отвечаю ей улыбкой.

– Хочу поговорить о Фениксе.

Она хмурится.

– О нет. Ничего не получается? Знаю, он может быть трудным...

– Нет. Феникс великолепен. Он очень старается.

Учительница кивает.

– Это точно. Он сдал превосходное эссе. Я даже не знала, что он музыкант.

– Он потрясающий музыкант. – Я вытираю влажные ладони о джинсы. – Однако есть одна проблема. Это не его вина, но в ней определенно кроется причина его плохих оценок.

Миссис Герман прищуривается.

– Ты имеешь в виду его ситуацию дома? Я пыталась организовать встречу с его отцом...

– Нет. Я говорю о его дислексии.

Она явно сбита с толку моими словами.

– Прости, но ты, должно быть, ошиблась. У Феникса нет дислексии.

– К сожалению, есть. – Я облизываю сухие губы. – Вот почему он испытывает трудности.

Он сказал, что слова путаются. В первую ночь занятий Феникс не смог прочитать даже первую страницу эссе.

Ее рот открывается и закрывается от шока, а затем она произносит:

– Он никогда... Почему я не знала об этом? Я бы позаботилась о том, чтобы ему помогли...

– Феникс не хотел, чтобы кто-нибудь знал. Его это... задевает.

Миссис Герман потирает лоб.

– Они раньше сдавал задания, и все было хорошо. Я не понимаю, как это возможно. – Ее глаза сужаются. – Если только кто-то другой не выполнял их за него.

– Нет, – быстро отвечаю я. – В библиотеке Феникс получает аудиOVERсии книг, которые мы читаем в классе. Он также использует приложение на своем телефоне, которое зачитывает ему вслух, дабы он мог выполнять домашнее задание. Что касается тестов... Он изо всех сил старается угадать ответы.

– Не могу поверить, что я этого не знала. Всякий раз, когда просила его остаться после уроков, чтобы я могла помочь, он выглядел так, будто сосредоточился, но, казалось, никогда не знал ответов. Я думала, он просто не справляется. Никогда не предполагала, что у него проблемы с чтением. – Миссис Герман сцепляет пальцы в замок. – Я организую встречу с директором. Если мы оставим его еще на год, я смогу убедиться, что он получит надлежащую помощь...

– Я знаю гораздо лучший способ помочь ему.

Она морщит нос.

– Что ты имеешь в виду?

Я не жду, что она сделает для него индивидуальный тест или что-то в этом роде. Просто хочу, чтобы она дала ему шанс побороться.

– Я купила ему ручку для чтения. По сути, она сканирует предложение и зачитывает его вслух. Я надеюсь, что вы разрешите ему воспользоваться ею на экзамене... и позволите сдать его после уроков, чтобы никто больше об этом не узнал.

Она округляет глаза.

– Ох... Вот как, – миссис Герман качает головой. – Будь у него индивидуальная программа обучения, я бы без проблем создала надлежащие условия...

Я решаю задействовать тяжелую артиллерию.

– Однажды вы сказали мне, что, если Феникс не выпустится, это принесет ему больше вреда, чем пользы... И вы правы. Я понимаю, что о многом прошу. Вам придется остаться после занятий, что потребует еще больше времени, но я чувствую, что он сдаст. Пожалуйста, не позволяйте тому, в чем он не виноват, оставить его на еще один год.

Я вижу, как она размышляет над моими словами и, наконец, отвечает:

– Ладно. Я позволю ему. Но разрешу только ручку для чтения. Никаких телефонов, планшетов... Никаких других устройств. И он не должен покидать класс, как только приступит к экзамену. Все ясно?

– Абсолютно.

Вздыхнув с облегчением, я пробираюсь к двери.

– Леннон? – окликает она меня.

– Да? – спрашиваю я, надеясь, что миссис Герман не передумает.

– Я рада, что поставила вас в пару. Кажется, ты очень помогла ему. Надеюсь, Феникс знает, как ему повезло.

Моя грудь сжимается. Потому что я чувствую, что это мне повезло.

* * *

Не заметив Феникса в коридорах после разговора с миссис Герман, я решаю подождать его возле машины за школой. Так будет возможность сообщить ему хорошие новости лично.

Желая скоротать время, я достаю из сумки дневник и ручку.

Большинство текстов, которые я записываю здесь, не очень хороши, и я никогда ни с кем ими не делилась. Особенно с отцом, потому что они и близко не такие замечательные, как его. Я бы побоялась обнадеживать отца тем, что дочь унаследовала его талант... только чтобы в конечном итоге разочаровать, как только он их услышит.

Хотя он никогда бы этого не признал.

Помимо всего прочего... Написание песен – это очищение.

Мой личный способ избавиться от боли.

Направить эмоции и чувства в то, что меня исцеляет.

Что-то вроде моей собственной секретной формы терапии.

Я так увлечена своим занятием, что не замечаю, когда Феникс выходит из здания, пока он не оказывается на полпути к своей машине.

Однако он не один.

Рядом с ним Саша Уильямс. И, подобно своей подруге Сабрине, она красивая и стройная.

В отличие от меня, она выглядит так, будто ей самое место рядом с Фениксом. И с ней он бы не постыдился показаться на людях... и остаться наедине.

Чувствуя себя глупо, я направляюсь к парковке для велосипедов, чтобы поехать домой и дуться там над банкой мороженого, но Феникс меня замечает.

– Леннон. – Он ускоряет шаг, пока не оказывается передо мной. – Все хорошо?

– Ага.

Саша пристраивается рядом с ним. Мое присутствие ее раздражает, потому что она выглядит так, будто учуяла запах тухлятины.

Я вожу комбинацию от велосипедного замка.

– У меня есть хорошие новости... Но я могу рассказать тебе их в другой раз.

– Планы меняются, – говорит он. – Сегодня вечером я занят.

Разумеется, Феникс бросил меня ради Саши.

– Хорошо... – начинаю я, но потом понимаю, что разговаривает он не со мной.

Он обращается к ней.

По выражению лица Саши понятно, что она шокирована этим не меньше.

– Подожди... Ты серьезно?

Он даже не смотрит на нее, когда отвечает:

– Да.

Негодование искажает красивые черты ее лица.

– Это... Ты придурок. – Перебрасывая русые волосы через плечо, она бормочет: – Приятного времяпрепровождения с поросенком.

– Дополнительный балл за креативность, – бросаю я ей вслед. – Большинство людей просто называют меня толстухой.

– Большинство людей – уроды, – бурчит Феникс себе под нос. – В любом случае к черту эту сучку. Так что за новости?

– Я поговорила с миссис Герман. – Мне не удастся сдержать улыбку. – Она не только согласилась разрешить тебе сдать экзамен, используя ручку... Но и дала добро на то, чтобы ты сделал это после уроков.

У него отвисает челюсть.

– Что? Ты серьезно?

Я киваю так сильно, что у меня кружится голова.

И головокружение только усиливается, когда Феникс меня обнимает.

О. Мой. Бог.

Феникс Уокер обнимает меня.

Клянусь, мои ноги почти отрываются от земли, когда улавливаю его неповторимый аромат, прежде чем он отстраняется.

– Спасибо. Огромное, черт возьми, спасибо. – Он показывает на мой велосипед. – Давай засунем эту штуку ко мне в багажник.

– Не думаю, что он войдет. – Недоумевая, я качаю головой. – И зачем?

Феникс смотрит на меня так, будто у меня выросла еще одна голова.

– Чтобы мы могли прихватить немного еды и отправиться к Сторму. Если только не хочешь оставить свой транспорт здесь... Только не вини меня, если его украдут.

Схватившись за руль, я веду велосипед к его машине.

– Ты уверен, что хочешь начать занятие так рано?

На улице еще светло.

– Нет, конечно. – Открыв багажник «Тойоты», он достает несколько тросов. – В последнее время я только и делал, что учился. Теперь хочу оттянуться.

Ого. Этот день становится все более и более странным.

В самом лучшем смысле.

– Ох.

Забрав у меня велосипед, он кладет его в багажник и закрепляет тросом.

– Что? У тебя есть варианты поинтереснее?

– Нет. – Я закидываю сумочку на плечо. – Я совершенно не против оттянуться.

Мне приходится прикусить щеку изнутри, дабы сдержать улыбку, когда я сажусь в его машину.

Мы действительно друзья.

Глава 9

Леннон

– Почему ты не ешь свой бургер? – с набитым ртом спрашивает Феникс.

Потому что это равносильно тому, как если бы я наложила перед тобой огромную кучу.

По дороге к Сторму мы заехали в забегаловку с фастфудом, и, несмотря на то, что я сказала ему, что ничего не хочу, Феникс все равно заказал мне бургер со всем необходимым.

Он заявил, что это меньшее, чем он может оплатить за то, что я убедила миссис Герман разрешить ему воспользоваться ручкой.

– Я не голодна. – Ложь легко срывается с моих губ.

Я так голодна, что мой желудок закономерно начинает урчать. Мы с миссис Герман беседовали во время обеденного перерыва, и, когда я наконец добралась до столовой, уже прозвонел звонок.

– Мы весь день были в школе. – Капля кетчупа стекает по его точеному подбородку, и, черт возьми, у меня еще никогда в жизни не возникало такого сильного желания что-то слизнуть. – Не может быть, чтобы ты не проголодалась.

– Но это правда, – снова вру я, однако на этот раз мой желудок меня выдает, потому что урчит... слишком громко.

Одарив меня взглядом «я-же-тебе-говорил», Феникс хватается бургер с импровизированного стола из ящиков перед нами.

– Ешь этот долбаный бургер, Леннон.

Я беру его, но, разворачивая, продолжаю раздумывать, потому что это серьезный шаг.

Всем известно, что от еды толстеют, поэтому, само собой разумеется, когда толстяк ест в присутствии стройных людей, его осуждают.

Будто от нас ждут, что мы будем есть только салаты и овощи.

Потому что больше не заслуживаем баловать себя и наслаждаться едой, поскольку злоупотребляли ею и позволяли себе лишнее.

Феникс раздраженно откладывает свой недоеденный бургер.

– Ты не худая.

Мне. Хочется. Умереть.

– Но ты человек, – продолжает он, к моему большому смущению. – А людям нужно есть, когда они голодны. Так что либо съедай бургер, либо я отвезу тебя домой. По крайней мере, так я буду знать, что ты не уморишь себя голодом.

Я разрываюсь между желанием выбежать за дверь и назвать его мудаком за такую прямолинейность.

Однако это говорит о том, что он видит меня такой, какая я есть... И не осуждает.

Я откусываю маленький кусочек.

– Доволен?

Он возвращается к своей порции.

– Почти. Съешь еще.

Мне отчаянно хочется сменить тему, поэтому я лихорадочно пытаюсь придумать другой вопрос для обсуждений, пока откусываю еще кусочек. И чуть не давлюсь им, когда понимаю: Феникс никогда об этом не упоминал, но это очень важно.

– Как называется ваша группа?

Он доедает бургер, прежде чем ответить:

– Sharp Objects¹³.

– Это... – Как ни странно, идеально. – Как вы это придумали?

Меня пронзает взгляд его голубых глаз.

– У нас со Стормом есть склонность причинять людям боль... Ранить их своими словами и действиями. Значит, название нам подходит. – Феникс вытирает руки салфеткой. – Это и резкие ноты – то, на что невозможно не обратить внимание.

– Потому что они задают более высокий тон, – шепчу я. – Особенный.

Как и он сам.

– Именно. – Взгляд Феникса падает на недоеденный бургер, который я положила на ящик, пока он говорил. – Ты собираешься его доедать?

Обычно я бы не только доела, но и закинула бы следом в себя еще парочку.

Несмотря на то, что во мне пять футов два дюйма¹⁴ роста и двести тридцать фунтов¹⁵... я не могу найти выключатель, когда дело доходит до еды.

Я ем так много, потому что пытаюсь заполнить пустоту.

Поскольку это дает мне ложное ощущение счастья... Хотя потом оно всегда оборачивается стыдом.

Но сейчас не тот случай. Хотя мысленно я умираю от желания доесть его. На самом деле я уже сыта.

– Нет. Я правда наелась.

Начинаю заворачивать остатки, но Феникс выхватывает бургер.

– В таком случае мне больше достанется.

Закатывая глаза, я смеюсь. Думала, что это у меня ненасытный аппетит, но он не сравнится с аппетитом Феникса.

Только у него есть преимущество – быстрый метаболизм, потому что он высокий и худой. Безупречный.

Я чувствую, как Феникс пристально изучает меня, доедая остатки моей порции.

– Что в том блокноте, в котором ты раньше писала?

Я неловко ерзаю. Мне кажется, что сейчас я могла бы рассказать Фениксу все что угодно, но то, что находится внутри блокнота, слишком личное.

К тому же последняя песня, которую я пишу, посвящена ему.

¹³ В переводе с английского – «Острые предметы».

¹⁴ 5,2 фута – примерно 158,5 см.

¹⁵ 230 фунтов – примерно 104,3 кг.

– Ничего. Просто иногда рисую там кое-что.

Кажется, мой ответ пробуждает в нем еще больший интерес.

– Что именно?

У меня начинают потеть ладони, поэтому я вытираю их о джинсы.

– Ничего особенного. Не имеет значения.

Мне хочется, чтобы он уловил намек и перестал меня допрашивать.

Но Феникс продолжает.

– Так расскажи мне, если там нет ничего особенного.

Боже. Он как собака, которая пытается выкопать погребенную под землей кость.

– Может, хватит? – Я набрасываюсь на него с гораздо большей враждебностью, чем необходимо. – Это не твое чертово дело.

Явно оскорбленный, он проводит рукой по волосам.

– Проклятье, я же просто спросил.

Очевидно, я его обидела и теперь чувствую себя ужасно. Феникс только пытался расспросить меня о том, что увидел, а я не только не ответила, но еще и несправедливо спустила на него всех собак.

Я собираюсь извиниться, но тут меня осеняет: ведь есть еще кое-что, что я тоже хотела бы о нем узнать. Возможно, мы могли бы обменяться секретами.

– Я расскажу тебе, что у меня в блокноте, если расскажешь, как ты узнал, где я живу.

Схватив с ящика пачку сигарет, он подносит одну ко рту. У меня на языке так и вертится фраза, что курение – верный способ испортить его удивительный голос, но тут он произносит:

– Прошлым летом я занимался благоустройством участка для вашей соседки, миссис Палмы, и видел тебя на улице.

– Ох.

Я рада, что он наконец-то рассказал мне, но по нашему уговору он определенно получит более личный секрет.

Ладно, мне нечего терять.

– Я как бы... вроде как... пишу песни.

Выражение его лица остается невозмутимым, когда он закуривает сигарету.

– Ты имеешь в виду тексты? Или музыку?

– И то, и другое.

Феникс потирает челюсть, прожигая меня взглядом.

– Хочу их услышать.

Я скорее проглочу гвозди, чем спою ему одну из своих песен, но я готова предложить компромисс.

Я выуживаю блокнот из сумочки. Ни за что на свете не покажу ему все свои песни, но есть у меня одна самая любимая.

Хотя она невероятно личная... и немного странная

– Вот. – Я нахожу нужную страницу с текстом. – Можешь прочитать эту.

Мне хочется пнуть себя в тот же момент, когда с губ срываются эти слова. Я уже собираюсь предложить ему воспользоваться подаренной мной ручкой, но он берет у меня блокнот и закрывает его.

– У меня проблемы с чтением, помнишь? Нот это тоже касается.

Как это возможно?

– Но ты играешь на клавишных.

Я брала уроки игры на фортепиано в течение трех лет, и научиться читать ноты – не банальная необходимость, а основное требование.

Феникс указывает на уши.

– Потому что у меня есть это.

Черт возьми. Я знаю музыкантов, которые могут играть исключительно на слух, но обычно это те, кто занимается музыкой десятилетиями.

Опять же, однажды я слышала, что некоторые люди с ограниченными возможностями обучения невероятно одарены в других областях.

Очевидно, это относится и к Фениксу.

Каждая клеточка его тела живет, дышит музыкой и создает ее.

Вот для чего он был рожден на этой земле.

– В любом случае, – продолжает Феникс, будто то, что он сказал, не имеет большого значения. – Я хочу полноценных ощущений. – Он кивает на инструменты, установленные в другом конце комнаты. – Не знаю, что тебе понадобится, но можешь пользоваться чем угодно.

Я качаю головой, потому что об этом не может быть и речи.

– Точно нет...

– Ну же, Группи. – Он тушит сигарету в ближайшей пепельнице. – Ты не можешь заявить, что пишешь песни, и не сыграть для меня ни одной. Все равно что сказать ребенку, словно у тебя есть конфета, но ты не собираешься отдавать ее ему.

Он прав, но все же. Я не хочу делиться чем-то настолько личным.

Не хочу, чтобы он смеялся надо мной.

– Нет.

Однако Феникс не сдается.

– Я играл для тебя.

Это правда. Играл. И был превосходен.

Однако у меня не хриплый и одновременно ровный и бархатистый голос, как у него.

Мой голос грубый и скрипучий. Будто мое альтер эго – семидесятилетняя курильщица по имени Берта, у которой вечно болит горло.

– И голос, и песня у меня странные, – предупреждаю я Феникса.

– Обожаю странности. – Взгляд его холодных голубых глаз устремляется на меня, высасывая из комнаты весь кислород. – И мне нравится твой голос.

Я теряю дар речи, и все мои аргументы испаряются в воздухе. Потому что Феникс Уокер смотрит на меня так, будто это я самый талантливый музыкант в комнате.

Когда я встаю, мои ноги напоминают желе.

Будем надеяться, что я его не разочарую.

Глава 10

Феникс

Существует нервное состояние... и окаменевшее.

И сейчас Леннон, несомненно, впала в последнее.

Никогда не видел, чтобы эта девушка потела, поэтому наблюдать за тем, как она волнуется, чертовски странно.

Господи. Она выглядит так, будто ее сейчас стошнит.

Я уже собираюсь спросить, не нужно ли ей ведро, но Леннон встает за синтезатор.

– Я играю не так хорошо, как ты.

Мне плевать, насколько хорошо она умеет играть. Просто хочу снова услышать, как она поет.

Учитывая, что я гораздо выше, микрофон нависает над ее головой.

– Опусть микрофон.

По ее взгляду понятно, что она этого не хочет.

Не повезло ей. Я желаю слышать каждый звук, который вырывается из ее рта.

– Обещай, что не будешь смеяться, – просит она, поправляя микрофон. – Вообще-то, обещай, что ничего не скажешь.

Я тот еще придурок, но не когда дело касается музыки. Знаю не понаслышке, что нужно очень много мужества, дабы обнажить свою душу перед другими.

– Я не буду смеяться.

Только если она не станет играть какую-нибудь клоунскую музыку.

Ее взгляд опускается на клавиши, а пальцы начинают двигаться, наполняя гараж мрачным мелодичным звуком с резкими нотками.

Я сдвигаюсь на край дивана, потому что она уже полностью завладела моим вниманием.

А потом Леннон начинает петь.

Крепок, словно гвоздь,
Подобно лезвию заострен,
Но продолжаю лежать здесь
В хаосе, что тобой учинен.

Изрезан и сломлен,
Бледен и без сил вновь,
Куда бы ни повернул,
Я вдыхаю тебя и теряю кровь.

Ведь я должен был стать резаком,
Но это ты режешь меня ножом.

К черту воспоминания, которых не будет никогда,
К черту боль, нанесенную твоим лезвием,
К черту оставленные тобой чувства...
К черту то, что мы жизнью зовем.

Я не двигаюсь с места, когда песня подходит к концу. Просто не могу.
Потому что Леннон Майкл только что возбудила меня, даже не прикасаясь.
Ее низкий, страстный голос обхватил мой член и потянул к себе.
И даже не заставляйте меня комментировать текст. Он болезненный и осязаемый...
Чистейшая форма искусства.

И все это в сочетании с медленной резковатой мелодией, которая с каждым куплетом перерастала в гипнотическое крещендо, пока не проникла в грудь и не вырвала бьющееся сердце...

Проклятье. У этой девушки дар.

Отведя взгляд, она неторопливо возвращается к футону.

Словно не сотворила только что нечто такое, от чего у меня перехватило дыхание и захотелось большего.

– Леннон.

Знаю, она просила ничего не говорить, но я должен. Чтобы она перенесла хотя бы половину своей веры в меня на себя.

Я поворачиваюсь к ней.

– Это было...

Словами этого не передать.

– Я... ты...

Черт. Теперь я спотыкаюсь о собственные слова.

Я прочищаю горло.

– Ты написала это? Сама?

Я не стану осуждать ее, если ей помогал отец. Это не умалит восхищения, которое я только что испытал.

– Да. – Она морщится. – А что?

Придвигаясь ближе, я задеваю ее коленом.

– Это было пре...

– Как дела, чувак? – врывается Сторм. Как только он заходит в гараж, его взгляд останавливается на Леннон. – Привет, Группи.

Мой взгляд устремляется к нему, а по спине струится волна раздражения.

Внезапно у меня возникает желание подойти и впечатать кулак в лицо лучшего друга.

Леннон – моя подруга. Не его.

Не обращая внимания на то, что он называет ее дарованным мною прозвищем, Леннон улыбается.

– Привет.

Закурив косяк, Сторм снова смотрит на меня.

- Нам пора репетировать.
Лицо Леннон озаряется светом.
- Можно я останусь и посмотрю?
– Конечно, – отвечаю я одновременно со Стормом.
Вставая, она закусывает нижнюю губу.
– Эм... Простите, но могу я сначала воспользоваться ванной?
Сторм указывает на дверь, через которую он только что вошел.
– Вторая дверь справа. Но бабуля готовит ужин, а это значит, что она не пропустит тебя, пока не попробуешь ее соус. Считай, что я тебя предупредил.
Когда Леннон уходит, его взгляд мечется между мной и дверью.
– Что между вами?
Мне хочется сказать, чтобы он завязывал с дурью, потому что та убивает его мозговые клетки.
– Она помогает мне с учебой, – напоминаю я ему.
Сторм делает долгую затяжку, прежде чем затушить скрутку.
– Не похоже, чтобы она обучала тебя, когда я вошел. – Выражение его лица становится любопытным. – И, насколько я знаю, ты не приводишь цыпочек на репетиции.
Потому что это слишком отвлекает. Единственный раз, когда я привел девушку на репетицию, в итоге прервал ее, дабы мы могли потрахаться в моей машине.
С Леннон у меня нет такой проблемы.
Но в отличие от тех девушек, которые даже не могут назвать пять своих любимых рок-групп – или объяснить мне разницу между альтернативным роком и хеви-металом, – Леннон может навскидку назвать пятьдесят и перечислить песни их сайд-проектов¹⁶.
К тому же ей, похоже, искренне нравится слушать, как мы играем, что является дополнительным бонусом.
– Я...
– Братишка, все в порядке. – Он подходит к барабанной установке. – Я не против.
Мне плевать, что он не против. Я не жду его одобрения. Кроме того, между нами с Леннон ничего не происходит.
– Ничего нет, – бросаю я ему, подходя к микрофонной стойке и регулируя ее. – Леннон крута, но не в том смысле. Мы друзья.
– Ну, если ты так говоришь, – бормочет Сторм позади меня.
Наклонив голову, я пристально смотрю на него.
– Ты последние мозги растерял, приятель? Она, черт побери, не в моем вкусе.
– Ладно, чувак. Проклятье. Давай уже отрываться.

¹⁶ Сайд-проект – музыкальный проект, в котором участвует один или несколько музыкантов, известных по другим группам. Сайд-проект дает исполнителю возможность самовыражения за пределами рамок стиля, определяемых его основным коллективом.

Глава 11

Леннон

– Все будет отлично, – говорю я Фениксу, пока мы идем по коридору к классу миссис Герман.

Судя по виду, мне не удалось его убедить.

Понимаю, что он нервничает, ведь от исхода экзамена зависит его судьба.

Но я знаю, что он сдаст.

– Я куплю тебе ужин после, чтобы мы могли отпраздновать, – обещаю я, надеясь немного развеять его тревогу.

Но это не помогает. Когда мы входим в класс, он выглядит так, будто находится в двух секундах от того, чтобы крикнуть «к черту все» и убежать.

Схватив Феникса за плечи, я смотрю на него снизу вверх.

– Ты справишься, слышишь? Ты заставишь этот экзамен прогнуться под тебя, потому что ты Феникс, мать его, Уокер.

Я благодарю небеса, что коридор пуст, потому что последнюю часть предложения я буквально выкрикнула. Но это того стоило: его губы растягиваются в легкой улыбке.

Миссис Герман высовывает голову за дверь.

– У вас все в порядке?

– Да, – отвечаю я.

Она оглядывает нас.

– Дам вам двоим еще минуту, чтобы попрощаться. Затем попрошу тебя, Феникс, зайти внутрь, чтобы мы могли начать. – С этими словами она вновь исчезает за дверью.

Голос Феникса звучит настолько тихо, что я его почти не слышу.

– Что, если я провалюсь?

– Не провалишься. – Сокращая дистанцию между нами, я быстро обнимаю его. – Я верю в тебя. – И тут же отстраняюсь. – А теперь иди туда и надери этому экзамену зад. Буду ждать тебя в музыкальном классе.

Пока он заходит внутрь, я тихо молюсь, чтобы все сложилось в его пользу.

«Леннон крута, но не в этом смысле. Мы друзья».

Конец разговора, который я подслушала на днях, эхом отдается в моей голове, когда я вхожу в музыкальный класс.

Вероятно, это должно было причинить боль, потому что у меня есть к нему чувства, но он сказал, что мы друзья. А я всегда знала, что это большее, на что может надеяться такая девушка, как я, когда дело касается Феникса.

Я сажусь на скамейку перед пианино.

«Ты последние мозги растерял, приятель? Она, черт побери, не в моем вкусе».

Вот та часть, которая по-настоящему ранит.

Несмотря на то, что Феникс не оскорблял меня, слышать, как он произносит эти слова, сродни удару в сердце.

Потому что это правда.

* * *

Я играю так долго, что пальцы начинает сводить судорогой.

Затем смотрю на часы на стене. Феникс находится там уже больше двух часов.

Меня пронзает ужасная мысль.

Что, если он уже ушел? Потому что провалился.

Нет. Не может быть. Отказываюсь даже думать об этом.

Я заканчиваю последний куплет, над которым работаю, когда распахивается дверь.

И вскакиваю на ноги так быстро, что чуть не опрокидываю скамью.

Не представляю, как истолковать выражение его лица или тот факт, что Феникс просто стоит там... не говоря ни слова.

Но потом он дарит мне самую большую, самую красивую улыбку, которую я когда-либо видела в своей жизни.

– У меня восемьдесят один балл.

Меня будто сносит волной от радости, и я мчусь к нему. Я так счастлива. Мне кажется, что могу лопнуть от этого чувства.

Затем я обнимаю его.

– Знала, что ты справишься. – Я обхватываю его лицо ладонями. – Ни на секунду не сомневалась в этом. Ты...

Мягкие губы прижимаются к моим.

Я разрываюсь между желанием ущипнуть себя, потому что это не может происходить в реальности, и нежеланием снова двигаться или дышать... Поскольку это сон, от которого я никогда не хочу просыпаться.

Феникс издает глубокий горловой звук, и моя спина врезается в стену. И тут я понимаю, что это не галлюцинация.

Феникс Уокер целует меня.

Я приоткрываю рот, и его горячий язык скользит внутрь, пробуя меня на вкус. Я нахожусь так близко к солнцу, что мгновенно воспламеняюсь.

Мой первый – и до этого момента последний – поцелуй состоялся в тринадцать лет с парнем по имени Келли, который приехал на лето в гости к своим бабушке с дедушкой. Было неловко, мокро... и даже близко не соответствовало тому, каким я всегда представляла себе такой волшебный момент.

Но этот поцелуй? Это все, чего я когда-либо хотела, и даже больше.

Феникс целует меня так, словно он томим жадной, а я – единственная капля воды на многие мили. Я выгибаюсь навстречу ему, когда его язык проникает глубже, а ладонь обхватывает мою шею, удерживая меня на месте... Будто он боится, что я могу сбежать.

Но здание может взлететь на воздух – черт, вся земля может взорваться, – и я все равно не разорву этот поцелуй.

Однако это делает Феникс.

Его зрачки расширены, он медленно отступает от меня... Точно наступил конец света и он только что обнаружил, что я зомби.

Не могу понять, что выражает его лицо – шок или ужас.

Возможно, мои навыки поцелуя хуже, чем я думала, и я что-то испортила?

Не уверена, что именно пошло не так. В чем я сейчас убеждена, так это в том, что он жалеет о случившемся.

– Феникс...

Словно звук моего голоса сродни сигналу тревоги, который предупреждает о надвигающейся опасности, он поворачивается и выбегает за дверь.

А я остаюсь на месте, гадая, что, черт возьми, только что произошло...

И что я сделала не так.

* * *

Позже той же ночью – после многочасовых споров с собой – я наконец сдаюсь и пишу ему.

Леннон: Я горжусь тобой.

Да, мы поцеловались. Но это не должно разрушить нашу дружбу.

Феникс может списать это на ошибку, которую совершил под влиянием волнения по поводу сдачи экзамена... А я могу списать это на лучший момент в моей жизни.

Тогда мы сумеем вернуться к обычному общению.

Но мы не можем...

Потому что он не отвечает.

Глава 12

Леннон

Прошло три дня с тех пор, как Феникс поцеловал меня и сбежал. Я знала, что ему нужно немного пространства, но полагала, что на следующий день он придет в себя и наши отношения вернуться в прежнее русло.

Однако этого не произошло. Он не только избегал меня как чумную в школе и после нее, но и не ответил на сообщение.

Мне не хочется показаться навязчивой, но я действительно скучаю по своему другу. Поэтому пишу ему еще одно сообщение.

Леннон: Поздравляю.

Меньше чем через час мы окончим школу, так что я уверена, что Феникс положит конец этому затянувшемуся молчанию и скажет мне то же самое.

Не тут-то было. Как и в прошлый раз, я не получаю ответа.

– Леннон, мы опоздаем, – кричит папа снизу.

Взглянув в зеркало, я заканчиваю прикреплять к голове дурацкую синюю шапочку.

– Сейчас спущусь.

В последний раз проверив телефон, я бросаю его в сумочку. Феникс не может избежать меня вечно. Я увижу его не только на выпускном, но и на вечеринке сегодня вечером.

Я смотрю на наряд, который висит на дверце шкафа. Обычно я ношу футболки и джинсы, но сегодня решила выйти из зоны комфорта и купила новое платье на выпускной. Оно короткое, трапециевидной формы и черного цвета. Мне оно нравится, поскольку подол расклешен, что придает моей фигуре привлекательный вид. К тому же темный цвет стройнит.

В итоге я рассказала миссис Палме о Фениксе, потому что мне действительно нужно было выговориться. Заявив, что мальчики глупы и он еще одумается, она предложила помочь с прической и макияжем для вечеринки.

Я не питаю иллюзий, что платье и макияж заставят Феникса упасть к моим ногам, но если он не вытащит голову из задницы, то сегодня мы увидимся в последний раз.

Следовательно, мне нужно выглядеть как можно лучше.

– Леннон, – снова кричит отец. – Поехали.

* * *

Я временно ослепла от вспышки фотоаппарата моего отца, который сделал не менее тысячи снимков того, как я шествую по сцене.

К счастью, мое зрение приходит в норму к тому моменту, когда настает очередь Феникса. Каким-то образом ему даже удается сделать так, чтобы уродливая шапочка и мантия выглядели сексуально. Мы с одноклассниками взрываемся громкими аплодисментами, когда он принимает свой диплом. Оглядывая аудиторию, я вижу, что бабушка Сторма стоит и кричит от всей души, не забывая делать фотографии.

Насколько я могу судить, она здесь в качестве его единственного родителя.

Вскоре после того, как он сходит со сцены, директор велит нам перекинуть кисточки на другую сторону¹⁷ и объявляет нас официальными выпускниками старшей школы.

Я испытываю настоящий восторг, подбрасывая шапочку в воздух, поскольку от этих чертовых булавок у меня начала болеть голова.

Кажется, минует целая вечность, прежде чем все выходят из огромного шатра, где проходила церемония.

Как только я покидаю его пределы, сразу же замечаю папу... потому что он держит самый большой букет цветов, который я когда-либо видела в своей жизни.

Подбегая, он обнимает меня так крепко, что становится больно.

– Я так горжусь тобой, Мартышка!

Я смеюсь ему в рубашку, потому что он раздувает из этого больше, чем требуется.

– Спасибо.

Наконец отпустив меня, отец протягивает мне огромный букет. Такой большой, что приходится удерживать его двумя руками.

– Я попросил флориста выбрать самые красивые цветы в магазине, потому что моя малышка заслуживает лучшего.

Она, конечно, так и сделала. Букет не просто пестрит разнообразием, каждый цветок яркий и прекрасный.

– Они великолепны, папа.

Краем глаза я вижу, как Сторм, его бабушка и Феникс о чем-то разговаривают. Мне очень хочется пойти туда, но, несмотря на то что Феникс всего в десяти футах от меня, он даже не смотрит в мою сторону.

– Дартмут, вот и ты, – объявляет отец, и мое внимание обращается к нему.

Его лицо озаряет гордость, когда он широко улыбается, но нервы у меня в животе скручиваются в тугий комок при мысли о переезде от единственного оставшегося у меня родителя.

– Я всегда могу остаться здесь.

– Ни в коем случае. Бояться – нормально, но нельзя позволять этому страху мешать тебе жить полноценной жизнью. – Наклонившись, он целует меня в лоб. – Кроме того, ты будешь проводить дома каждые каникулы и лето.

В глубине души я знаю, что он прав. Пришло время повзрослеть.

Выбраться из этого крошечного аквариума под названием «Хиллкрест» и прыгнуть в океан.

Отец обнимает меня за плечи.

– Пойдем пообедаем.

Я хлопаю ресницами.

– Может, заглянем в тот ресторанчик с морепродуктами, который мне так нравится?

¹⁷ Перекидывание кисточки является знаковым моментом на церемонии вручения дипломов в американской школе.

Немыслимо дорогое место, но там подают лучших лобстеров.

– Можем пойти в любое место, куда ты захочешь.

Мы уже собираемся уходить, но я останавливаюсь и протягиваю букет отцу.

– Подержишь секунду?

В еще одной отчаянной попытке спасти нашу дружбу я достаю телефон из сумочки и отправляю Фениксу последнее сообщение.

Леннон: Знала, что ты справишься.

Мое сердце сжимается, когда я вижу, как Феникс бросает взгляд на телефон... а затем прячет его обратно в карман.

Глава 13

Феникс

Я бормочу проклятия, когда совершаю ошибку, переворачиваясь в кровати. Несмотря на то что острая, колющая боль, которая распространилась по всему боку, теперь превратилась в тупую, давить на больное место оказалось не самой лучшей идеей.

Я просто рад, что повреждений больше нет. Пьяный ублюдок.

Сегодня мне пришлось рано вставать на церемонию вручения дипломов, а репетировали мы со Стормом до трех ночи, так что я чертовски устал.

Стоило вернуться домой, как я тотчас отправился в свою комнату и отключился. Только чтобы проснуться несколько часов спустя от удара битой по бедру.

Этот подонок успел нанести только один удар, прежде чем я выхватил ее и впечатал кулак ему в лицо с такой силой, что вырубил его.

После чего вытащил его бессознательную задницу в коридор.

Уже почти полночь, а ублюдок до сих пор в отключке.

Схватив телефон, я просматриваю сообщения, останавливаясь на тех, что получил ранее от Леннон.

Мне стоило ответить, но я не сумел подобрать нужных слов.

Потому что я здорово облажался.

Я сказал ей не усложнять ситуацию, а затем сам ее поцеловал.

Черт побери. Это было так глупо.

Не только потому, что мы друзья, но и по той причине, что скоро нам придется расстаться.

Наш концерт в «Вуду» состоится через четыре дня, а еще через неделю мы со Стормом уезжаем в Лос-Анджелес.

Уже не могу дождаться, когда выберусь отсюда.

Мой телефон вибрирует, и на экране высвечивается имя Сторма.

Придурка, вероятно, нужно отвезти домой, потому что он перебрал на вечеринке в честь выпускного.

Нажав на зеленую кнопку, я подношу телефон к уху.

– Хочешь, чтобы я заскочил и забрал тебя?

– Не, приятель. Произошло кое-что по-настоящему хреновое.

Я жду, что он расскажет, как соседи вызвали полицию и половина нашего выпускного класса угодила под арест.

– Тебе нужно, чтобы я внес за тебя залог?

Если это так, то наш фонд для поездки в Лос-Анджелес ждет серьезный удар.

– Не сегодня. – Он выдыхает. – В общем, я был на улице в джакузи, и Саша мне дрочила. Я уже собирался предложить пойти внутрь и потрахаться, но тут услышал шум.

– Дай угадаю – завязалась драка.

Я уже готовлюсь сказать ему, чтобы он не слишком расстраивался из-за того, что их прервали, потому что Саша в постели как бревно, но тут он говорит:

– Нет. Там была твоя девчонка.

Моя девчонка?

– Можно поконкретнее?

– Леннон, сукин ты сын.

Мои мысли возвращаются к тому, что сказала Сабрина после того, как я трахнул ее в музыкальном классе.

Я вскакиваю с кровати.

– Что, на хрен, случилось?

Я был так занят репетицией перед предстоящим выступлением и игнорированием ее сообщений, что забыл предупредить, чтобы она не шла на вечеринку.

– Сабрина и кучка других говнюков выплеснули на нее свиные помои. Потом кружили вокруг бедняжки и хрюкали, пока кто-то кричал «Уи!». Это было очень жестоко.

Боже, мать твою, правый.

– Как бы то ни было, – добавляет Сторм, – она в моем пикапе. Что ты хочешь, чтобы я с ней сделал?

Он произносит это так, будто Леннон чертов прибор, который он перевозит из одного места в другое. Но это же Сторм. Единственная эмоция, на которую способен этот парень, – гнев.

Я хватаю ключи с комода.

– Уже еду.

– Я присмотрю за ней, пока ты не появишься. Хотя должен тебя предупредить, что девчонка до сих пор ничего не сказала. Думаю, она в шоке или что-то вроде того.

* * *

Полотенце, которое я прихватил из ванной по пути к выходу, не поможет.

Леннон с головы до ног в свиных помоях. Все настолько плохо, что дерьмо налипло на ее одежду, ресницы и волосы.

Она не поднимает взгляд, пока я помогаю ей выбраться из пикапа Сторма.

Ей определенно нужен душ, но я не могу отвести ее к себе домой.

По крайней мере, пока там он.

И не думаю, что везти Леннон к ней – хорошая идея. Ее отец действительно заботится о дочери, так что не исключаю, что он не только взбесится, но и примчится сюда и наорет на всех... Что только усугубит ее положение.

Я смотрю на Сторма.

– Можно я...

– Тебе даже не нужно спрашивать. – Он жестом показывает на дом, где вечеринка, судя по звукам, все еще в самом разгаре. – Я вернусь туда и получу минет. Увидимся утром.

С этими напутственными словами он бежит обратно в дом, а я веду Леннон к своей машине.

По дороге к жилищу Сторма она не произносит ни слова.

* * *

Леннон протестует, когда я веду ее через парадную дверь.

– Можешь отвезти меня домой...

– Святые небеса! – восклицает бабуля, увидев нас, и чуть не роняет чашку с чаем. – Что произошло?

– Какие-то суки напали на Леннон на вечеринке в честь выпускного.

Будучи христианкой с Юга, которая ходит в церковь ради веселья, бабуля обычно ругает меня за каждое бранное слово, но сейчас она слишком сосредоточена на Леннон. Вручив мне свой чай, бабуля хватается за руку и ведет в ванную.

– Прими душ, милая. А я пока постираю твою одежду.

Однако Леннон упрямится.

– Спасибо, но я не хочу навязываться. Я просто вызову такси и...

– Ерунда, – возражает бабуля, и я не могу сдержать смех, потому что с этой женщиной не поспоришь. – Иди и приведи себя в порядок. – Она открывает дверь ванной. – Полотенца в шкафу, вон там.

Понимая, что ей не одержать победу в этой битве, Леннон уступает.

– Спасибо. Я очень ценю это.

Бабуля хмурится, глядя на закрытую дверь ванной.

– Какая жестокость. – Шаркая в сторону кухни, она выпускает долгий вздох. – Пусть они сгниют в аду. Все до последнего.

Аминь.

Меня осеняет, что Леннон нужно что-то надеть, пока ее одежда стирается, поэтому я направляюсь в комнату Сторма. И сразу же бегу к своей спортивной сумке, которую держу тут на случай, если дома станет совсем плохо и мне нужно будет переночевать здесь несколько дней.

Копаясь в сумке, я натываюсь на выцветшую черную футболку с изображением группы Рара Роаш, которую бабушка Сторма подарила мне на день рождения несколько лет назад.

У меня такое чувство, что Леннон предпочтет ее одной из отвратительных ночных рубашек бабули.

Когда я дохожу до ванной, душ уже работает, и я открываю дверь.

– Я принес тебе...

– Господи. Тебя стучать не учили? – кричит Леннон, быстро хватая полотенце.

Я мельком замечаю пурпурный лифчик и проблески чернил, прежде чем она прижимает полотенце к телу.

Будь я проклят. У нас с Маленькой мисс Невинность есть еще кое-что общее.

– У тебя татуировки?

Леннон стреляет в меня таким взглядом, будто ей не терпится оторвать мне голову.

– Убирайся!

Ради всего святого. Она не первая голая цыпочка, с которой я сталкиваюсь.

Это практически ежедневное явление.

– Расслабься, у тебя нет ничего такого, чего бы я раньше не видел.

Не то чтобы я вообще успел что-то разглядеть.

Я кладу футболку на раковину.

– Принес тебе кое-что из одежды.

* * *

Полчаса спустя внутренняя дверь открывается, и Леннон входит в гараж. Ее влажные темные волосы до плеч, которые обычно собраны в пучок, теперь распущены, и она продолжает тянуть край футболки, хотя та доходит ей до колен. Это, а также выражение ее лица дают понять, что она чувствует себя не в своей тарелке.

Леннон больше не покрыта свиными помоями, так что ей следует считать это победой.

– Привет.

– Можешь отвезти меня домой?

Могу, но не хочу. Я подумал, что мы могли бы немного поболтать.

– Почему бы тебе не остаться ненадолго?

Однако Леннон не в восторге, поскольку быстро пресекает мою идею.

– Нет. Я просто хочу домой.

Я раздраженно скрещиваю руки на груди.

– Подожди, пока твоя одежда высохнет.

– Я вернусь и заберу ее завтра.

Проклятье. Я надеялся, что мы сможем покончить с этим напряжением между нами и вернуться к тому, что было.

– Останься со мной.

Она смеется, но в ее смехе нет ни капли юмора.

– С чего бы мне оставаться?

Боже. Этим утром она писала мне, а теперь ведет себя так, будто желает возвести еще большую дистанцию между нами.

– Потому что мы друзья?

– Мы не друзья. – Взгляд ее карих глаз становится стеклянным. – Друзья не игнорируют сообщения друг друга.

Она права, но прежде чем я успеваю это сказать, Леннон пронесется мимо меня и направляется к наружной двери.

Я бегу за ней. Понимаю, что она злится, но уходить посреди ночи в одной футболке – не самое, черт возьми, разумное решение.

– Леннон.

Я тянусь к ее запястью, но она разворачивается и толкает меня.

– Оставь меня в покое.

– Понимаю, ты расстроена...

– Я не расстроена. Я унижена. – Ее нижняя губа дрожит, а голос срывается. – Они, черт побери, выплеснули на меня свиные помои!

Я собираюсь напомнить, что ей больше никогда не придется иметь с ними дело, но тут Леннон делает то, чего никогда раньше не делала...

Она плачет.

Глава 14

Леннон

Словно быть облитой свинными помоями – недостаточный повод для унижения, теперь у меня есть еще один.

Я фонтанирую слезами и прерывистыми всхлипами, которые никак не могу остановить. Мне хочется выбежать за дверь и никогда не возвращаться, но Феникс обхватывает меня руками.

Желание снова оттолкнуть его достаточно сильно, но все затмевает моя потребность в утешении.

И его приятный аромат. Будь он проклят.

Низкий, хриплый голос Феникса звучит у меня над ухом, когда он крепче прижимает меня к себе.

– Они гребаные сволочи.

От его слов я рыдаю еще сильнее. Я весь день готовилась, надеясь не только увидеть его, но и провести ночь со сверстниками, прежде чем мы все разъедемся.

Ночь, где я не буду толстухой, над которой издеваются... потому что хоть раз вписалась в общество.

Но я не вписываюсь. И никогда не впишусь.

– Я просто хотела выпить и весело провести время, – хриплю я Фениксу в грудь, мои слезы пропитывают тонкую ткань темно-серой футболки.

– У меня в машине есть бутылка «Джека»¹⁸. – Подняв взгляд, я вижу, как его рот кривится в ухмылке. – Давай повеселимся.

Не думала, что можно смеяться и плакать одновременно, но я ошибалась.

– Очень смешно.

– Я серьезно. – Разорвав объятия, Феникс отходит назад. – Мы только что закончили долбаную старшую школу, и я хочу расслабиться и отпраздновать это событие с одним из моих любимых людей. – Он поигрывает бровями. – Сейчас вернусь.

¹⁸ Подразумевается виски «Джек Дэниелс» (англ. Jack Daniels).

Мне следовало отказаться, потому что последние три дня Феникс меня игнорировал... Но он не обязан был появляться на вечеринке и забирать меня. К тому же было бы неплохо собрать осколки того, что, несомненно, стало худшей ночью в моей жизни.

Провести время с другом – хороший способ это сделать.

Кроме того, – к великому неудовольствию моего отца, когда мы это обсуждали, – у меня больше нет комендантского часа, поскольку мне не только восемнадцать лет, но я уже выпускница старшей школы.

Феникс возвращается, держа в одной руке бутылку «Джека Дэниелса», а в другой – два красных стаканчика.

Жестом приглашая меня следовать за ним, он подходит к футону.

Я сажусь рядом с ним, пока он ставит бутылку и стаканы на ящик перед нами.

– Итак, план в том, чтобы просто сидеть здесь и напиваться всю ночь? – спрашиваю я, пока он наполняет оба стаканчика до половины.

– Да. – Передав один мне, он слегка постукивает по нему своим. – Вроде того.

Конечно, я никогда раньше не напивалась, но мне это не кажется таким уж захватывающим.

– Не очень-то весело.

Феникс фыркает.

– Подожди, пока алкоголь не ударит в голову.

Справедливо. Хотя было бы занимательнее, найди мы способ скоротать это время более интересным способом.

– Мы должны сыграть в игру.

Он хмурится.

– В какую?

– В игру на выпивку. – Очевидно. – Как насчет «Я никогда не»? – Я лично в нее не играла, но правила довольно простые. – По сути, каждый из нас по очереди говорит что-то, чего никогда раньше не делал, но если другой человек это делал... он должен выпить.

– Звучит глупо, – бормочет Феникс. – Но хорошо. Я в деле. Ты начинаешь.

Он перестанет думать, что это глупо, когда я выиграю, а он напьется до беспамятства.

Начинаю с очевидного:

– Я никогда не пела на сцене.

Феникс удивляется.

– Правда?

– Ага.

Мои сверстники всегда отводили мне роль изгоя, поэтому мысль о том, чтобы когда-нибудь спеть на сцене перед толпой неизвестных мне людей, до смерти меня пугает.

Но я бы солгала, скажи, что втайне не желала бы узнать, каково это, когда все смотрят на тебя так, будто ты действительно что-то значишь.

Будто ты особенная.

Поднеся стакан ко рту, Феникс делает глоток. Его губы подергиваются от удовольствия, когда он произносит:

– У меня никогда не было комендантского часа.

Черт бы его побрал.

Я делаю большой глоток, что оказывается не самой лучшей идеей, потому что стоит жидкости попасть мне в горло, как я сразу захожусь кашлем. Господи.

Феникс смеется над моей неопытностью.

– В чем дело, Группи? Не можешь справиться с алкоголем?

Отмахнувшись от него, я отплачиваю Фениксу следующей фразой:

– Я никогда не списывала на тестах.

– Мило. – Прищурившись, он делает еще один глоток. – Меня никогда не обливали свиными помоями на вечеринке.

Ауч. Поднося стакан к губам, я поднимаю указательный палец свободной руки.

– Еще не вечер.

Второй глоток все еще резковат, но пьется гораздо легче.

Раз уж Феникс достает большие пушки, я тоже прибегну к тяжелой артиллерии.

Я удерживаю его взгляд.

– Я никогда не трахала шлюху в музыкальном классе.

– Кто-то сегодня показывает коготки, – бормочет он и делает глоток.

По моим венам разливается тепло, и в голове ощущается легкость.

– Это ты начал, приятель.

Дотянувшись до пачки сигарет, он подносит одну ко рту и прикуривает.

– Я никогда не выкладывал уйму денег за чертову ручку.

Тут он меня подловил. И я с радостью делаю еще один глоток. Мое тело постепенно расслабляется.

– Ух ты, крепкий напиток.

Его великолепное лицо искажается беспокойством.

– Тебе, наверное, стоит притормозить.

Ну уж нет. Я хочу повеселиться.

– Черта с два, – заявляю я. – Сегодня у меня нет комендантского часа.

Празднуя маленькую победу, я отпиваю еще.

Мысли путаются, когда я пытаюсь придумать что-нибудь еще, чего Феникс не делал. И усмехаюсь, зацепившись за одну мысль. Господь свидетель, его член где только не побывал.

– Я никогда не участвовала в оргиях.

Феникс делает еще одну затяжку, не совершая ни единого движения в сторону стакана.

Я машу ему рукой.

– Давай, приятель. Пей.

– Никогда не принимал участия в оргиях. – Слабый проблеск юмора освещает его лицо. – Тройнички? Да. Оргии? Слишком много мороки.

С такой логикой не поспоришь.

Я делаю очередной глоток.

– Аминь, брат.

Мягкое прикосновение к моей руке заставляет меня вздрогнуть.

– Может, нам стоит остановиться.

– Спасибо за совет, папочка. – Я снова наполняю теперь уже пустой стакан. – Но я не слабачка.

Феникс раздраженно издает гортанный звук.

– Отлично. Я никогда не делал минет.

Судя по высокомерному взгляду, он думает, что выиграл этот раунд.

Однако пусть я лучше напьюсь до беспамятства и меня вывернет наизнанку, чем дам ему подтверждение того, что я неудачница, которой парень не позволяет ему отсосать.

Сохраняя безразличное выражение лица, я делаю глоток.

Феникс тушит сигарету в стоящей рядом пепельнице.

– Ты не должна пить, если не делала этого, помнишь?

– Я знаю правила, – невозмутимо отвечаю я.

С его лица исчезает выражение триумфа, и он замолкает. Желая продолжить игру, я перебираю в голове то, что я, в отличие от него, не делала.

– Меня никогда не арестовывали.

И снова Феникс игнорирует выпивку.

– Почему ты не пьешь?

Он нахально подмигивает мне, отчего мое сердце пропускает удар.

– Потому что никогда не попадаюсь.

Изучая меня, словно я образец под микроскопом, его лицо расслабляется, и он проводит пальцем по своему точеному подбородку, будто обдумывая следующие слова.

– Я никогда не трахался с парнями.

Заварил кашу, так не жалею масла. Как и раньше, мне не хочется подтверждать, что я зануда, у которой еще не было секса.

Поэтому я пью.

– С кем ты трахалась?

В его тоне чувствуется легкая резкость, но я не понимаю причины.

Прикидываясь скромницей, я подмигиваю ему в ответ.

– Для этого нам придется сыграть в «Правда или действие».

– Тогда «Правда или действие».

Вот дерьмо.

– Ладно. – Я сглатываю. – Правда или...

– В прошлый раз ты была первой, – вставляет Феникс, прикуривая очередную сигарету. – Правда или действие, Группи?

Очевидно, он не совсем понял, что для меня есть простой выход из этой ситуации.

– Действие.

Бум. Спасена.

Дым от зажженной сигареты, зажатой меж его губ, клубится в воздухе.

– Дай взглянуть на твои татуировки.

Что. За. Черт.

Я скорее спую ему каждую песню из своего блокнота, стоя перед нашим выпускным классом, чем позволю увидеть это.

Как мне теперь выпутаться?

Быстро поразмыслив, я понимаю, что честность – лучшая тактика. Своего рода.

– У меня их нет.

Видно, что ему мой ответ не по душе, но он ничего не может поделать. Фениксу не взглянуть на мои татуировки, потому что их нет. Я кремень.

Теперь моя очередь.

– Правда или действие?

– Правда. – Никаких колебаний с его стороны.

Я могла бы быть с ним помягче, но надеюсь, если мне удастся доставить ему хотя бы половину того дискомфорта, который он доставил мне своей последней просьбой, он согласится прекратить эту игру.

– Почему ты меня поцеловал?

Его ноздри раздуваются на вдохе, и на мгновение мне кажется, что он не ответит...

Но потом Феникс произносит:

– Потому что хотел этого.

По спине пробегает волна легкого покалывания, и я сжимаю ноги вместе.

Феникс хотел поцеловать меня.

Слава богу, я пьяна, потому что понятия не имею, как в полной мере осознать масштабы этого заявления.

Он бросает сигарету в стакан, и она шипит.

– Правда или действие?

Не хочу слышать вопрос о том, что у меня на теле, поэтому говорю:

– Действие.

Феникс словно пронзает мою душу тупым ножом, произнося следующее требование:

– Покажи мне чернила на верхней части бедра.

Мои губы приоткрываются на судорожном вдохе. Очевидно, что это я туго соображаю, потому что Феникс только что меня обыграл. По-крупному.

Я не могу этого сделать. Не могу.

Но должна. Поскольку что-то мне подсказывает: на этот раз он не позволит мне выкрутиться.

Неприятно это говорить, но тот факт, что у Феникса трудности с чтением, немного облегчает мои терзания.

Когда я встаю, ноги кажутся резиновыми.

– Ладно.

Я собираюсь поднять футболку, но Феникс меня опережает. Как только я ощущаю его прикосновения, у меня начинает кружиться голова.

По его лицу разливается разочарование, когда он пытается расшифровать три слова на верхней части моих бедер. Я уже собираюсь сказать ему, что время вышло, но тут он вскакивает с дивана и подходит ближе, изучая чернила.

Он проводит пальцем по одному из слов. Контраст его мозолистой кожи и нежного поглаживания вызывает жар между ног.

– «Толстая».

Мое сердце стучит о ребра.

Нахмутив брови, Феникс читает другую надпись.

– «Свинья». – Гнев окрашивает его тон, когда он произносит последнее видимое ему слово. – «Жирная задница».

Поднеся большой палец ко рту, он смачивает его... А затем проводит им по одному из слов, пытаясь стереть его.

Но ничего не выходит. Во всяком случае, не так легко.

– Это перманентный маркер.

– Почему... – Морщинки между его бровями становятся глубже, а голос понижается до слабого хрипа. – Почему ты делаешь это с собой?

Потому что именно это я из себя и представляю.

Такой меня видят все остальные.

Смахнув слезы, я отталкиваю его руку.

– Ты не можешь задать вопрос, пока я не выберу правду. К тому же сейчас моя очередь. – Я снова сажусь на футон. – Правда или действие?

Феникс напряженно сжимает челюсть.

– Действие.

Моя грудь словно раскалывается надвое, обнажая самые темные тайны. За всю свою жизнь я никогда не чувствовала себя более уязвимой.

И, думаю, будет справедливо, если он позволит мне увидеть его секрет.

– Покажи мне, где ты живешь.

Феникс смотрит на меня так, будто я сошла с ума.

– Нет...

– Я только что продемонстрировала тебе то, о чем никто больше не знает. Очень личное и невероятно важное для меня. – То, что чуть меня не сломало. – Самое меньшее, что ты можешь сделать, это показать трейлер, в котором живешь.

Хотя очевидно, что Феникс этого не хочет, он уступает.

– Хорошо. – Он достает ключи из кармана. – Поехали.

* * *

Грязь и гравий хрустят под шинами «Тойоты» Феникса, когда он проезжает через Бэйвью. Свернув направо, мы минуем вереницу ветхих трейлеров, каждый из которых еще более убогий, чем предыдущий.

Когда он останавливается в конце улицы перед самым жутким из них, у меня скручивает желудок.

Маленький трейлер такой ржавый и тусклый, что я даже не могу разобрать, каков его первоначальный цвет. У входа имеется небольшая лестница, но она – вместе с крышей – настолько обветшала, что едва ли может быть безопасной.

Это место настолько ужасно, что трейлер Эминема в фильме «8 миль» кажется роскошным домом.

Я ни в коем случае не осуждаю... Просто мне грустно.

Никто не заслуживает такой жизни.

– Мы не пойдем внутрь, – выдавливает Феникс.

– Нам и не нужно.

Скрипя челюстью, он смотрит на трейлер, потом на меня.

– Уже получила свое, принцесса?

Его комментарий обжигает, подобно пощечине.

– Я попросила привезти меня сюда не для того, чтобы издеваться и заставить тебя чувствовать себя дерьмом. А потому что хотела узнать о тебе больше. – Я бросаю на Феникса хмурый взгляд. – По той же причине, почему ты попросил показать, что я пишу на своем теле.

У него нет аргументов, поэтому он замолкает.

Надеясь сменить тему, я поворачиваюсь к нему лицом.

– Твоя очередь.

Его низкий голос заполняет пространство между нами.

– Правда или действие?

Не хочу, чтобы он спрашивал, почему я пишу на себе подобные слова – ведь тогда он поймет, что все это уловка и я даже наполовину не такая сильная, какой притворяюсь, – поэтому снова принимаю то же решение, что и раньше.

– Действие.

Склонив голову, он удерживает мой взгляд. Его ледяные голубые глаза пронзают меня насквозь, словно горящая стрела.

– Твое следующее действие – сделать мне минет.

Постойте... Что?

Я ищу на его лице признаки того, что он шутит, но их нет.

У меня кружится голова, но это не имеет никакого отношения к выпитому алкоголю. Несмотря на то, что сказала Фениксу обратное, я никогда раньше не делала ничего подобного.

И мне не хочется, чтобы мой первый сексуальный опыт стал частью игры. Возможно, у меня не самая высокая самооценка, но я заслуживаю большего.

– Я... э-э...

Феникс разражается смехом, будто я только что произнесла какую-то уморительную шутку.

– Видела бы ты сейчас свое лицо. Я просто издеваюсь над тобой. – Он заводит двигатель. – Давай возьмем немного еды и вернемся к Сторму.

Вот он, мой выход. Я должна им воспользоваться.

Но странный укол разочарования вонзается мне прямо в грудь. Будь это любой другой парень, я бы вздохнула с облегчением... Но сейчас ситуация иная.

Это Феникс.

И будь то действие или нет... Возможно, это мой единственный шанс стать той девушкой.

Той, кто может заполучить парня.

Пусть даже только на сегодняшний вечер.

Я кладу руку поверх его, когда он переключается на заднюю передачу.

– У меня не получится это сделать, пока ты ведешь машину.

То есть я могла бы, но это не очень безопасно.

Феникс бросает взгляд в мою сторону.

– Очень смешно, Группи.

Алкоголь в крови придает мне больше смелости, чем я когда-либо могла себе представить.

– В отличие от тебя я не шучу.

Переключая машину обратно в режим паркинга, он изучает мое лицо.

Все, что я слышу, это быстрый стук моего сердца. Раз...

Два.

Три.

Четыре.

Пять секунд...

И затем Феникс отодвигает свое сиденье назад.

– Если хочешь... – Он смотрит на меня из-под полуопущенных век. – Бери.

Нервы на пределе, словно в животе завелся рой непослушных пчел, потому что я чувствую, как только что откусила гораздо больше, чем могу прожевать. А это о многом говорит, учитывая мою склонность к перееданию.

Я смотрела порно – и однажды практиковалась с огурцом из чистого любопытства – так что мне знакома основная концепция того, что предстоит сделать.

Однако я понятия не имею, с чего начать. И Феникс тут же это подмечает.

Уголок его рта слегка приподнимается, точно он ощущает мое беспокойство и находит его забавным.

– Нервничаешь?

Я в ужасе. Но заставляю себя подавить эмоции: не позволю своему страху помешать тому, о чем фантазировала годами.

– Нет.

Я замечаю, как он оценивает меня, прежде чем произнести:

– Тогда иди сюда.

Мой пульс отдается гулким стуком в ушах, когда я придвигаюсь как можно ближе, не садясь к нему на колени. Я хочу поцеловать Феникса, но в последний раз, когда это произошло, он взбесился, так что, возможно, лучше нам не делать этого снова.

Я задираю его футболку.

– Сними ее. – Когда он вопросительно приподнимает бровь, я произношу те же слова, которые он сказал, когда хотел услышать мою песню. – Я хочу полноценных ощущений.

Потянувшись за спину, он хватается за край футболки и одним быстрым движением стягивает ее через голову.

Мой взгляд сразу же останавливается на большом черном нотном ключе прямо над его сердцем. Рядом с ним набор из пяти горизонтальных линий, также известных как нотный стан. Однако там нет никаких нот. Он совершенно пустой.

– Почему без нот?

– Жду, пока напишу песню, которая изменит мою жизнь.

Уважительная причина.

Нежно проведя пальцем по татуировке, я чувствую, как учащается его сердцебиение.

– Как давно она у тебя?

– Два года.

– Она прекрасна. – Я опускаю взгляд ниже, рассматривая его плоский, подтянутый живот. Феникс весь прекрасен. – Есть и другие?

– Почему бы тебе самой не узнать?

Очевидно, это намек.

Меня охватывает новая волна нервозности, когда пальцы находят пуговицу на его джинсах. Ткань плотно обтягивает хорошо заметную выпуклость, и звук, с которым я расстегиваю молнию, настолько громкий, что почти оглушает.

Все терзающие меня опасения исчезают, как только я четко осознаю, что Феникс Уокер тверд...

Для жень.

Приподняв бедра, он немного стягивает джинсы, высвобождая член.

Который... не может быть реальным.

То есть очевидно, что он настоящий, но... боже правый. Он огромен.

И я не говорю, что он как у порнозвезды. Скорее имею в виду, что член огромный в действительно тревожном смысле, и науке не помешало бы его изучить.

– Боже. – Клянусь, чем дольше я смотрю на него, тем больше он становится. – Чем, черт возьми, ты кормишь эту штуковину?

Феникс издает сдавленный смешок, прежде чем выражение его лица становится серьезным, и он прижимает большой палец к моей нижней губе.

– Через минуту он полакомится твоим ротиком.

Верно.

Я обхватываю рукой его толстый ствол. Несмотря на то, что он твердый как камень, когда я медленно глажу от основания до головки, на ощупь он напоминает разгоряченный атлас.

Феникс резко вдыхает, когда я повторяю движение, и, не сумев сдержаться, я поднимаю взгляд. Его губы слегка раздвинуты, глаза прикрыты, а грудь вздымается и опадает в рваном ритме вдохов. Языки воображаемого пламени достигают низа моего живота, пока я провожу подушечкой большого пальца по широкой блестящей головке, распределяя по ней перламутровую каплю жидкости.

Тяжело сглотнув, Феникс сдавленно произносит:

– Леннон.

В его тоне слышится нотка отчаяния, и это лишь подстегивает меня, когда я принимаюсь двигать рукой.

Сместившись, я опускаюсь до тех пор, пока моя голова не оказывается над его коленями.

– Я никоим образом не смогу проглотить его глубоко.

Полагаю, стоило это обозначить в самом начале. А что, если по какой-то сумасшедшей случайности найдется женщина, способная засосать эту штуку целиком? Науке, вероятно, следует изучить и ее тоже, потому что она должна быть наполовину змеей, чтобы суметь раздвинуть челюсть так широко.

– Мне плевать, просто возьми его в рот. – Голос Феникса напоминает глубокий рокот.

Прикоснувшись губами к головке, я слегка целую ее, пробуя соленую жидкость на вкус, а затем отстраняюсь.

– Чтобы я смогла продолжить, ты должен показать, что именно тебе нравится.

Поскольку я желаю доставить ему настоящее удовольствие.

Намотав мои волосы на одну руку и сжав член второй, Феникс снова придвигает меня к нему.

– Открой.

Когда я делаю так, как велено, он вводит свою набухшую головку мне в рот.

– Лижи.

Я провожу языком по маленькой щели, и с его губ срывается стон.

– Еще.

Проведя языком по всей головке, я облизываю ее так, словно это лучшее, что я когда-либо пробовала, и мне не хочется упустить ни капли.

– Проклятье. – Феникс сильнее сжимает мои волосы. – А теперь соси.

Грубые приказы сводят меня с ума, и я принимаю член глубже, срывая с его губ еще один стон.

Заменяв его руку своей, я жадно ласкаю и сосу член, обращая особое внимание на издаваемые Фениксом звуки.

Когда я нахожу ритм, который ему нравится, он рычит и толкается бедрами мне в лицо.

– Черт возьми, да. Соси вот так.

Осознание того, что Феникс теряет контроль над собой, потому что я доставляю ему удовольствие, почти доводит меня до оргазма.

Болит челюсть, но я справляюсь, продолжая отсасывать ему быстрыми глубокими рывками, желая довести Феникса до финиша.

Все его тело содрогается.

– Черт. Я сейчас... – Он прижимает мою голову так сильно, что я задыхаюсь. – Не двигайся.

Тон его голоса звучит убийственно. Я готовлюсь глотать сперму... Но ничего не происходит. Феникс замирает.

Я уже собираюсь спросить, что сделала не так, но тут слышу это.

Какой-то мужчина кричит – или, скорее, бросается невнятными ругательствами – на Феникса.

– Вернись сюда, говнюк. Я снова надеру тебе зад.

Какого черта?

Чувствуя себя беспомощной, я оглядываюсь, но мое внимание привлекает темный синяк, пересекающий V-образную линию косых мышц нижней части живота Феникса.

Насколько я знаю, спортом он не занимается, поэтому мне интересно, откуда взялся этот синяк. Должно быть, он болит.

Нечленораздельная ругань звучит ближе, как и звуки нетвердых шагов.

– Ты просто кусок дерьма, – орет мужчина. – Твоя мать-шлюха должна была оказать миру услугу и сделать аборт. Ты не мой сын, никчемная пиявка, и однажды я убью тебя.

Сума сойти. Гнев переполняет мои вены, и я отстраняюсь, выпуская его член изо рта. Ужасные слова, которые выкрикивает этот сумасшедший, просто омерзительны.

«Ты не мой сын». Меня охватывает отвращение, когда я понимаю, что этот воинственный придурок, скорее всего, отец Феникса.

Я собираюсь высказать ублюдку все, что о нем думаю, но Феникс дает задний ход и выезжает из трейлерного парка так быстро, что я чуть не получаю хлыстовую травму¹⁹.

Затем возвращаюсь на пассажирское сиденье.

– Это был твой отец?

Стиснув зубы, Феникс подтягивает джинсы, но молчит.

Этого подтверждения мне достаточно.

– Куда мы едем? – спрашиваю я, когда он проносится мимо жилища Сторма.

Только тогда он отвечает:

– Я везу тебя домой.

¹⁹ Хлыстовая травма – повреждение шеи, происходящее в результате ее резкого сгибания. Чаще всего является следствием автомобильной аварии.

Мне не хочется возвращаться, но то, что произошло, явно омрачило ночь, которая должна была стать лучшей в моей жизни.

Но гораздо важнее другое: я не желаю, чтобы он возвращался к тому трейлеру. Никогда. Нодонок-отец Феникса угрожал убить его. Что не только вызывает страх... Это прямое насилие.

Хотя моему папе не понравится мысль о том, чтобы на нашем диване ночевал парень, я знаю, что, стоит мне объяснить ситуацию, он уступит и позволит Фениксу остаться на любой срок.

Вместо того чтобы заехать на мою подъездную дорожку, Феникс паркуется под большим дубом в нескольких футах дальше по улице.

– Спрошу отца, можно ли тебе остаться. Ему это не понравится, но...

– Я не останусь у тебя дома, – перебивает он меня. – Сторм разрешает мне ночевать у него, когда захочу.

Я уже была бесконечно благодарна Сторму за то, что он прорвался сквозь толпу тех, кто облил меня помоями, и вывел с вечеринки, но теперь у меня появилась еще одна причина отблагодарить его, поскольку он предоставляет Фениксу безопасное убежище.

– Хорошо. – Я зажмуриваюсь, когда меня омывает волной боли. – То, что произошло сегодня, часто случается?

И снова Феникс не отвечает. Теперь я понимаю, что в непростых вопросах его молчание и служит ответом.

Открыв глаза, я замечаю, что он так и не надел футболку, а джинсы все еще расстегнуты. Протянув руку, я нежно провожу кончиками пальцев по синяку.

– Это сделал он?

Молчание.

Меня охватывает желание хоть как-то успокоить его, поэтому я наклоняюсь и мягко прикасаюсь губами к синяку, снова и снова, желая, чтобы только одно прикосновение могло избавить его от боли.

Феникс судорожно выдыхает, и я замечаю, что его член поднимается.

– Леннон, – произносит он грубым голосом.

Не могу сказать, предупреждение это или просьба, но я выбираю второй вариант и обхватываю его ствол рукой. Низкий стон срывается с губ Феникса, когда я провожу языком по его набухшей головке и посасываю ее.

Однако когда втягиваю его член в рот, Феникс останавливает меня.

Мои щеки пылают от смущения, потому что, конечно же, прямо сейчас ему не нужен минет. Он опустошен и раздавлен.

Я начинаю отстраняться, но Феникс хватается за мою руку и кладет ее обратно на член, проводя ею вверх и вниз.

У меня вырывается испуганный вздох, когда его свободная рука сжимает мое горло. Хватка не так сильна, чтобы задушить, но достаточно, чтобы затруднить дыхание.

Наклонив голову, Феникс втягивает носом мой аромат.

– Дрочи быстрее, – хрипит он, проводя губами вдоль моего горла. От его слов и вибрации мои соски твердеют.

Закрыв глаза, я ускоряю движения.

Глубокий мелодичный голос Феникса обволакивает меня, удерживая в заложниках:

– Ты такая милая и невинная. – Я собираюсь напомнить ему, что то, чем я сейчас занимаюсь, вовсе не мило и не невинно, но его зубы царапают мою шею. – Мысль о том, чтобы развратить тебя, чертовски сильно меня заводит.

Нас обоих.

Он втягивает мою кожу в рот с такой силой, что я знаю – останется след.

Я не только приветствую боль, но и жажду ее.

– Сильнее.

Его зубы сжимаются, пощипывая и кусая, и я хнычу, содрогаясь.

Феникс издает низкий стон и сжимает в кулаке основание своего члена, когда я веду ладонью к головке.

– Сейчас кончу. – Перехватив инициативу, он делает жесткий и быстрый рывок. – Хочешь немного?

Я жажду все, что он готов мне предложить.

Опустив голову, я обхватываю губами его головку и скольжу вниз так далеко, как только могу. Мгновение спустя грубый, рваный звук прорезает воздух, и мне в горло брызгает струя горячей жидкости. Я всасываю ее, не желая терять ни капли.

Феникс откидывается на водительское сиденье.

– Черт.

Он украл мою реплику. Может, Феникс и был тем, кто кончил, но по ощущениям именно я получила полное удовольствие.

Но тут меня посещает гнетущая мысль.

Что последует за этой ночью? Будет ли он вести себя так, словно меня не существует?

Покончит ли с нашей дружбой навсегда?

– Ты снова будешь меня игнорировать?

– Нет. – Склонив голову набок, чтобы посмотреть на меня, он закуривает сигарету. – Но я не завожу отношений, Леннон. – В его голосе появляется нотка сожаления. – И даже если бы хотел углубить нашу с тобой связь, я не могу этого сделать, потому что через одиннадцать дней мы со Стормом уезжаем в Лос-Анджелес. Надеемся завести там кое-какие знакомства и немного отдохнуть. – Феникс вздыхает. – Наверное, мне следовало сказать тебе об этом раньше, чем... Ну, ты понимаешь. Мне жаль.

Я понимаю. Хотя сейчас не могу удержаться от вопроса:

– Если бы не уезжал... то стал бы?

– Стал бы что?

– Углублять нашу связь? – Заметив, как по его лицу разливается волна беспокойства, быстро добавляю: – Просто для ясности, я не прошу тебя остаться. – Никогда бы не пожелала, чтобы он перестал стремиться к своей мечте из-за меня. – В конце лета я уезжаю в Дартмут, так что тоже не ишу отношений. – Я пожимаю плечами. – Просто хочу знать.

Смогла бы такая девушка, как я, заполучить парня.

Он так долго не отвечает, что я уже собираюсь сказать ему забыть об этом... Но потом слышу:

– Возможно, – шепчет Феникс.

Мое сердце болезненно сжимается. Вот она, сладостная горечь.

Но так быть не должно. Мы не можем встречаться, но это не значит, что не можем поддерживать контакт и дружить. Я бы навещала его в Лос-Анджелесе на каникулах и уверена, что они со Стормом иногда будут возвращаться к бабуле. К тому же он еще не уехал. Конечно, у нас не так много вариантов, но немного времени еще есть. Это лучше, чем ничего.

– У нас еще есть одиннадцать дней.

– Ага. – Феникс выбрасывает сигарету в окно. – Но три из них будут посвящены репетициям перед выступлением в «Вуду».

Верно.

– Если вы со Стормом не против, я бы хотела присутствовать.

– Я не против. Хотя через какое-то время тебе, наверное, наскучит.

Ни за что на свете.

– Мне никогда не бывает скучно, когда я слушаю твое пение и смотрю, как ты выступаешь. – Я выглядываю в окно как раз в тот момент, когда в моем доме загорается свет. Не сомневаюсь, что отец до сих пор ждет меня. – Наверное, мне пора идти.

Что-то мне подсказывает, что у папы возникнет много вопросов относительно моего нынешнего гардероба.

Я уже собираюсь забрать свои вещи и уйти, но тут меня осеняет.

– Почему ты всегда паркуешься здесь, а не на подъездной дорожке?

– Потому что у вас есть камеры наблюдения. – Он ухмыляется. – Однако ни одна из них не направлена сюда.

Хм. Спасибо за информацию.

Я подхватываю с пола сумочку.

– Увидимся завтра.

Поддавшись импульсу, я наклоняюсь... и тут же замираю.

Как это работает? Мы друзья, но то, что мы только что сделали, выходит за рамки дружбы.

Следует ли мне обнять его? Пожать руку? Или просто сказать «к черту» и поцеловать?

Словно прочитав мои мысли, Феникс произносит:

– Никогда не целую тех, с кем сплю. – На языке вертится мысль напомнить ему, что мы уже целовались, но тут он добавляет: – Это все усложняет. Заставляет думать, что между нами происходит нечто большее.

Не могу с этим поспорить.

– Никаких поцелуев. Поняла.

Я тянусь к дверной ручке, и в тот же миг Феникс тянется и удерживает мой подбородок.

У меня перехватывает дыхание, когда он приближается.

Он целует меня без языка, лишь мягко прижимает свои губы к моим, прежде чем отстраниться.

– Я напишу тебе завтра.

– Хорошо.

Прикусывая щеку изнутри, дабы сдержать улыбку, я бегу через улицу, а затем вверх по подъездной дорожке.

Я надеялась, что мой отец лег спать, но, зайдя внутрь, вижу, что он сидит на диване. И пьет кофе.

Другими словами, целенаправленно меня поджидает.

– Серьезно, пап? – Я закатываю глаза. – Я уже не ребенок.

– Для меня ты ребенок, – возражает он. – И однажды, когда у тебя появятся свои дети, ты поймешь страх, возникающий в тот момент, когда твой подросток идет на вечеринку, где может произойти что-то плохое... – Широко распахнув глаза, он оглядывает меня с головы до ног. – Что случилось с твоей одеждой?

Быстро прикинув возможные варианты, я объясняю:

– У нас на вечеринке завязалась грандиозная битва водяными шариками. – Я пожимаю плечами. – Мое платье промокло, поэтому девушка, в чьем доме проводилась вечеринка, дала мне футболку и предложила постирать платье.

Отец приподнимает темную бровь.

– Она не могла дать тебе еще и штаны?

– Она... намного меньше меня.

Кажется, он мне верит.

– Если худшей частью вечеринки стала битва водяными шариками, то мне, наверное, стоит считать это благословением. – Папа целует меня в щеку. – Уже почти три. Пойду спать.

Я собираюсь последовать за ним, но мой телефон вибрирует от входящего сообщения.

Феникс: Завтра.

Ухмыляясь, я набираю ответ.

Леннон: Спасибо, что не проигнорировал меня на этот раз, приятель.

Я смотрю, как на экране появляются и исчезают точки, пока поднимаюсь по лестнице и иду в свою спальню.

Феникс: Спасибо за минет, дружище.

Леннон: Что я могу сказать? Я отличный друг.

Феникс: Так и есть. Придется намекнуть Стому, чтобы он постарался, пока ты не заняла его место.

Заползая в кровать, я набираю ответное сообщение.

Леннон: Хочешь, чтобы Стом тоже тебе отсосал? Не осуждаю, если таково твое желание. Могу дать ему несколько советов.

Феникс: Я пас. Стом не в моем вкусе.

Мою грудь пронзает вспышка боли.

Леннон: Я тоже.

Феникс: Это правда. Ты не похожа на других девушек, с которыми я общаюсь.

Вспышка боли превращается в смывающую все на своем пути волну, но затем приходит еще одно сообщение.

Феникс: Ты лучше.

И я засыпаю с самой широкой улыбкой.

Глава 15

Леннон

За последние сорок восемь часов большую часть времени я провела в гараже Сторма, слушая, как они репетируют.

К сожалению, между парнями происходит небольшой разлад, потому что Феникс и Сторм продолжают спорить о том, с какой песни им следует начать выступление. Феникс предлагает Enter Sandman группы Metallica, а Сторм My Generation группы The Who, потому что в ней много ударных.

С каждой минутой напряжение нарастает, и я начинаю опасаться, что скоро дело дойдет до драки.

Даже бабуля сдалась и вернулась в дом, послушав их препирательства. Но не раньше, чем бедная женщина вытащила слуховые аппараты.

Сторм запускает барабанные палочки через всю комнату с силой, которая заставляет меня радоваться, что я вовремя увернулась.

– У нас всего три песни, придурок. Все, о чем я прошу, это чтобы в одной из них был акцент на ударные.

Раздувая ноздри, Феникс сжимает микрофон до побелевших костяшек.

– Ты что, глухой, кретин? В Enter Sandman хорошая ударная партия. – Он бросает взгляд в мою сторону. – Помоги мне вразумить этого идиота, Леннон.

Вот черт.

– В песне действительно хорошие ударные...

Меня прерывает горькое фырканье Сторма.

– Конечно, твоя девушка встанет на твою сторону.

Ого. Это нечестно. Он даже не дал мне шанса закончить предложение.

– Она не моя девушка, тупица, – цедит Феникс сквозь зубы.

– Да плевать...

Поднеся пальцы ко рту, я издаю громкий свист, поскольку ситуация выходит из-под контроля.

Выступление в «Вуду» состоится уже завтра вечером, так что сейчас не время спорить. Если они не соберутся и не выберут вступительную песню в ближайшее время, им конец.

– Довольно! – кричу я, перекрывая громкий раскат грома.

Снаружи бушует сильная буря, но она меркнет на фоне того, что происходит здесь.

– Если бы вы двое просто перестали спорить и отложили в сторону упрямство, то смогли бы во всем разобраться и продолжить репетицию.

Феникс смотрит на Сторма.

– Леннон – большая фанатка рока, и она считает, что мы должны начать с песни Metallica...

– Нет, – перебиваю я. – Я так не считаю.

Феникс снова разворачивается ко мне.

– Я думал, ты только что со мной согласилась?

– Я согласилась, что в этой песне хорошие ударные, но не с тем, что вам следует с нее начинать.

Сторм самодовольно улыбается.

– Тогда остается трек The Who.

Мне лично нравится эта песня, но она не призывает бросить все дела и послушать. И хотя Феникс может спеть все что угодно, эта песня не демонстрирует его невероятный вокальный диапазон.

– Существует золотая середина, – говорю я. – Вы просто должны понять это и быть открытыми для предложений.

– Ладно, – хмыкает Сторм. – И что же ты предлагаешь, Группи?

– Не называй ее Группи, ублюдок, – низким, убийственным тоном бормочет Феникс себе под нос.

Ага. К этому я вернусь позже.

– Тебе нравится трек Metallica?

– Очевидно, – произносит Феникс, но я поднимаю руку.

– Я спрашивала Сторма.

Тот смотрит на меня так, будто у меня выросла еще одна голова.

– Конечно. Это же чертова Metallica.

Вот теперь мы сдвинулись с мертвой точки.

– В таком случае не согласишься ли перенести Sandman на второе место и вычеркнуть из списка Welcome to the Machine группы Pink Floyd, поскольку в ней нет ударных?

– Эй, – вмешивается Феникс. – Отличная же песня.

– Знаю, – выдавливаю я сквозь стиснутые зубы. – Но так работает компромисс.

И готова поспорить, возмущение Сторма связано не столько с выбором вступительной песни, сколько с тем, что во второй песне нет ударных.

Не специально, но, сделав такой выбор, Феникс целиком исключил своего лучшего друга и участника группы из выступления на целую песню. Неудивительно, что в отместку ему Сторм выбрал My Generation.

– Меня устраивает, – наконец говорит Сторм. – Но тогда у нас нет вступительной или заключительной песни.

Он прав. Я пытаюсь вспомнить все треки, которые они играли ранее.

И щелкаю пальцами, когда до меня доходит.

– Как насчет того, чтобы завершить с Man in the Box? Вы, парни, убийственно ее исполняете, и барабаны определенно здесь важная часть песни.

Друзья обмениваются взглядами, которые быстро превращаются в кивки.

– Мне подходит, – соглашается Сторм.

– Мне тоже. – Феникс потирает подбородок, пристально изучая меня. – Есть предложения, с чего мы должны начать?

Переминаясь с ноги на ногу, я пытаюсь придумать песню, которая продемонстрирует невероятный голос Феникса и потрясающие барабанные навыки Сторма как вместе, так и по отдельности.

Я вздрагиваю, когда меня осеняет, потому что это немного банально, но они вполне могут ее обыграть.

– Voodoo! – восклицаю я.

– Да, Леннон, – снисходительно говорит Феникс. – Мы там играем...

– Я имею в виду песню группы Godsmack.

Парни обмениваются скептическими взглядами.

– Нет, – хмыкает Феникс. – Чертова дешевка.

– Она будет выглядеть такой, только если вы недостаточно хороши, дабы заставить всех, кто посчитает ее дешевкой, признать свое поражение... Но вам, ребята, это по силам.

Конечно, оригинальный исполнитель не славится феноменальным вокалом, но сама песня потрясающая.

– Давайте, – продолжаю я. – Мало того, она начинается с а капелла, а ты обладаешь нижним регистром, который выведет песню на новый уровень.

Пройдя через комнату, Сторм поднимает барабанные палочки.

– Твоя девчонка права.

Я улыбаюсь ему.

– А сразу после а капелла Феникса идет насыщенная, гипнотическая барабанная партия, из которой ты выжмешь свой максимум, прежде чем вы оба сольетесь и целиком подчините песню себе.

Взяв лучшее от них обоих.

– Просто попробуйте, – настаиваю я, когда Феникс снова собирается протестовать.

– Ладно.

Сторм возвращается за барабанную установку, и мгновение спустя, подобно туману, меня окутывает глубокий, мрачный голос Феникса, а потом вступают ударные. Я всегда любила эту песню, но происходящее сейчас на моих глазах просто завораживает. Люди точно сойдут с ума. Будь в «Вуду» сидячие места... Они бы не остались сухими после выступления.

В середине трека Феникс оглядывается на Сторма, и тот кивает. Вся прежняя злость испаряется, и возвращается их удивительная химия.

Мне приходится сдерживать себя, дабы не запрыгать, как безумная фанатка, по завершении песни.

– Я голосую за!

Не то чтобы я имела право голоса, но, черт возьми, они должны исполнить этот трек.

Феникс смотрит на Сторма.

– Что скажешь?

Тот потирает подбородок.

– Я с ней согласен. Мы уже делаем каверы, так что от нас все равно не будут ждать чего-то оригинального. С тем же успехом можно пойти туда и заставить их съесть свое же дерьмо, как того хочет Леннон.

– Вот именно.

– Хорошо, – соглашается Феникс. – Значит, Voodoo. – Он кивает другу. – Давай прогоним еще разок.

Я присаживаюсь на футон, пока они репетируют еще несколько раз, и с каждым разом песня звучит все лучше и лучше. Однако на середине пятого прогона из-за грозы электричество то включается, то выключается.

Им удается доиграть до конца, но когда скачок света повторяется во время следующего захода, Сторм бросает барабанные палочки на пол.

– К черту. Я беру перерыв.

Я предполагаю, что он хочет что-нибудь выпить или покурить, но он достает телефон и начинает кому-то писать.

Затем хватает ключи и направляется к двери.

Феникс, должно быть, задается тем же вопросом, что и я, потому что он хмыкает:

– И куда ты идешь?

Остановившись на полпути, чтобы снова написать сообщение, Сторм отвечает:

– К Саше. – Он пожимает плечами. – Мы не сможем репетировать, пока это дерьмо не утихнет. Лучше немного повеселюсь.

Понятно, что под весельем он имеет в виду секс.

Не могу не задаваться вопросом, знает ли Сторм о том, что сначала она пыталась подцепить его друга.

Феникс фыркает.

– Не так уж и весело, братишка. Я же говорил тебе, что она... – Бросив взгляд в мою сторону, он замолкает. – Напиши мне, когда закончишь.

– Что она? – спрашиваю я больше из любопытства, нежели по иным причинам.

Сторм поигрывает бровями, глядя на Феникса.

– Мне будет веселее, чем тебе.

Затем он выскальзывает за дверь.

Скрестив руки на груди, я смотрю на Уокера.

– Почему я чувствую себя объектом насмешки, которую не улавливаю?

Он тянется к своей бутылке с водой.

– Ничего подобного.

Не куплюсь на это ни на секунду.

– Почему тогда не говоришь мне?

Феникс перестает глотать воду.

– Действительно хочешь знать?

Я киваю.

– Я предупредил Сторма, что Саша в постели просто деревянная, но, думаю, он хочет убедиться сам. Либо так, либо ему нравятся цыпочки, которые лежат подобно трупу.

Очевидно, что теперь я серьезно жалею, что спросила об этом.

– Ох.

Феникс допивает остатки воды.

– Сама спросила.

Он прав. Я сама пожелала знать. Впредь буду умнее.

Мы не пара, но это не значит, что я хочу слушать о его похождениях.

И я бы солгала, не задайся я вопросом, связано ли его предупреждение Сторму о Саше с чувством обиды из-за того, что его друг спит с девушкой, с которой Феникс однажды был сам.

– Похоже, тебе обидно, что он проводит с ней время.

Феникс смеется, но в смехе нет ни капли юмора.

– Поверь, это не так.

– Уверен? – настаиваю я, полностью осознавая, что провоцирую его.

Плечи Феникса напрягаются, когда он смотрит на меня.

– Я не из тех, кто ревнует, Группи. – Его суровый взгляд пронзает меня до костей. – Для этого нужно, чтобы мне действительно было не плевать на девчонку, а такого я не допускаю.

Удар причинил бы мне меньше боли.

– Поняла.

На краткую секунду в его глазах вспыхивает раскаяние, но затем оно исчезает, и Феникс меняет тему.

– Спасибо за помощь сегодня вечером. – Здрава футболку, он утирает пот с лица. – Я бы, наверное, поколотил его, если бы ты не вмешалась.

Мой взгляд падает на синяк на его бедре. Он больше не темно-синий, а красочный... Как яркий закат.

Только в отличие от заката он не прекрасен. А уродлив и жесток.

Потому что кто-то причинил Фениксу боль.

– Ты возвращался туда после этого?

И снова он пытается перевести тему:

– Я собираюсь перекусить. Хочешь чего-нибудь?

Мою грудь переполняет разочарование. Каждый раз, когда я пытаюсь проникнуть к нему в душу, он снова запирает замок и выбрасывает ключ.

Мечтаю, чтобы Феникс открылся мне. Потому что все, чего я желаю, это помочь ему.

– Да. Я хочу, чтобы ты перестал отгораживаться от меня, когда я спрашиваю о твоём отце. Знаю, что тебе сейчас тяжело, но...

Меня прерывает фырканье.

– Ни хрена ты не знаешь.

– Что, черт возьми, это должно означать?

Свет снова мигает, когда Феникс делает шаг в моем направлении.

– Ты сидишь в башне из слоновой кости, любимая и опекаемая своим папочкой.

Мое сердце болезненно колотится, когда он продолжает:

– Тебе нет нужды запирать дверь, чтобы не получить удар битой от пьяного отца, поскольку он хочет убить тебя во сне. И тебе не нужно жить в дерьме, где всякий гребанный день является постоянным напоминанием о том, что один неверный шаг – и ты закончишь так же, как он. Тебе не надо гадать, где твоя мама, и надеяться, черт возьми, что у нее все хорошо, даже если ей на тебя наплевать, потому что она тебя бросила.

Его заявление разрывает мою грудь.

– Фе...

– Ты не представляешь, что такое голод. И я не имею в виду урчание в животе. – Его верхняя губа кривится. – Я говорю о голоде, который причиняет физическую боль и заставляет тебя молиться Богу, в существовании которого ты уже не уверен, чтобы тебе удалось отыскать поесть хоть что-нибудь, прежде чем твое тело сдастся.

По моей щеке скатывается слеза, но это еще больше распаляет злость Феникса.

– Ни черта ты не знаешь, Леннон. – Надвигаясь, он прижимает меня к стене. – Потому что ты никогда ни в чем не нуждалась. У тебя есть то, за что люди вроде меня готовы умереть.

Наклонив голову, он прикасается губами к моему уху. От его угрожающего тона по телу проносится волна мурашек.

– Не смей плакать и жалеть меня. – Я вздрагиваю, когда он сжимает мой подбородок пальцами, заставляя поднять на него взгляд. – Мне не нужны твои поганые мученические слезы. И уж точно не нужно твое сострадание.

Зарождающееся внутри меня отчаяние превращается в гнев.

Я хочу помочь ему, но я не готова быть его грушей для битья.

– Да пошел ты. Тот факт, что у тебя дерьмовая жизнь, не означает, что можно отталкивать людей, которые заботятся о тебе, и обращаться с ними как с мусором. Никто из нас не выбирал свою судьбу. Мне ненавистна мысль, что твоя жизнь так ужасна, и, будь у меня возможность поменяться с тобой местами, я бы так и сделала. Однако я также знаю, что ты не первый человек, кому приходится выбираться из сточной канавы, и не последний.

Я вытираю слезы тыльной стороной ладони.

– И к твоему сведению, я не испытываю жалости, потому что, не считая ужасного отца, у тебя есть все, чего я желаю.

Чистая зависть прожигает мои вены, когда я выплескиваю на Феникса каждую частичку боли, которую храню глубоко внутри.

– Ты можешь без страха войти в комнату или завести новые знакомства, потому что люди не смеются над тобой. Они, черт возьми, боготворят землю, по которой ты ходишь.

Теряя последние остатки самообладания, я бью себя в грудь.

– Ты готов умереть за то, что есть у меня? Что ж, а я бы убила, чтобы узнать, каково это – быть тобой. Быть таким чертовски талантливым и завораживающим, что люди не могут оторвать от тебя глаз. Убила бы, чтобы испытать хотя бы малую толику того волшебства, о котором ты говорил в своем эссе. – Комок подступает к горлу, и мой голос срывается. – Но этого никогда не произойдет.

Потому что я не особенная.

Я собираюсь оттолкнуть его, чтобы уйти, но он перехватывает мое запястье.

– Что ты делаешь? – возмущаюсь я, пока он тащит меня к синтезатору.

– Ты хочешь знать, каково это, не так ли? – Он опускает микрофонную стойку. – Пой, черт возьми.

Если раньше я думала, что он не в себе, то это меркнет по сравнению с его нынешним состоянием.

– Ты с ума сошел? Нет...

Феникс обхватывает мое лицо.

– Перестань быть гребаной трусихой и пой.

Мне стоит прямо сейчас выбежать за дверь... Но я не могу.

Соблазн солнца слишком велик. Он, как цунами, утягивает меня под воду.

Я смотрю на клавиши.

– Я не знаю, что петь.

Феникс встает позади меня.

– Что угодно.

И я выбираю ту песню, которую пела для него в прошлый раз.

Свет мерцает, электричество то включается, то выключается, пока я нажимаю на клавиши, из-за чего путаю несколько первых нот.

Губы Феникса касаются моего уха.

– Закрой глаза. И, что бы ни произошло, не смей останавливаться. Поняла?

Кивнув, я зажмуриваюсь и начинаю. Биение пульса в ушах почти заглушает мой голос.

Нежные кончики пальцев пробегают по моим рукам, оставляя после себя мурашки.

Я сбиваюсь, когда губы Феникса касаются моей шеи, и ощущаю, как твердеет его член.

– Не останавливайся.

Голова кажется горячей и тяжелой, пока его теплое дыхание обволакивает мою кожу, и он проводит руками по бокам моей талии.

Осознание того, что Феникс касается меня и что именно он чувствует, заставляет меня напрячься.

– Фе...

От резкого укуса у меня перехватывает дыхание.

– Сейчас не ты контролируешь ситуацию. – Нежные касания языком успокаивают место укуса. – Продолжай петь.

Да поможет мне Господь, но я снова пою.

Пою от всего сердца, становясь кем-то другим. Уверенной в себе и опытной девушкой.

Я становлюсь особенной.

Прорывав, Феникс вжимается своей массивной эрекцией в мою задницу, будто не в силах сдержаться.

Меня омывает очередной прилив адреналина, но за ним следует нервозность, когда Феникс ладонями сжимает мою грудь.

К сожалению, я не получила утешительного приза, который обычно достается полным девушкам. Моя грудь превышает размер ладони, но она не огромная. Боюсь, что Феникс будет разочарован.

Его голос грубо царапает мою кожу, когда он сжимает сосок через лифчик.

– Выкинь из головы все мысли.

Не так-то просто подавить панику, но я знаю, что если не сделаю этого, то испорчу момент и другого уже не представится. Уняв тревогу, я заставляю себя снова вернуться в то место. Место, где я больше не контролирую свой разум и тело, потому что являюсь сосудом для чего-то более всепоглощающего.

Я чувствую, как по мне разливается тепло, как только рука Феникса исчезает под моей футболкой. Добравшись до лифчика, он стягивает его и обхватывает мою обнаженную грудь крупной ладонью.

Следующая нота вырывается с придыханием, но я продолжаю.

Феникс тоже.

Меня пробирает дрожь, когда свободной рукой он находит пояс моих джинсов. Я начинаю протестовать, когда он расстегивает пуговицу, потому что он никак не сможет прикоснуться ко мне там, не почувствовав мой живот.

– Феникс...

С моих губ срывается испуганный, сдавленный вскрик, когда он просовывает руку мне в трусики и накрывает ладонью чувствительное место. Все происходит так стремительно, что у меня едва хватает времени осознать это, не говоря уже о том, чтобы сопротивляться.

Поскольку Феникс не уносится с криками прочь, я продолжаю петь.

Его палец, поддразнивая, скользит по моей гладкой плоти.

Моя песня уже напоминает сладкие стоны, когда подушечкой пальца он находит клитор и делает маленький влажный круг вокруг него. Дразнящий.

Я много раз ласкала себя, но ничто не сравнится с этим. Феникс словно превращает мое тело в свой инструмент, воспроизводя любые ощущения и звуки, которые только захочет.

За считанные минуты я преодолела путь от чистой паники к желанию умолять его взять меня прямо здесь и сейчас.

Стоит его длинному пальцу погрузиться в меня, как комнату наполняет всхлип.

У меня так кружится голова, что мои пальцы лихорадочно стучат по клавишам, напоминающая пьяных парней из студенческого братства.

– Не останавливайся. – Мрачный голос Феникса звучит подобно электрическому проводу под напряжением.

Я уже собираюсь сказать ему это, когда он вытаскивает палец и снова вводит его, вызывая очередную вспышку удовольствия у меня между ног. Феникс добавляет еще один палец, растягивая меня так сильно, что причиняет боль. Затем начинает ими двигать.

Мое дыхание оборачивается рваными, отчаянными стонами, пока его большой палец в размеренном ритме обводит мой клитор, в то время как Феникс бешено вводит в меня остальные.

Контраст слишком велик. И я вцепляюсь в клавиши, не в силах продолжать играть.

Я стою в микрофон, поскольку слова, которые я должна была пропеть, застревают в гортани, и все, на чем я могу сосредоточиться, – это охватывающее меня чувство эйфории.

Кажется, что я сейчас под каким-то волшебным заклятием, и мне отчаянно хочется, чтобы оно достигло пика и одновременно никогда не спадало.

Свет продолжает мигать, и мои стоны то стихают, то вновь пронзают микрофон.

– Феникс.

Я выгибаюсь к нему. Все мои чувства теряются, быстро заменяясь теми мощными ощущениями, которые он мне дарит.

Феникс ускоряет свои движения, и я зажмуриваюсь, когда меня переполняет удовольствие.

– О боже.

Более я не материя, занимающая пространство. Я энергия.

Я принадлежу ему.

Громкий раскат грома сотрясает дом, и электричество полностью отключается.

Я подаюсь вперед, но Феникс обхватывает меня за талию свободной рукой, притягивая к себе.

– Вот каково это. – Его голос напоминает шершавый гравий, царапающий меня изнутри.

Его длинные пальцы в последний раз входят в меня, собирая остатки оргазма, прежде чем он вытаскивает руку.

Моя кровь закипает, когда он окрашивает губы моей же влагой.

– Открой рот.

Я послушно выполняю просьбу, и он вводит пальцы внутрь, заставляя меня попробовать себя на вкус.

Я не вижу Феникса, потому что мои глаза еще не привыкли к окружающей нас темноте, но чувствую его, поскольку он разворачивает меня к себе.

– Дай и мне немного. – Сжав пальцами подбородок, он целует меня, проникая в рот языком жадными, пылкими движениями.

У меня вновь кружится голова, когда он обхватывает меня за бедра и ведет через комнату. Мы оказываемся возле фютона, но, когда я собираюсь сесть, Феникс останавливает меня.

– Подожди.

В тени я вижу, как он наклоняется, и слышу слабый щелчок. Затем его губы захватывают мои, и пульс у меня подсакивает, когда мы падаем на фютон, превращенный в кровать.

Наше прерывистое дыхание вместе с легким прикусы-ванием моей шеи делает и без того душный летний воздух еще жарче.

Феникс стягивает мои все еще расстегнутые джинсы на бедра.

– Хочу услышать, как ты будешь петь мое имя, когда я снова заставлю тебя кончить.

Дьявол. Сама мысль о том, что он подарит мне еще один оргазм, почти доводит меня до иступления.

Он стаскивает с меня нижнее белье и джинсы, и я нетерпеливо сбрасываю туфли, чтобы помочь ему избавиться меня от одежды.

Я рада, что свет вырубился, поскольку это означает, что Феникс не увидит мое тело. Но электричество может снова включиться. Поэтому, когда он собирается снять с меня кофту, я отвлекаю его внимание, расстегивая молнию у него на джинсах. Затем стягиваю их, чтобы взять его член в рот, но Феникс меня останавливает.

– Дай возьми презерватив.

Мои легкие сжимаются от осознания. Он хочет заняться сексом.

А почему бы и нет? Насколько ему известно, я не девственница, так что это не должно стать проблемой.

Я подумываю о том, чтобы рассказать правду, но это же Феникс Уокер. Парень, которого я тайно преследовала и хотела уже много лет.

Я мечтала о том, чтобы потерять с ним девственность.

Боюсь, что, если скажу ему, это не только испортит момент... но еще Феникс увидит, какая я неудачница, и положит конец любым будущим встречам.

Возможно, он даже снова начнет меня игнорировать.

До моих ушей доносится звук рвущейся фольги.

– Раздвинь для меня ноги.

Мысленно подбадривая себя, дабы не стать трупом, подобно Саше, я раздвигаю бедра. Нависая надо мной, Феникс устраивается между ними.

Кончик его члена приближается к моему входу, и я задерживаю дыхание, ожидая вторжения... Но ничего не происходит.

– Ты ведь занималась этим раньше?

Во мне поднимается паника. Я сделала что-то не так?

Или он просто чувствует мою тревогу?

– Ага, – лгу я, желая, чтобы мое тело расслабилось, а разум притворился, что я уже не единожды занималась сексом.

Феникс двигает бедрами... И тогда я вспоминаю, какой большой у него член.

Ему приходится потрудиться, даже чтобы всунуть головку.

– Ты такая чертовски узкая.

– Это ты чертовски большой, – парирую я, и он смеется себе под нос. Однако смех превращается в стон, когда он проталкивается еще немного.

Я закусываю губу, пока он растягивает меня. Феникс еще даже наполовину не вошел, а мне уже больно.

Собравшись с духом, я шепчу:

– Можешь просто... начать.

Я из тех девушек, кто всегда предпочитал отдирать пластырь одним движением, и чем быстрее Феникс лишит меня девственности, тем быстрее мы сможем перейти к приятной части.

Но я тут же жалею, что сказала ему об этом. Качнувшись, он с такой силой подается вперед, что у меня перед глазами начинают мелькать белые точки.

Меня пронзает острая, жгучая, жалящая боль, и я впиваюсь ногтями в его спину с такой силой, что, вероятно, пускаю кровь.

– Черт, – стонет он, с хлопком опуская бедра.

Господи. Ужасно больно.

Я случайно вскрикиваю.

Феникс резко останавливается.

– Ты в порядке?

– Да. Мне приятно, – заверяю я, когда ноги, которыми я обхватила его, начинают дрожать от боли.

– Боже. – Он издает горловой звук и снова толкается в меня. – Твоя киска такая чертовски ту...

И в этот момент происходят две вещи.

Первая – включается свет.

И вторая – в дверь входит Сторм.

– Вот дерьмо. Виноват.

Дверь быстро закрывается за ним.

Момент, когда меня облили свиными помоями, стал самым унижительным в моей жизни, но этот, несомненно, занял второй место.

То, что нас неожиданно прервали и что в помещении снова зажегся свет, мгновенно уничтожает весь настрой, потому что Феникс, напрягшись, сухо говорит:

– Одевайся.

Затем он скатывается с меня, даже не удосужившись взглянуть в мою сторону, пока натягивает одежду.

И это причиняет больше боли, чем потеря девственности.

Могу только предположить, что мой полуголый вид на свету и испортил момент.

Я пристыженно собираю одежду. Мне с трудом удастся надеть нижнее белье и джинсы так, чтобы не обнажать слишком много кожи, ведь я уже и без того отбила у него всякое желание.

Завязывая шнурки, я замечаю, что Феникс смотрит на меня.

Он выглядит откровенно взбешенным.

– Я сделала что-то не так?

Если он не хочет трахать толстуху, то должен просто взять и сказать об этом, а не подвергать меня умственной гимнастике.

Может, я и не в его вкусе, но я все же человек.

И заслуживаю большего, чем его дерьмовые перепады настроения и то, что он заставляет меня плохо себя чувствовать. Я не приставляла долбаный пистолет к его голове, вынуждая впихивать в меня член. Он сам это сделал.

Его челюсть подрагивает, а взгляд останавливается на чем-то позади меня.

Когда я оборачиваюсь, мое лицо бледнеет, а в коленях ощущается слабость.

Там, посреди кровати, запятнав светло-голубую простыню, виднеется лужа крови.

Я знала, что есть такая вероятность, но не думала, что все будет настолько плохо. Слышала, что у некоторых девушек вообще нет крови во время первого секса.

Очевидно, удача обошла меня стороной.

Выглядит так, будто гигантский член Феникса буквально уничтожил мою чертову вагину.

Проклятье.

Я размышляю, что лучше: сказать, что у меня начались месячные, или признаться, что я девственница, но Феникс уже выбегает из гаража.

Мне начинает казаться, что судьба действительно та еще сучка, потому что ситуация превосходит по силе унижения свиные помои и вошедшего Сторма, вместе взятых.

Поскольку у меня нет возможности вывести пятно, я быстро сворачиваю простынь. И благодарю небеса, что сам матрас под ней черного цвета.

Проходя мимо мусорных баков на пути к машине Феникса, я останавливаюсь и бросаю простынь в один из них.

Феникс не произносит ни слова ни когда я сажусь на пассажирское сиденье, ни во время поездки до моего дома.

Как и я.

* * *

К тому времени, как он паркуется на моей подъездной дорожке, я уже не в силах это выносить.

– Так это все? Ты больше никогда со мной не заговоришь?

Бесстрастное выражение его лица напоминает маску.

Слезы застилают мне глаза. Я могу прогнуться лишь до тех пор, пока окончательно не сломаюсь.

Когда я уже собираюсь вылезти из машины, рука Феникса смыкается вокруг моего предплечья.

– Почему ты мне солгала? – Его тон дает понять, что он в равной степени испытывает отвращение и злость.

Мое сердце болезненно сжимается в груди. Единственный способ исправить это – ответить откровенно.

– Из-за того, как ты сейчас себя ведешь, – шепчу я, высвобождаясь, чтобы обхватить себя руками. – Достаточно и того, что я не похожа на других девушек, с которыми ты проводишь время. Я не хотела, чтобы ты еще думал, будто я неудачница, раз никогда не занималась сек-

сом. – Мое горло сжимается. – Знаю, что должна была сказать тебе до того, как мы. Но я... – Я смотрю в окно, и по моей щеке скатывается еще одна слеза. – Не желала давать тебе еще больше причин не быть со мной.

– Значит, ты меня провела.

Я мотаю головой в ответ на его обвинение.

– Ох, перестань. Едва ли это можно так назвать. Уверена, ты трахал много девственниц. Только в отличие от меня они получили полный опыт.

– Ошибаешься, – рычит он. – Ни одной.

Я удивленно моргаю.

– Что?

– Девственницы все усложняют. – С его губ срывается злобное фырканье. – Девушки и так становятся достаточно прилипчивыми после секса, и последнее, чего я хочу, это усугублять ситуацию, сорвав чью-то вишенку.

Эмоции пронзают мою грудь, и во мне вспыхивает потребность защитить себя.

– Полагаю, тогда хорошо, что нас прервали, да?

Я тянусь к дверной ручке, но Феникс вцепляется в мое колено.

– Мне не хочется причинять тебе боль.

– Забавно. Потому что ты только что это сделал.

– Черта с два, – огрызается он, когда я хватаю свою сумочку с пола машины. – Разговор еще не окончен.

Не знаю, смеяться мне или плакать.

– Для меня – окончен.

Пусть хоть раз он ощутит, каково это – когда тебя игнорируют.

Я собираюсь выйти из машины в последний раз, но Феникс обхватывает мое лицо ладонями.

– Это еще не конец.

А потом его губы обрушиваются на мои. Феникс целует с такой силой, что у меня голова идет кругом, и я забываю, что мы ссоримся.

– Сейчас ты все усложняешь, – выдыхаю я ему в губы, прежде чем его язык проникает внутрь.

– Нет. – Его рука путается в моих волосах, когда он слегка отстраняется, глядя на меня сквозь полуопущенные веки. – Я углубляю нашу связь.

Мое сердце уже отправляется в полет, но мозг пока не желает подниматься на борт. У меня так много вопросов. Например, что мы будем с этим делать, если оба вскоре уезжаем? И стану ли я теперь его официальной девушкой или он намерен поддерживать отношения только в течение следующей недели?

Но все заботы отходят на второй план, когда Феникс сминает мою грудь.

– Ты, черт возьми, сводишь меня с ума.

Не настолько, насколько он сам меня одурманивает.

– Прости, что солгала. – Я никогда не смотрела на это с его точки зрения, и теперь я... Я вижу, что была неправа. – Я твердила себе, что тебя никогда не привлечет такая девушка, как я, и позволила своей неуверенности взять верх.

Но, если я не справлюсь с ней в ближайшее время, это разрушит все, что происходит между нами.

Я закрываю глаза, когда его губы опускаются к моей шее, и он кладет мою ладонь на свою эрекцию.

– Это поможет прояснить ситуацию?

Мое сердце пускается в галоп, а между ног разливается тепло.

– У тебя есть еще один презерватив?

Потребность завершить начатое становится сильнее, чем потребность в воздухе.

– В кармане, – хрипит он, покусывая мою ключицу.

Потянувшись в его карман, я достаю упаковку из фольги, пока его пальцы возятся с пуговицей на моих джинсах.

Громкий стук в окно, сопровождаемый сердитым покашливанием, заставляет нас обоих вздрогнуть.

– Какого хрена... – рычит Феникс, когда я вскрикиваю.

– О боже.

Взгляд отца мечется между нами... И если бы взгляды могли убивать, мы бы с Фениксом сейчас уже покоились в гробах.

– Твою ж мать, – бормочет себе под нос Уокер, когда мы отстраняемся друг от друга.

Выходя из машины, я безмолвно прошу Бога прекратить это и перестать повышать градус унижения.

– Внутрь, Леннон, – приказывает отец. – Сейчас же.

Я люблю папу, но он должен перестать относиться ко мне как к ребенку. Знаю, что зрелище того, как его дочь обжимается с парнем, расстраивает отца, но я уже взрослая.

– Нет. – Я скрещиваю руки на груди.

В этот момент Феникс выходит из машины.

У меня отвисает челюсть, поскольку я ожидала, что он уедет. И даже не стала бы его за это винить.

– Кто ты, черт возьми, такой? – кричит мой отец, хотя его тактика запугивания почти комична, поскольку он на добрых пять дюймов ниже Феникса. – И о чем ты только думал, когда лапал мою дочь?

Учитывая, что последнее довольно очевидно, я отвечаю на его первый вопрос.

– Его зовут Феникс.

На лице отца появляется замешательство.

– Мне казалось, ты говорила, что он гей?

Феникс кашляет рядом со мной.

– Что?

Черт. Совсем об этом забыла.

Я морщусь.

– Эм... Больше нет?

– Очевидно. – Мой папа прищуривается. – Когда вы двое начали заниматься сексом?

Менее сорока пяти минут назад.

Яростный румянец расползается по моей шее и щекам.

– Не твое дело.

– Черта с два, – возражает отец. – Ты моя...

– Восемнадцатилетняя взрослая дочь, – вставляю я. – Которая в конце лета уезжает в колледж и больше не будет жить под твоей крышей.

Мои слова врезаются в него, словно товарный поезд, и он пятится. Мою грудь пронзает чувство вины, потому как я не хотела причинить ему боль.

Тем не менее отец не может велеть мне расправить крылья, а затем подрезать их, как только опробую.

Я собираюсь сказать ему об этом, но все его внимание теперь направлено на Феникса.

– Моя дочь не легкодоступная девица, молодой человек.

О. Мой. Бог. Он не исправим.

Феникс смотрит ему прямо в глаза.

– Я знаю.

Если бы месяц и три дня назад кто-то сказал мне, что Феникс Уокер и мой отец будут обсуждать то, что мы занимаемся сексом, я бы попросила их идти дальше своей дорогой.

Несмотря на то, что Феникс держится почтительно, мой отец хмурится.

– Нет. Если бы знал, то понял бы, что она заслуживает гораздо большего, чем две минуты на заднем сиденье твоей чертовой машины.

Папино лицо выражает разочарование, затем он поворачивается и топает обратно в дом. Застонав, я потираю лоб.

– Мне так жаль.

– Не стоит. – Проведя ладонью по лицу, Феникс выдыхает. – Не могу винить человека за то, что он злится на парня, который находился в нескольких секундах от того, чтобы трахнуть его дочь на его же подъездной дорожке.

Я бросаю взгляд на машину.

– Сегодня два из двух. – Видимо, Вселенная хочет, чтобы я оставалась наполовину девственницей. – Если только ты не хочешь вернуться к Сторму... или припарковаться дальше по улице?

Делая шаг ко мне, Феникс обвивает рукой мое бедро.

– За последний час у меня дважды был стояк без дальнейшей разрядки, и хотя я, вероятно, пожалею об этом, но думаю, что нам стоит дать пыли улечься и завтра вечером продолжить с того места, на котором остановились.

Я бы солгала, если бы сказала, что не разочарована. Я хочу его сейчас.

– Ох. – Впрочем, завтра я буду хотеть его так же сильно, так что, думаю, я справлюсь. – Ладно.

Феникс хмурится.

– Ты ведь все равно придешь на шоу?

Я бы не пропустила его ни за что на свете.

– Конечно. Уже купила билет.

Он делает еще шаг, прижимая меня к своей машине.

– К черту. Я оставлю твое имя охране, и ты сможешь встретить меня за кулисами.

Мое сердце раздувается вдвое, поскольку это звучит не только как то, что парень сказал бы своей девушке... но и то, что произнес бы парень, который не стыдится показываться с ней на людях.

– Ты уверен?

Он приподнимает мой подбородок.

– Более чем.

Я встаю на носочки – Феникс принакает к моему рту – и скольжу языком по его губам, когда он отстраняется, разрывая поцелуй.

– Иди в дом, пока я не дал твоему отцу еще одну причину ненавидеть меня.

– У него нет причин тебя ненавидеть. Это он не прав.

– Он заботится о тебе, – возражает Феникс, обводя взглядом каждый дюйм моего лица. – Тебе, наверное, стоит поговорить с ним.

Ну уж нет. Я не стану с ним разговаривать, пока он не извинится за то, что вел себя как сумасшедший.

– И что сказать? Мне жаль, что твоя чрезмерная опека и гребаное любопытство почти застали меня за сексом?

– Как насчет... Прости придурка, с которым ты меня застал? Потому что, несмотря на то, что замечание про две минуты не соответствует действительности, в остальном он прав. – Он обхватывает мое лицо. – Твой первый раз не должен был произойти на футоне в гараже моего лучшего друга.

Мой первый раз был таким, как я хотела, и это не имеет никакого отношения к месту. Все потому, что он был с ним.

– Я не жалею об этом, – шепчу я.

– Хорошо. – Феникс сжимает в кулак мою кофту, притягивая ближе к себе. – Потому что в следующий раз я собираюсь трахнуть тебя так основательно, что ты кончишь на моем члене. – Мое сердце трепещет, когда он ловит зубами мою нижнюю губу. – Так основательно, что это будет стоить тех сорока четырех часов езды.

С этими словами он отпускает меня и открывает дверцу машины.

Феникс выезжает задним ходом с подъездной дорожки, и я понимаю, что он имел в виду поездку из Лос-Анджелеса в Дартмут.

Глава 16

Леннон

Когда я вхожу в парадную дверь, отец отказывается смотреть на меня.

Кому-то из нас следует сделать первый шаг, но очевидно, что он все еще зол, поэтому я прохожу мимо и поднимаюсь по лестнице.

Папа не может злиться на меня вечно.

Добравшись до своей комнаты, я хватаю со стола ноутбук и сажусь на кровать.

Из-за тревоги я откладывала экзамен по вождению, но Феникс только что дал мне чертовски вескую причину, чтобы с ней справиться.

Менее чем через пять минут мой экзамен официально назначен на следующий день после его отъезда.

Таким образом, я тоже смогу совершать эти сорокачетырёхчасовые поездки.

Я как раз пишу Фениксу хорошие новости, когда раздаётся стук в дверь.

– Входи.

Выражение лица у папы все еще кислое, когда он заходит в мою спальню, но, по крайней мере, теперь он готов поговорить.

– Я никогда не хотела причинить тебе боль, – начинаю я. – Но я уже не маленькая девочка.

– Знаю. – Выглядев побежденным, отец выпускает тяжелый вздох и садится на край кровати. – Расскажи мне об этом парне, Фениксе.

Я ухмыляюсь, мое сердце пропускает несколько ударов.

– Ну, для начала, он сказал мне зайти в дом и поговорить с тобой.

Папа одобрительно кивает.

– Продолжай.

Моя ухмылка становится шире.

– У Феникса непростая жизнь, поэтому он немного грубоват, но у него доброе сердце. – Я опускаю взгляд на ковер. – Сабрина и кучка ее прихвостней облили меня свиными помоями на вечеринке в честь выпускного...

– Что? – возмущается он. – Почему ты мне не сказала?

– Потому что мне было стыдно, и я не хотела, чтобы ты взбесился и принялся звонить всем родителям. – Я заправляю выбившуюся прядь волос за ухо. – В любом случае Феникс был рядом. Он не только забрал меня с вечеринки, но и отвез домой к Стому, чтобы я смогла

принять душ. – Я указываю на его футболку с группой Pupa Roach возле моей подушки. – Мне нечего было надеть, пока моя одежда стиралась, и он одолжил мне футболку.

Морщинки на папином лице теперь намного заметнее, пока он все это осознает.

– Я рад, что он пришел тебе на помощь, но все равно хотел бы, чтобы ты позвонила мне. –

Он склоняет голову набок. – А кто такой Сторм?

Я смеюсь, глядя на его реакцию.

– Сторм – лучший друг Феникса... и товарищ по группе.

Какого бы прогресса мы ни достигли, он сгинул, как только я произнесла эти слова.

– Он играет в группе?

Что ж, понеслось.

– Да. И прежде чем ты начнешь психовать, Феникс – невероятный. И клянусь, я говорю это не только потому, что он мой... Ну, ты понимаешь. – Я прикладываю ладонь к груди, где бьется сердце, готовое вырваться наружу всякий раз, когда я думаю или говорю о нем. – Его голос... Его талант. Он словно не из этого мира...

Меня прерывает враждебное фырканье.

– Подожди, пока он не разобьет тебе сердце.

– Он не собирается этого делать, – защищаюсь я, все больше расстраиваясь из-за предположений отца. Мало того, что он встретился с Фениксом всего на пару секунд, так еще и обстоятельства сложились не в пользу последнего. Несправедливо, что папа осуждает Феникса или нашу ситуацию. – Ты его даже не знаешь.

Вставая, он отмахивается от меня и от моего заявления.

– Ох, я знаю. Я постоянно работаю с такими парнями, как он, помнишь? Они все нахальные, эгоистичные засранцы, которые желают только одного, когда дело касается девушек. – Отец скрещивает руки на груди. – Я даю ему неделю, прежде чем он заменит тебя другой, а ты будешь рыдать в подушку ночи напролет... И вообще, это самый великодушный прогноз.

Неправда. Феникс не причинит мне боль. Он сам так сказал.

– Феникс так со мной не поступит.

– Для такой умной девочки ты ведешь себя крайне глупо, когда дело касается этого парня.

– У этого парня есть имя. – Внутри все сжимается от гнева. – И для такого замечательного отца сейчас ты ведешь себя как настоящий мерзавец.

– Нет, ты не права, – возражает он. – Я просто пытаюсь защитить ту, что люблю больше всего на свете. – Папа трясет пальцем в воздухе. – Не хочу, чтобы ты усвоила этот урок на собственном горьком опыте.

– Единственное, что я усвоила, это то, что ты не можешь смириться с тем фактом, что в моей жизни появился еще один мужчина.

– Ненадолго, – усмехается он.

В отчаянии я топаю ногой.

– Папа...

– Откуда ты знаешь, что он не использует тебя, дабы воспользоваться моими связями? Ты когда-нибудь об этом задумывалась? – Он фыркает. – Разумеется, нет. Потому что эти чертовы звезды в твоих глазах тебя ослепили.

После этих слов все мои надежды попросить отца помочь Фениксу и Сторму рухнули.

Плевать. Он им не нужен.

– Понимаю, ты думаешь, что я просто старик, который пытается удержать власть, но я уже проходил через подобное. Я знаю таких парней, как он. Знаю, о чем они думают. Черт, я сам был одним из них.

Тогда папа должен понимать, что люди способны меняться к лучшему. Не то чтобы Фениксу это нужно, потому что он удивлял меня на каждом шагу.

Каждый раз, когда моя неуверенность убеждала меня, что он пойдет направо... он делал все наоборот и сворачивал налево.

Потому что Феникс заботится обо мне.

И я не позволю отцу забить мне голову сомнениями, ведь я всю свою жизнь верила, что отношусь к тому типу девушек, которые не могут заполучить парня.

Но это не так.

– Я не собираюсь продолжать ссориться с тобой из-за этого, – тихо говорит отец, направляясь к двери. – Но мне бы хотелось, чтобы ты ко мне прислушалась.

Знаю, что папа говорит это лишь потому, что беспокоится и любит меня... Но в глубине души я не сомневаюсь, что он ошибается насчет Феникса.

Потому что я люблю его.

Глава 17

Феникс

Меня переполняет адреналин, когда я расправляю плечи и закрываю глаза, позволяя энергии гудеть и вибрировать, прежде чем она превратится в рев.

Многие артисты нервничают перед выступлением, но только не я. Знаю, что, стоит мне выйти на сцену... и все остальное перестает иметь значение.

– Когда придет твоя девушка? – спрашивает Сторм, крутясь на единственном стуле в гримерке.

Подобно мне, он тоже спокоен.

Я смотрю на часы. Наше выступление через сорок минут, так что у Леннон еще достаточно времени, чтобы приехать.

– Не знаю. Чуть позже напишу ей.

Только тогда я понимаю, что не потрудился поправить его насчет замечания о девушке, но, прежде чем успеваю проанализировать свои мысли, Сторм выплевывает ругательство.

– Что?

Если он сейчас устроит очередной припадок, то может сразу отправить свою задницу на улицу.

Сторм не сводит глаз с телефона.

– Мой приятель Майк только что написал, что заметил в толпе Вика Доэрти из «Фэнтом Рок Рекорде».

До меня доходили слухи, что сегодня вечером в клубе появится руководитель звукозаписывающей компании, но не исполнительный директор.

Чувак – чертова легенда в мире музыки. Да что там, в целом мире. Его имя стоит за некоторыми из величайших рок-легенд планеты.

Бушующий во мне адреналин быстро превращается в тошнотворную смесь тревоги и страха.

Мы в полной заднице.

– Что, твою мать, будем делать? – бормочет Сторм, вторя моим мыслям. – Мы не можем просто выйти и сыграть кучу каверов. Без оригинальной музыки он на нас даже не взглянет.

Мой друг прав.

Хотя я уверен в наших со Стормом возможностях, этого будет недостаточно. Вика Доэрти не впечатлит исполнение лучших хитов других групп... Какими бы чертовски талантливыми мы ни были.

Он жаждет оригинальности. Ему нужно нечто редкое и уникальное.

Нечто особенное.

Скопившиеся во мне ужас и тревога усиливаются.

Потому что у меня есть именно то, что он ищет...

Но это будет стоить мне единственного человека, который когда-либо в меня верил.

Мне ненавистна развилка, перед которой я стою, но только одна из дорог приведет меня к мечте.

Такая возможность выпадает раз в жизни... если повезет.

Я должен за нее ухватиться.

Выдохнув, я поворачиваюсь к Сторму.

– Я тут кое над чем работал.

Его глаза почти вылезают из орбит.

– Надо же дождаться последней минуты, чтобы сказать мне об этом.

– Я кратко объясню тебе, но у нас нет времени на репетицию, так что тебе придется подстраиваться, когда мы выйдем на сцену. В конце тяжелые ударные.

Обычно это не проблема, потому что мы всегда чувствуем друг друга, когда исполняем песню, но сейчас перед нами будет совершенно новый материал.

Несмотря на беспокойство, что читается у него на лице, Сторм кивает.

– Я справлюсь.

С этими словами я понимаю, что назад пути нет и наша судьба предрешена.

Я просто очень надеюсь, что оно того стоит.

Достав телефон, я использую функцию голосового ввода и нажимаю кнопку «Отправить».

Глава 18

Леннон

Закончив наносить еще один слой блеска для губ, я закрываю косметичку. Я снова прибегла к помощи миссис Палмы с макияжем и прической, и она проделала потрясающую работу.

Образ зануды Леннон уступил место хорошенькой и – осмелюсь сказать – сексуальной Леннон.

Только на этот раз, пока миссис Палма творила свое волшебство, я поведала ей о Фениксе, а она завизжала так, будто сама была девочкой-подростком, встречающейся с самым горячим парнем в Хиллкресте. Она также заверила, что мой отец, в конце концов, придет в себя. Ему просто нужно еще немного времени, чтобы смириться с тем, что его малышка выросла.

Выходя из такси, я разглаживаю свое платье. То самое, что надевала на выпускной вечер, но, поскольку Феникс никогда не видел его без свиных помоев и оно придает мне уверенности, я решила, что это хороший выбор.

На подходе к клубу уже выстроилась очередь до самых дверей. Я планировала прийти раньше, но миссис Палма в последний момент подумала, что моим локонам не хватает объема, и достала щипцы для завивки.

К счастью, концерт начинается только в десять, а это значит, что у меня в запасе есть примерно семнадцать минут, чтобы зайти внутрь.

Некоторые ворчат мне вслед, пока я прокладываю путь к началу очереди.

Статус девушки вокалиста определенно имеет свои преимущества.

– Привет, – говорю я угрюмому мужчине возле входа. – Меня зовут Леннон Майкл. Sharp Objects включили меня в свой закулисный список.

Бегло просмотрев лист, он протягивает мне бейдж.

– Вот ваш пропуск. – И показывает большим пальцем себе за плечо. – Дальше по коридору, третья дверь слева.

Когда я захожу внутрь, место встречает меня оживленным гулом, и пока я пересекаю главный этаж и сворачиваю в длинный коридор, позволяю себе насладиться тем фактом, что могу вот так просто пройти за кулисы.

Тут я нахожу Сторма, который яростно стучит в одну из дверей.

– Какого хрена ты там делаешь, придурок?

Ох. Это не сулит ничего хорошего.

– Все в порядке? – спрашиваю я, пристраиваясь рядом с ним.

– Нет, – хмыкает он. – Твой мужик находится там последние пятнадцать минут. – Он вновь стучит. – И он не открывает эту гребаную дверь.

Вот черт. Может, Феникс нервничает.

Конечно, он не производит впечатление человека, готового струсить перед выступлением, но страх может настигнуть в любой момент.

Закрыв глаза, я прижимаюсь лбом к панели из красного дерева, желая, чтобы он почувствовал, насколько я в него верю.

– Ты справишься, Феникс. Сегодня вечером ты всех покоришь. Я верю в...

Дверь открывается... Только по ту сторону стоит вовсе не мой парень.

А Сабрина.

– Простите. – Сморщив нос, она самодовольно ухмыляется. – Мы были заняты.

Меня будто парализует... не задев только сердце, которое, кажется, раскалывается на тысячу крошечных кусочков. И каждый из них пронзает меня насквозь, когда я провожаю ее взглядом и вижу, как Феникс застегивает ширинку.

Этого не может быть.

Мое бедное сердце, в отчаянных попытках вновь собрать себя воедино, пытается придумать слабое оправдание, стараясь примириться с тем, что парень, с которым я потеряла девственность менее суток назад, парень, который сказал, что хочет продолжить отношения и завел речь о сорокачетырехчасовых поездках, – тот же человек, что сейчас стоит передо мной.

Каждая клеточка тела кричит, чтобы я развернулась и ушла. Чтобы сохранила ту каплю достоинства, что у меня осталась.

К черту.

Этот порез слишком глубок, дабы притворяться, что он не причиняет адской боли.

Если Феникс никогда не хотел быть со мной, ему не следовало заставлять меня думать иначе.

Несмотря на то, как сильно я его желала, я бы согласилась и на дружбу. Потому что уже давно смирилась с тем, что между нами возможно только это.

Пока он не заставил меня поверить, что мы можем стать чем-то большим.

Что такая девушка, как я, может заполучить такого парня, как он.

Что может означать только одно.

Наши отношения – как дружеские, так и сексуальные – для него не более чем дурацкая игра.

Когда я захожу в комнату, в мое тело неистовой волной врывается ярость, смешанная с агонией.

Я могла бы назвать его мудаком и сказать, как сильно он меня обидел.

Могла бы спросить о причинах.

Но все это не имеет значения... Потому что ничто не изменит его поступка и не избавит от боли.

– Больше никогда не хочу тебя видеть. Никогда.

Впервые в своей жизни я не стремлюсь к солнцу.

Мне хочется покинуть его атмосферу. Навсегда.

Феникс делает шаг вперед – будто желая протянуть руку и коснуться меня, – но затем отстраняется и сосредотачивает свое внимание на чем-то за моей спиной.

– Я напишу тебе позже, Сабрина.

Каким бы ни было мое самообладание, ему приходит конец, и я бью Феникса по яйцам столь сильно, что он падает, а Сторм бормочет себе под нос «ауч».

Однако это не дает мне того удовлетворения, которое я искала, поэтому я хватаю большой кувшин с газировкой, стоящий на столе, и выливаю ему на голову. Таким образом, выйдя на сцену, он будет чувствовать себя глупо и униженно... подобно моему нынешнему состоянию.

– Я тебя ненавижу.

С этими словами я выхожу... И по моей щеке скатывается первая слезинка.

И слезы не перестают литься, пока я выбираюсь из клуба, бреду по улице и звоню отцу.

Он отвечает после первого звонка.

– Привет...

– Можешь меня забрать? – хриплю я сквозь истерические рыдания, которые никак не могу остановить.

– Конечно. Где ты?

– Возле «Вуду». Ну... Немного дальше по улице.

Потому что мне хочется быть как можно дальше от Феникса.

– Уже выезжаю.

– Спасибо. – Острая боль пронзает мою грудь. – Ты был прав насчет Феникса.

Я благодарна, что он не требует объяснений и не произносит: «Я же тебе говорил».

– Скоро приеду, Мартышка.

Стоит завершить звонок, как на меня накатывает очередная волна агонии. Она настолько мощная, что почти сбивает меня с ног.

Когда падаешь с высокого здания, ломаются все кости.

Но когда влюбляешься? Разбивается твое сердце.

Глава 19

Леннон

– Спасибо, – говорю я кассиру, когда она протягивает мне пакет с едой и гигантскую газировку.

Прежде чем уйти, я замечаю в ее глазах осуждение.

С момента самой кошмарной ночи в моей жизни прошло четыре месяца, и за это время я получила водительские права, купила машину, поступила в колледж... и набрала пятнадцать фунтов²⁰.

Развернув бургер, я откусываю большой кусок. Печально то, что я даже не голодна.

Мне просто хочется выброса эндорфинов.

Даже если вскоре после этого придет стыд.

Я бы очень хотела победить свою пищевую зависимость, а не позволять ей управлять мной, но не думаю, что это когда-нибудь произойдет. Особенно сейчас, когда моя внутренняя пустота ощущается сильнее, чем когда-либо.

Колледж большой, но у меня нет друзей. Конечно, есть соседка по комнате, она довольно милая и все такое, но у нее есть парень, который тоже учится в Дартмуте.

Когда она не в его общежитии, он приходит к нам.

Я узнаю об этом только по резинке на ручке двери нашей комнаты, предупреждающей меня не нарушать их идиллию.

Потянувшись в сумку, я хватаю второй бургер, когда подъезжаю к знаку «Стоп».

Мне нужно перестать так делать.

Откусив кусочек, я прибавляю громкость на стереосистеме. Обычно я не слушаю радио – потому что существует «Спотифай», – но эта станция не только ставит потрясающую рок-музыку, которую я обожаю, но и время от времени берет интервью у музыкантов.

Однако сегодня не тот случай. Из моих динамиков льется раздражающий голос радиоведущего.

– Я пропал, как только увидел свою жену. А теперь хочу, чтобы вы рассказали мне, влюблялись ли когда-нибудь с первого взгляда. Десятый позвонивший получит пару билетов на предстоящий рождественский рок-фестиваль.

²⁰ 15 фунтов – примерно 6,8 кг.

Бла-бла-бла.

Я уже собираюсь переключиться на «Спотифай», но следующие слова из его уст привлекают мое внимание.

– А пока у меня для вас есть небольшое угощение. Совершенно новый одноименный сингл Sharp Objects, релиз которого состоялся только вчера, но уже взорвал чарты.

Моя машина чуть не слетает с дороги.

Вот же черт.

– Должен вам сказать, – продолжает радиоведущий, – мне очень нравится эта песня.

Я собираюсь выключить радио, потому что, хоть я и рада за Сторма, не думаю, что смогу слушать голос Феникса без слез.

А затем... я слышу это.

Крепок, словно гвоздь,
Подобно лезвию заострен,
Но продолжаю лежать здесь
В хаосе, что тобой учинен.

Все внутри меня замирает.

Я даже не осознаю, что съехала с дороги и проколола шину о бордюр, на который наскочила, пока какая-то женщина не подбегает и не спрашивает, в порядке ли я.

Я не в порядке. Даже близко.

Говорят, когда играешь с огнем, непременно обожжешься.

Но когда ты в него влюбляешься?

Тебя уничтожают.

Глава 20

Четыре года спустя

Феникс

– «Грэмми»! – кричит голос с другой стороны дома.

По сигналу каждый делает глоток того, что у него в руке.

Вчера вечером мы с тремя остальными участниками группы Sharp Objects взяли «Грэмми», победив в номинации «Альбом года».

Я бы солгал, если б сказал, будто не волновался, что мы можем уйти без награды. Четыре года назад, когда мы озолотились и добились успеха, нас номинировали на звание «Лучшего нового исполнителя», а наш одноименный трек Sharp Objects претендовал на «Песню года». Разочарование от того, что мы не выиграли ни в одной из номинаций, ощущалось сродни удару кирпичом по лицу.

Но мы наконец-то сделали это. Дабы отпраздновать знаменательное событие, наш менеджер Чендлер и остальные члены команды арендовали очаровательный домик на пляже и пригласили наших близких фанатов – то есть группы и роуди²¹ – присоединиться к нам.

Мы веселились последние двадцать четыре часа, и у меня нет никакого желания замедлять сей поезд. В этом году мне исполнится двадцать три года, а я уже взял «Грэмми». Я, черт возьми, тот, о ком слагают легенды.

Допив остаток «Джека», я направляюсь к столу за добавкой.

Сторм, неторопливо курящий травку, корчит гримасу, когда я наполняю бокал до краев.

– Тебе, наверное, стоит притормозить с этим дерьмом, дружище.

Он по-прежнему мой лучший друг, но к черту его и его занудство.

– Мы выиграли «Грэмми», сучонок. Я праздную.

К нам подходит Джош, наш басист, и один из самых сумасшедших ублюдков, которых я когда-либо встречал.

Прежде чем подписать с нами контракт от лица «Фэнтом Рок Рекорде», Вик устроил встречу с басистом и гитаристом, которые оказались сводными братьями.

²¹ Роуди – дорожная команда, вспомогательный персонал, который сопровождает группу во время турне и несет обязанности по подготовке и проведению всех частей концертов, кроме собственно исполнения музыки.

Как и мы со Стормом, они росли в бедности, но музыка помогла им пережить тяжелые времена. Как только мы принялись джемовать²², у меня по коже побежали мурашки, а в глазах Вика замелькали знаки доллара. В тот день звезды сошлись, и нас, без сомнения, благословила сама судьба.

Джошу и Мемфису требовались вокалист и барабанщик, а нам – гитарист и басист... но мы получили настоящую семью.

– Да, черт возьми, мы празднуем! – кричит Джош, хватая со стола бутылку «Джека» и делая большой глоток.

Заметно раздраженный, Сторм ворчит что-то себе под нос, а Джош показывает ему средний палец.

– Никто не любит кайфоломов.

Обняв меня за плечи, он указывает на двух горячих полуобнаженных цыпочек в другом конце комнаты.

– Видишь вон тех сучек? – Собираюсь напомнить ему, что я не слепой, но тут Джош говорит: – Только и ждут, чтобы отсосать нам. – Он поигрывает бровями. – А у меня припасен пакетик кокаина, который мы будем нюхать с их огромных сисек.

Мать вашу, я в деле.

– Так чего мы ждем?

Джош целует меня в лоб.

– Вот это мой мальчик.

Поскольку он так считает, я делаю ему огромное одолжение и прочесываю окрестности в поисках его невесты Скайлар. Несмотря на то, что они вместе с самого детства и Скайлар – милая миниатюрная блондинка, Джош изменяет ей направо и налево. Мы с остальными ребятами уже давно бросили попытки убедить его, чтобы он завязывал, потому что ублюдок никогда не слушает.

А Скайлар в итоге всегда его прощает.

Но, судя по всему, ситуация меняется, поскольку я замечаю ее в углу гостиной, где она, похоже, ведет пылкую беседу с Мемфисом.

Джош в последнее время постоянно под кайфом и даже не понимает, что его собственный брат и участник группы влюблен в его девушку.

Однако Скайлар гораздо проницательнее, потому что, как только мы начинаем уводить девушек в ближайшую спальню, она, точно стервятник, бросается к своему мужчине.

– Джош!

Несмотря на состояние, он ускоряет шаг и, смеясь, затаскивает девушек в спальню, а затем запирает за нами дверь.

– Раздевайся, – велит он рыженькой, пока я провожаю блондинку к одной из двух кроватей в комнате.

– Твой новый пирсинг так сексуален, – мурлычет она. – Люблю целоваться с парнями с кольцами в губах.

Со мной она целоваться не будет.

Цыпочка собирается сесть на матрас, но я качаю головой.

– На колени.

Хихикая, она нетерпеливо расстегивает мою молнию. А мгновение спустя уже заглатывает член. Вернее, пытается, но почти сразу давится и говорит:

– Ты такой большой.

Я надавливаю ей на затылок.

– Все равно соси.

²² Джемовать – совместно исполнять какой-либо материал, импровизировать и создавать новую музыку.

И она послушно выполняет приказ.

Вот что меня так привлекает в группе. Никакой ерунды или притворства. Они здесь для того, чтобы служить, трахаться и сосать нам, как богам, которыми мы и являемся.

Просто охренительно.

Но громкий стук в дверь заставляет Джоша опрокинуть пакет с порошком, который он сыпал на грудь рыжей девушки.

– Джош, клянусь Богом...

– Расслабься, малышка, – кричит он. – Мы просто разговариваем. – Втягивая сосок девушки в рот, он бормочет. – Вкусно... Но скоро они станут еще вкуснее.

От этого бешеный стук становится только громче.

Не обращая внимания на просьбы невесты выйти, Джош и рыженькая подходят ко мне.

– Дай папочке Фениксу немного попробовать.

Девушка с энтузиазмом придерживают свою огромную грудь, точно полку, а Джош достает новый пакетик и высыпает немного сверху.

У меня нет привычки связываться с тяжелыми веществами, но «Грэмми» требует дополнительного удовольствия.

Опустив голову, я занюхиваю дорожку.

Мне требуется всего пять секунд, дабы понять: что-то здесь не так.

– Что это за дерьмо?

Джош поигрывает светлыми бровями и ухмыляется, как кот, только что сожравший канарейку.

– Героин.

Сволочь. Он знает, что я не связываюсь с этим дерьмом.

– Какого хрена... – начинаю возмущаться я, но у меня скручивает желудок.

А затем меня тошнит...

Прямо на цыпочку, которая делает мне минет.

Вот же черт.

Подойдя ближе, Джош хлопает меня по спине.

– Наслаждайся поездкой, малыш.

Мне хочется наорать на него, но чувство эйфории, растекающееся по венам, можно сравнить только с тем, что я испытываю, когда нахожусь на сцене. Меня охватывает еще один прилив чистого блаженства, и я чувствую, что нахожусь в своем собственном маленьком мире, где ничто и никто не в силах разрушить это умиротворение.

Даже громкие рыдания Скайлар по ту сторону двери.

– Хорошо, правда? – спрашивает Джош, расстегивая молнию, и девушка перед ним падает на колени.

Я закрываю глаза, теряясь в ощущениях, пока превращаю стук Скайлар в мелодичный ритм в своей голове.

– Да твою ж мать, – рычит Джош. – Соси активнее.

– Я пытаюсь, – жалуется девушка.

– Не пытаешься, если можешь говорить. – Мгновение спустя я слышу громкое пыхтение. – Ты горячая штучка, но я могу отсосать член лучше тебя. Убирайся, бесполезное создание.

– Полегче, засранец, – рявкаю я.

Ради всего святого, девчонка здесь, чтобы снять его напряжение.

В мои уши врывается новый поток рыданий, потому что Джош умудрился довести до слез уже двух девушек.

– Не моя вина, – возражает он. – Эта сучка не может меня возбудить.

Она тоже не виновата.

Я начинаю опускать взгляд, но останавливаюсь, потому что, хоть я и ставлю девушке, отсасывающей у меня, пятерку за старание, визуальный ряд способен быстро испортить мне стояк.

– Ну, у меня нет такой проблемы, придурок. Так что заткнись, чтобы я мог кончить.

Он оказывает мне солидную услугу, и спустя пятнадцать минут я достигаю пика блаженства.

– Спасибо, сладкая. – Я киваю в сторону ванной. – Душ там.

Моя блондинка и всхлипывающая рыженькая Джоша спешат туда.

Я стягиваю с себя футболку, потому что на нее попало немного рвоты... когда дверь открывается и вбегает разгневанная Скайлар с отверткой в руке.

Интересно, где она ее достала?

Бросив инструмент, она лупит кулаками грудь Джоша.

– Как же я тебя ненавижу!

– Расслабься, – успокаивает он ее, пытаюсь обнять. – Ничего не было. – Он смотрит на меня. – Скажи ей, Феникс.

Я молчу. С этим торнадо он должен справиться сам.

– Ты знаешь, как сильно я тебя люблю, – продолжает Джош, но Скайлар на это не клюет и отталкивает его.

Он так обдолбан, что чуть не падает и не разбивает себе задницу.

– Все кончено.

Джош следует за ней, но Скайлар кричит:

– Не ходи за мной. С меня хватит.

Он закатывает глаза, когда она выбегает из комнаты.

– Она прекрасно знает, что ничего не кончено.

Несмотря на то, что в этот раз Скайлар говорила довольно убедительно, Джош, вероятно, прав.

У нее доброе сердце... которое постоянно истекает кровью из-за этого идиота.

Не беспокоясь о том, что его отношения полыхают в огне, Джош смотрит на меня и ухмыляется.

– Что скажешь, если мы отправимся в небольшое приключение?

– Что за приключение?

Ведь никогда не угадаешь, что у Джоша на уме.

– Такое, в котором мы сможем убраться отсюда.

Да, его унесло, как воздушного змея. Мало того, что наша служба безопасности кинется искать нас после ухода, но и прогулка по пляжу посреди ночи не вяжется с моим представлением о чудесном времяпрепровождении.

– Я не в настроении гулять...

– Кто говорил о прогулках? – Он машет связкой ключей перед моим лицом. – Я украл ключи от «Мустанга» Чендлера. Давай прокатимся.

Джош, должно быть, чувствует, что я собираюсь ему отказать, поэтому дразнит:

– Да ладно тебе. Не будь девчонкой.

Как только этот болван на что-то нацелится, все уже решено. Единственное, что вы можете сделать, это проследить за придурком, чтобы он не учинил слишком много разрушений.

Пробравшись сквозь толпу людей, мы выходим на улицу и направляемся к красному «Мустангу» нашего менеджера.

Джош бросает мне ключи.

– Окажи мне честь.

Открыв дверь со стороны водителя, я забираюсь внутрь.

– Мы отъедем всего на несколько минут.

Как только я завожу машину, из динамиков вырывается песня Бритни Спирс «...Baby One More Time».

Мы с Джошем обмениваемся взглядами... а потом разражаемся хохотом.

– Ничего себе, – говорит он между приступами смеха.

– Ага.

Наш менеджер работает в индустрии уже пятнадцать лет и является не только поклонником хардкор-рока, но и тяжелой музыки в целом.

Но, опять же, этот чувак носит брюки карго.

Взяв зажженную сигарету, которую передает мне Джош, я задним ходом выезжаю с подъездной дорожки.

– Никогда не спущу ему этого.

Джош вытаскивает что-то из кармана.

– Ни за что, черт возьми. В следующий раз, когда он будет на нас орать, я начну петь это.

Фыркнув, я направляюсь к побережью. Выражение лица Чендлера будет бесценным.

– В туре нам следует начинать прогон с этой песни, – продолжает Джош.

Через пять недель у нас начнется месячный тур по Южной Америке, затем еще один месяц мы проведем в Австралии, а летом стартует тур по США.

После этого... мы отправимся в Европу на шесть недель.

А потом? Я буду спать в течение следующего гребаного десятилетия.

– Ну уж нет.

Я собираюсь выключить стерео, но Джош останавливает меня.

– Нет. Оставь. – Покачивая головой в такт, он высыпает немного порошка на приборную панель и занюхивает его.

– Ты серьезно, дружище?

Он только недавно принял очередную дозу в спальне.

– Расслабься. Я припас и для тебя немного.

Уже собираюсь сказать, что мне и так хорошо, но тут звонит мой телефон. Когда я достаю его из кармана, на экране высвечивается имя Сторма.

Я нажимаю кнопку громкой связи.

– Хэй.

– Где вас носит?

Его слова заставляют нас с Джошем вновь залиться смехом.

Потянувшись, я глажу друга по голове.

– Наш сумасшедший басист украл ключи от машины Чендлера, и мы решили прокатиться.

Сторм замолкает... а потом:

– Какого хрена, Феникс? Ты под кайфом...

– Я в порядке... – начинаю говорить я, когда машину слегка заносит.

– Вечеринка не удалась, – кричит Джош.

Дьявол. Мое состояние хуже, чем я думал.

– Черт, братишка. Эта хрень вывела меня из себя.

– Тормози сейчас же, – рявкает Сторм. – И скажи мне, где вы, чтобы я мог приехать и забрать вас, двух засранцев.

Я притормаживаю на обочине, когда на меня накатывает еще одна волна.

– Недалеко. Все еще едем вдоль побережья.

– Скоро буду.

Я делаю последнюю затяжку сигаретой и выбрасываю ее в окно.

– Проклятье.

– Мужик, забудь про зануду Сторма. – Джош жестом просит передать ему ключи. – Я сам могу отвезти нас обратно.

Теплое чувство эйфории усиливается.

– Правда?

– Посмотри на меня.

Когда я делаю, как он просит, Джош указывает на свое лицо.

– Я в полном порядке, малыш. Справлюсь.

Он пихает меня локтем.

– Поменяйся со мной местами.

– Ладно.

Выйдя из машины, мы пересаживаемся. Я отправляю Сторму сообщение с просьбой не беспокоиться, потому что мы скоро вернемся.

Разворачиваясь, Джош нажимает на повтор песни Бритни Спирс и увеличивает громкость.

– Уверен, что сам не увлекаешься этой ерундой?

Покачивая головой, он нажимает на газ.

– Не, братишка. Я просто пытаюсь выучить текст песни, чтобы потом поиздеваться над Чендлером. – Машина ускоряется, когда он двигает плечами вверх-вниз в такт мелодии, заставляя «Мустанг» резко вильнуть влево. – Порази меня...

А затем меня поглощает темнота.

* * *

Жгучая боль пронзает голову, а по лицу стекает жидкость.

– Какого черта?

Медный привкус заполняет рот, смешиваясь со вкусом чего-то пыльного.

Когда я открываю глаза, меня окружают подушки безопасности, битое стекло и ветки дерева, в которые мы, должно быть, врезались.

– Упс.

Не обращая внимания на пульсацию в шее и грудной клетке, я перевожу взгляд на Джоша. На его лице много крови, но, по крайней мере, мы оба живы.

Его истерический смех заполняет то, что еще осталось от машины.

– Чендлер дико разозлится.

Да, черт возьми, так и будет.

– Наверное, мне стоит немного подождать, прежде чем дразнить его с Бритни, а?

Пыль во рту раздражает легкие, и я кашляю... что только усиливает пронзительную боль в голове и груди.

– Давай выбираться отсюда.

Я ищу среди обломков свой телефон, дабы рассказать Сторму, что случилось, но машина так разбита, что не могу его найти.

– У тебя есть телефон?

Так и не дождавшись ответа, я поворачиваюсь к другу. Его глаза стекленеют.

– Скайлар.

– Что?

– Скай...

Его глаза закатываются.

Меня охватывает паника.

– Джош? – Протягивая руку, я трясую его. – Ну же, дружище. Очнись.

Ответа не следует.

Используя остатки сил, я трясу сильнее... Но его тело остается неподвижным.
Нет. Этого не может быть. Минуту назад он был в порядке.

– Очнись!

Сильная боль в моей голове нарастает. За ней следует прилив усталости, с которой я не в силах бороться.

– Джош!

Слабо, но я замечаю голоса и ощущение, будто меня куда-то тянут.

– Черт! – кричит кто-то, чей голос очень напоминает Чендлера. – Черт!

– Останься со мной, – произносит кто-то другой, и я сразу узнаю Сторма.

Открыв глаза, я вижу, что он сторбился надо мной, выглядя более испуганным, чем я когда-либо видел его в своей жизни.

– Джош. – Желчь обжигает горло. – Он совсем плох.

– Знаю, – шепчет Сторм, сжимая мою руку. – Как и ты, Феникс. Скорая помощь уже в пути. Мне просто нужно, чтобы ты продержался, хорошо?

– Люди в другой машине мертвы, – орет Чендлер.

Другая машина?

Мне хочется спросить, о чем он говорит, но силы меня покидают.

– Хочу пить. – Я больше не могу держать глаза открытыми. – Устал.

Так чертовски устал.

– Останься со мной, – рывкает Сторм, только его голос то затихает, то пропадает, словно он кричит в сломанный микрофон. – Ты не умрешь у меня на руках.

Но когда я отключаюсь... слышу уже не его голос.

А ее.

Глава 21

Леннон

– Виски со льдом и лимоном.

– Сейчас принесу, – говорю я парню в деловом костюме.

Наполнив половину бокала льдом, я бросаю туда же цедру лимона. Мужчина все это время оглядывает меня с ног до головы.

– Владелец этого заведения – идиот, раз поставил такую красивую девушку за стойку, а не отправил наверх.

Наверху расположена сцена, где Ангел сейчас крутится на шесте.

Я не представляла, чем займусь после Дартмута, но работа барменом в «Обсидиане» – мужском клубе – определенно не входила в мои планы.

Однако иногда жизнь подкидывает неприятные сюрпризы, и единственное, что вам остается, это продолжать двигаться вперед.

Протягивая мужчине напиток, я изучаю его. Темные волосы, темные глаза, и, судя по внешнему виду, ему далеко за сорок. Хотя он и не лишен привлекательности, в его чертах нет ничего особенно выдающегося или очаровательного.

Я скромно подмигиваю ему, желая получить чаевые.

– Я за барной стойкой, потому что сама этого хочу.

Поднеся бокал к губам, он делает глоток, а его взгляд опускается ниже, изучая мой черный корсет и темные джинсы.

Четыре года назад такой парень, как он, – черт, да любой парень, если уж на то пошло, – и не взглянул бы на девушку вроде меня. Как бы ни было разрушительно услышать мою песню по радио в тот день, это также разожгло внутри меня пламя.

Хотя я не могла исправить то, что сделал этот вороватый мерзавец, я поняла, что есть кое-что, что я могу изменить.

Себя.

Всю свою жизнь я пыталась заполнить большую, зияющую внутреннюю пустоту едой.

Проблема заключалась в том, что это не работало. Потому что, как бы хорошо мне ни было в разгар пира, после него я всегда чувствовала себя дерьмово.

Что, в свою очередь, только увеличивало пустоту.

В глубине души я была несчастна... но лишь оттого, что постоянно выбирала быть такой.

Было сложно учиться выстраивать правильные отношения с едой, и это потребовало глубокого самоанализа.

Я не заставляла себя садиться на жесткую диету и не морила себя голодом, дабы добиться стройности. Просто выбрала более здоровый путь и переставала есть сразу после насыщения. Ну, и еще отказалась от газировки, потому что эта гадость никому не идет на пользу. Особенно в том чрезмерном количестве, в котором употребляла ее я.

Я все еще не та, кого общество сочло бы худой, учитывая, что в лучший день у меня десятый размер, а в ПМС двенадцатый, но плевать я хотела на это общество. Что самое важное: мне наконец-то нравится собственное отражение в зеркале.

Потому что я победила внутренних демонов не ради какого-то глупого парня или всеобщего признания.

Я сделала это ради себя.

Взгляд мужчины в конце концов возвращается к моему лицу. Благодаря миссис Палме я научилась делать макияж самостоятельно. А также отрастила волосы и покрасила их в угольно-черный цвет – всегда хотела это сделать, но боялась попробовать.

– Ты учишься в колледже? – спрашивает он.

Его вопрос заставляет меня внутренне содрогнуться, поэтому я отвлекаюсь, хватая тряпку и протирая барную стойку.

Несмотря на то, что первые несколько месяцев в Дартмуте мне было одиноко, как только я начала работать над собой и перестала позволять страху сдерживать меня, я расцвела. У меня появились друзья, я хорошо училась, наслаждалась недолгими отношениями и парочкой свиданий на одну ночь.

На втором курсе у меня даже появился парень по имени Гарри, мы встречались полгода.

А потом все изменилось.

– Нет, – отвечаю я мужчине. – Я не учусь.

Я благодарна ему, что он не лезет не в свое дело и вместо этого протягивает мне двадцатку.

– Хорошей ночи, красавица.

– Тебе тоже.

* * *

Когда я возвращаюсь домой, часы показывают три часа ночи. Снимая туфли, я произношу безмолвную молитву, прежде чем направиться в гостиную.

Миссис Палма сидит на диване и смотрит повторы старых ситкомов по телевизору, но, заметив меня, тут же расплывается в улыбке.

– Сегодня была хорошая ночь.

Я вздыхаю с облегчением.

– Спасибо.

Честно говоря, не представляю, что бы делала без этой женщины. Она – живое доказательство того, что ангелы действительно существуют и некоторые из них живут прямо здесь, на земле.

– Всегда пожалуйста. – Вставая, она слегка сжимает мою руку. – Я положила в холодильник остатки еды для тебя. Ричард не оценил сегодняшней мясной рулет, но твоему папе он, кажется, пришелся по душе.

Я провожаю ее до входной двери.

– Уверена, рулет потрясающий. Еще раз спасибо, миссис Палма.

– Сколько раз мне повторять, чтобы ты называла меня Сью? – Она быстро обнимает меня. – И не нужно благодарности, Леннон. Я рада помочь, чем могу. Увидимся завтра, милая.

Когда она уходит, я поднимаюсь по лестнице, дабы проведать отца. Он крепко спит, за что я возношу хвалу небесам.

За три недели до окончания второго курса в Дартмуте мне позвонила миссис Палма.

За несколько дней до этого звонка ее разбудил громкий звук посреди ночи. Учитывая, что ее муж Ричард лежал в постели рядом с ней, а в доме больше никто не живет, она по понятным причинам испугалась.

Однако, когда Ричард схватил ружье и спустился вниз, чтобы разобраться в чем дело, оказалось, что это не злоумышленник, как они сначала подумали.

Это мой отец рылся в их холодильнике... абсолютно голый.

Когда мистер Палма спросил, что он делает, папа пробормотал что-то о продолжении вечеринки. Подумав, что он, должно быть, слишком много выпил на какой-то вечеринке, сосед проводил моего отца домой и велел ему проспать.

Как ни странно, мистер и миссис Палма решили, что лучше не придавать этому большого значения, потому что не хотели смущать моего отца.

Но спустя три ночи он вернулся.

Только на этот раз... забрался к ним в постель.

Мистер Палма уже готовился надрать ему зад, но папа испугался и спросил Ричарда, что он делает в постели с его женой. Поняв, что здесь что-то не так, они отвезли его в больницу и позвонили мне.

Хотя к моему приезду ему стало лучше, врачи все равно провели кучу тестов.

Я точно помню момент, когда у него диагностировали раннюю стадию деменции...

Потому что в тот самый миг весь мой мир остановился.

Чтобы быть рядом с отцом, я покинула Дартмут, не дождавшись начала летних каникул. Я полагала, что с помощью лекарств и реабилитации все наладится и осенью у меня получится вернуться на третий курс.

Однако у жизни имелись другие планы, поскольку, несмотря на лечение, назначенное специалистом по деменции... состояние папы становилось хуже, и я никак не могла вернуться в колледж.

Гарри пытался поддерживать меня, но в итоге расстояние и его неспособность смириться с тем, что все мое внимание сосредоточено на самом важном человеке в моей жизни, заставили его разорвать наши отношения.

Лечащий врач предложил мне поместить отца в дом престарелых и вернуться в колледж, но, хотя кому-то это может показаться верным решением, я не могла вынести даже мысли о подобном исходе.

Папа уже был настолько потерян и сбит с толку, что казалось неправильно усугублять его состояние, забирая из дома, который он любил.

Единственное, что я могла предпринять, – это придумать, как в нашей новой жизни все более-менее нормально устроить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.